

Е.ЛАГОВСКАЯ

Ради тебя,
человек

**Ради тебя,
человек**

Е. ЛАГОВСКАЯ

Ради тебя, человек

1967

Московский рабочий

Документальная повесть Е. Лаговской «Ради тебя, человек» — это скромный литературный памятник одному из верных ленинцев — В. А. Обуху.

Долго, буквально по крупицам собирал автор материалы, чтобы воссоздать облик достойного светлой памяти человека. С этой целью перечитано, изучено много материалов, документов; записаны рассказы соратников и учеников В. А. Обуха; просмотрены пухлые папки московской охраны; объезжены все «обуховские» места.

Глубокую признательность приносит автор товарищам, оказавшим помощь в розыске материалов и создании образа героя книги. Безмерно благодарен автор профессорам Л. С. Боголеповой, Д. Г. Оппенгейму, сыну Обуха — А. В. Обуху, товарищам М. А. Икану, Е. С. Брауде и многим другим.

— Что сделаю я для людей?! —
сильнее грома крикнул Данко.

И вдруг он разорвал руками себе
грудь и вырвал из нее свое сердце и
высоко поднял его над головой.

Оно пылало так ярко, как солнце,
и ярче солнца, и весь лес замолчал,
освещенный этим факелом великой
любви к людям...

М. Горький. «Старуха Изергиль».

В какой бы дом я ни вошел, я
войду туда для пользы больного,
будучи далек от всего намеренного,
неправедного и пагубного.

Гиппократ. «Клятва».

По улицам плывут звуки надрывно-торжественного марша Шопена. Кажется, что они заполняют не только город, но и далеко за пределами его извещают о том, что из жизни ушел большой человек.

От Дома союзов по Моховой в направлении Новодевичьего кладбища движется огромная процессия. Машина с прахом покойного утонула в венках и цветах. Головная часть людского потока уже влилась на Кропоткинскую, а конец ее еще в начале Волхонки.

Непосредственно за траурной машиной идут две седые, скромно одетые женщины. Та, что повыше, с большими, светлыми, чуть выпуклыми глазами и суровой складкой у рта, устремила взгляд в перспективу улицы, будто пристально всматривается во что-то, будто видит она такое, что недоступно взору других, словно скорбно смотрит в будущее.

Вторая женщина маленькая. Доброе увядающее лицо ее говорит о большом горе.

Это Надежда Константиновна Крупская и Мария Ильинична Ульянова провожают в последний путь дорожного им человека. Он был верным другом их семьи, кри-

стально чистым большевиком, не рядовым деятелем партии и Советского государства.

Случилось это в душный июльский вечер 1934 года. Во многих точках Москвы один за другим зазвонили телефоны. Раздался резкий звонок и в секретариате наркома здравоохранения Григория Наумовича Каминского. Девушка, взглянув на часы, удивилась: «Кто это так поздно? Уже скоро десять. Кому известно, что нарком еще здесь?» Она лениво подняла и приложила трубку к уху. Весть, которую она услышала, молниеносно преобразила ее лицо. Сначала на нем словно отпечатался испуг, потом некоторое замешательство, растерянность.

— Что? Да, это ужасно! Нарком здесь. Подождите, я сию минуту...

— Простите, Григорий Наумович, возьмите, пожалуйста, трубку городского телефона, — шепотом попросила девушка, войдя в кабинет наркома.

Каминский взял трубку. И вдруг быстро поднялся, будто его подбросило что-то. Потом медленно положил трубку на рычаг, посмотрел на сидящих за столом людей и с трудом выговорил:

— Встаньте, товарищи.

Все поднялись и застыли в тревожном ожидании.

— Сейчас скончался Владимир Александрович Обух... Я прерываю заседание коллегии, извините, — договорил Каминский, взял портфель и быстро вышел.

Пока машина мчала наркома в Серебряный бор, где на даче Анны Ильиничны Елизаровой последние годы жил Обух, Григорий Наумович передумал многое, вспомнил многое. Он глубоко ценил и любил Владимира Александровича. Обух — это кладезь знаний и опыта, это медицинская энциклопедия. Да только ли медицинская? Это большевистская нестигаемость, это незаурядный талант организатора.

— Многим долго будет недоставать этого человека, — вдруг вслух сказал нарком. Шофер удивленно оглянулся на него.

Когда Каминский приехал в Серебряный бор, он уже не застал там Обуха. Только на следующий день в вестибюле 1-й Градской больницы на усыпанном цветами возвышении он увидел Обуха уже в гробу. Вокруг стояли родные и близкие.

Проводить Владимира Александровича Обуха в последний путь вышла пролетарская Москва, Москва партийная и, уж конечно, вся медицинская Москва. В больницах, поликлиниках, буквально во всех медицинских учреждениях города остались только дежурные, все остальные — в траурных колоннах. Здесь широко представлена и знаменитая медицина Москвы: Розанов, Вейсброд, Соловьев, Каминский...

В машине — жена Владимира Александровича, Варвара Петровна, спутница суровая и нежная, чуткая и неколебимо твердая, веселая и до аскетизма скромная. Варвара Петровна не могла идти, отказали ноги, и Надежда Константиновна с Марией Ильиничной уговорили ее сесть в их машину. Сами же они наотрез отказались ехать, сколько ни уговаривали товарищи, беспокоясь за них: «Ведь жарко, а путь еще далек, может не хватить сил». Всякий раз обе женщины отрицательно качали головами: нет, нет — они не могут ехать, они не сядут в машину. Они должны достойно проводить Владимира Александровича.

Обух, как и при жизни, словно магнит, стянул в этот жаркий июльский день на улицы Москвы всех знавших и не знавших его лично, всех любивших и даже не любивших его. Обуха можно было не любить порой за резкость, за категоричность суждений, за непреоборимое

упорство, за непримиримость к некоторым вещам, несовместимым с его представлениями о чести, долге и партийности, но не уважать его было невозможно.

Его старый, испытанный друг по партии и работе Борис Соломонович Вейсброт глубоко ценил и любил Обуха. Он медленно идет за траурной машиной, и вспышки памяти одна за другой озаряют их совместный долгий жизненный путь. Партийное подполье, годы работы в 1-й Градской, потом горячие дни октябрьских боев в Москве... Но вот память как бы прошла по узловым пунктам жизни страны после Октября, и Вейсброт вдруг только сейчас, когда Обуха уже нет, во весь рост увидел его огромную фигуру, как-то сразу умом и сердцем понял ту значительную роль, которую сыграл этот человек в жизни партии и страны.

Оглянулся Борис Соломонович и увидел поразившую его медленно движущуюся процессию. Это окончательно убедило его в том, как велика народная значимость Обуха. Здесь шли и женделегатки «Трехгорки», «Красной Розы», и активисты здравячеек почти всех больших заводов Москвы. Вон завод Ильича, вон «Серп и молот», «Динамо»...

По правую сторону машины, рядом с сыном Обуха, Андреем Владимировичем, идет высокая, стройная женщина. Это доктор Людмила Сергеевна Боголепова. Рядом с Владимиром Александровичем она прошла все сознательные годы своей жизни, начиная со студенческих лет, сначала догоняя своего учителя как ученица. С годами она, подравняв шаг, пошла рядом как друг по партии и работе, по борьбе за пролетарскую революцию, а позже за становление и развитие советского здравоохранения.

Людмила Сергеевна подняла светлые, чуть косо прорезанные глаза, что придавало ее лицу всегда немного удивленное выражение. Глаза были сухие. Сейчас здесь

никто не плакал. В большой скорби обычно не плачут. Слезы чаще всего только первая реакция на горе. Потом приходит скорбь. Она молчалива, со сжатыми губами, с сухими глазами, полными безысходной тоски.

Вот такие глаза и были сейчас у Людмилы Сергеевны. Она увидела рядом с собой Вейсброда и мысленно вернулась к тому недалекому дню, когда вместе с ним и Варварой Петровной стояла у изголовья Обуха при последних мгновениях его жизни.

Все, конечно, знали, что Владимир Александрович болен очень тяжело. Из строя выходят сосуды, питающие кровью сердце, а это почти всегда роковой предвестник печального исхода. Болезнь стальными тисками сдавила организм человека, раньше времени израсходовавшего отпущенные ему природой силы.

Людмила Сергеевна взглянула на библейский профиль Вейсброда, и в памяти вспыхнули его глаза, полные ужаса, когда он беззвучно, одними губами сказал:

— Он умирает.

— Да, вижу, — так же беззвучно ответила Людмила Сергеевна, и щемящая боль сдавила их сердца. Они оба — врачи — отлично понимали процесс, который неминуемо сейчас завершит жизненный путь их друга.

Варвара Петровна не плакала. Она будто окаменела и внешне казалась даже спокойной.

Где бы ни была, что бы ни делала в эти траурные дни Людмила Сергеевна, в памяти ее вновь и вновь возникала беленькая девочка Наташа, трехлетняя внучка Владимира Александровича.

Они были очень дружны — огромный добрый дед и крохотная сероглазая девчушка с тонким голоском и довольно сильным характером. Дед носил ее под мышкой, она дрыгала ножонками и пронзительно визжала. «Дедя» — так ласково она его называла — выдумывал преинтересные сказки или садился в глубокое кресло

и играл с нею в мяч. А иногда они совершали прогулки по парку, «исследовали» норы кротов и собирали лесную землянику.

Когда Владимиру Александровичу стало совсем плохо, он знаком попросил привести к нему внучку. Наташа взглянула на «дедю» и потянулась к нему. Владимир Александрович нашел в себе силы и помахал девочке слабеющей рукой. Она тоже махнула деду ручонкой и улыбнулась. Но улыбка получилась почему-то жалкой, было похоже, что она сейчас заплачет.

Прошло два дня, как увезли деда с дачи, а Наташа все ждала и ждала его. Девочка не понимала, конечно, но по поведению взрослых чувствовала, что с ее любимым дедом произошло что-то нехорошее. Она все удивлялась, куда же пропал ее дед. А когда на дачу по какому-то делу на минуту заехала Людмила Сергеевна, Наташа выбежала на веранду и крикнула:

— Скажите деду, чтоб скорей приезжал! Мне скучно. Что же он не едет?

У Людмилы Сергеевны точно парализовало ноги. Она сразу остановилась. Потом, не оборачиваясь, тихо сказала:

— Хорошо, Наташенька.

Шопеновский марш сменился песней революционно-го подполья «Вы жертвою пали». Духовой оркестр с огромной силой выводил эту щемящую душу мелодию. Она разбудила в сердцах близких и дорогих Обуху людей его образ.

«До последнего вздоха он остался верным солдатом партии», — подумала Варвара Петровна.

Примерно так же подумал о нем и Вейсброд.

В самом деле, жил и работал Владимир Александрович не жертвенно, не показно, а естественно и просто, как дышал. Если бы он слышал о себе выпренную фразу вроде «жил ради тебя, человек», он бы возмутил-

ся и высмеял автора. А между тем это действительно было так, и именно этой фразой, «ради тебя, человек», можно и должно охарактеризовать жизнь Обуха.

Людмила Сергеевна вдруг улыбнулась. Четко и ясно представила смеющегося Владимира Александровича, будто он вот здесь рядом и залиvisto хохочет. Даже вроде смех его услышала. Таким и сохранила она его в памяти. Таким он жил. Таким его знают, помнят и любят все...

В расцвете лет

— Слышите, господа, опять Обух улыбается, — съязвил доктор Бобров, наливая себе второй стакан крепкого чая.

За дверью дежурки, где к двенадцати часам обычно собирались все врачи больницы, послышался раскатистый, удивительно щедрый, широкого диапазона смех. Постороннему человеку показалось бы странным, неуместным, даже оскорбительным так беспечно смеяться здесь, где столько человеческих страданий.

Дверь дежурки распахнулась, и пролет ее заслонила гренадерского типа плотная фигура человека в белом халате. Голова его была немного запрокинута, а богатая окладистая борода ритмично подрагивала в такт смеху. Овальное, налитое здоровьем, румяное лицо русака, брызги неудержимого веселья в светло-карих глазах красноречивее всяких слов говорили о том, что человек этот находится в полном расцвете духовных и физических сил.

— Нет, вы только послушайте, господа, что рассказываю мне сейчас вот эта юная докторша, — укрощая

буйный смех, выговорил Владимир Александрович Обух, галантно пропуская вперед молодую девушку. Она держала в руке свою белую докторскую шапочку и тоже смеялась. Ее коротко остриженные каштановые волосы пышно обрамляли милое лицо.

— Понимаете, когда в Киеве она была курсисткой, город посетил его величество государь император все-российский. — Владимир Александрович актерским жестом указал на портрет царя Николая II в тяжелой золоченой раме, висевший в простенке между двумя узкими, длинными окнами.

— Не подозревая ничего для себя опасного, это невинное существо безмятежно двигалось по Крещатику, — продолжал Обух, — как вдруг перед ней вырастает — кто бы вы думали? — городской! И предлагает — что бы вы думали? — следовать за ним. Александра Константиновна, конечно, возмутилась: «Как вы смеете! На каком основании? Я не двинусь с места, пока не скажете, в чем дело!» — Как видите, девушка она смелая и сама испугала городского. «Не могу знать, барышня, так велено, барышня, — почтительно приложив руку к козырьку, отрапортовал блюститель порядка и вдруг каким-то обиженным тоном закончил:— Прибывает, извините, государь император, а вы... с позволения сказать, стриженная...»

Дежурка задрожала от хохота. Прыскающим смешком взвизгнул Бобров. Заливисто, на разные голоса засмеялись молодые врачи-ординаторы, вместе с Александрой Константиновной недавно прибывшие сюда на стажировку. На теноровых нотах вторил остальным хирург Борис Соломонович Вейсброд. Снисходительно улыбнулся Федор Александрович Рейн, главврач больницы, посмотрев на Обуха большими ясными глазами.

— Вы всегда преподнесете что-нибудь экстраординарное, — сказал он, надевая халат.

— Нет, правда, Федор Александрович, все так точно и было, — подтвердила Александра Константиновна. — Тогда я в жандармском отделении просидела три дня, пока царь был в городе. Да и не я одна. Нас, стриженных, набралось порядочно.

— Это был ваш первый политический арест. Поздравляю. Начало довольно забавное. — Обух сказал это беспечно и задорно. И вдруг глаза его стали серьезными, даже почти злыми. Он машинально взял протянутый ему вторым молодым ординатором его отделения Любовью Михайловной стакан чая, так же машинально сказал ей «спасибо». Потом поставил стакан перед собой и обратился к Вейсброду:

— Борис Соломонович, как полагаете, выживет этот наш Илья Муромец?

— Я сделал все возможное и даже почти невозможное. Теперь дело за ним. Случай, конечно, смертельный, но, пожалуй, выживет.

— В чем дело? О ком речь? — уже от двери спросил Федор Александрович.

В дежурке все затихли, и Обух рассказал:

— Сегодня утром на Казанском вокзале подобрали этого больного и положили ко мне в тридцатую палату. Представляете, вхожу и вижу здорового детину лет тридцати. Шевельнется — мускулы так и играют. В плечах — косая сажень. Такого, кажется, никакая хворь не сломит. Однако лежит бледный, даже желтый какой-то. Читаю историю болезни: «Петр Гаврилов. Крестьянин Московского уезда, деревня Строкино. Желудочное кровотечение». Что за чертовщина? У такого богатыря и вдруг язва? Не может быть! «Что это с тобой, братец?» — спрашиваю. А он, извиваясь от боли, еле прохрипел: «Я стакан съел».

— Ну, Владимир Александрович, вы мастер на небылицы. Но в такое, простите, поверить трудно.

— Вот кретин! — возмущенно воскликнул Бобров.

— Какая, к дьяволу, небылица! Это, милейший Федор Александрович, если хотите знать, пример самого классического «идиотизма деревенской жизни», как сказал бы Маркс.

— Ну, вы без Маркса ни до порога, — вновь улыбнулся Рейн.

— Своего Маркса Владимир Александрович скоро будет применять в диагностике тифа, аппендицита, а то, извините, и дизентерии, — сострил Бобров и засмеялся. Остальные даже не улыбнулись. Тогда он понял всю мерзость своей остроты, и в глазах его мелькнул подленький страх.

Обух резко и круто повернулся к Боброву:

— Знаете, Степан Иванович, выразились вы далеко не гениально и достаточно пошло. А больной мой действительно съел стакан. Мы долго возились, пока укротили боли и приостановили кровотечение. Когда он успокоился, я спросил: «Как же это тебя, голубчик, угораздило?» Он глубоко вздохнул и пробасил: «Безлошадный я. Уж который год не могу одюжить хоть самую ледащую лошаденку. А кормить надо семь ртов. Есть у нас первый хозяин на деревне. Кони у него, дай бог, какие. Вот и кланяются ему все безлошадные. Понуждилось мне валежник привезти из лесу. Пришел я к нему. А у него гулянка — сына в солдаты провожает. Подвыпившие все. И мне поднесли».

Обух, как всегда, увлекся и, копируя больного, с злой горечью продолжал его рассказ: «Вдруг хозяин и говорит: «Хощь, Петруха, жеребца заработать? Вот, на, съешь стакан, и жеребец твой». Эх, была не была, думаю, здоровый я, ничего со мной не станется. Выпил еще для храбрости, потом взял вот эдак рукой раздавил стакан на мелкие кусочки и стал жевать да глотать».

Обух помолчал, снова, как утром в палате, отчетливо представил себе эту чудовищную картину и продолжал:

«Хрумаю я, — говорит, — а кругом смех стоит. Любо им, чертям, что я за тварь эту животную, может, свою душу человеческую загублю. Вот и загубил, видать, а, доктор?» — спросил он меня и опять скорчился от боли.

Никто не нарушил молчания, когда Владимир Александрович кончил этот невеселый рассказ. Обух сам расколол тишину злым вопросом:

— Ну, не идиотизм, скажете?

— Пожалуй, прав ваш Маркс, — задумчиво заключил Федор Александрович. — Что же вы сделали с больным?

— Да вот, пригласил Бориса Соломоновича на консультацию. А он сразу на операционный стол его. Только что прооперировали. Три часа возились! Нечеловеческие усилия приложил наш бог Саваоф, чтобы очистить от стекла внутренности этого дикаря, — дружески потрепав Вейсброта по плечу, сказал Обух.

Богом Саваофом Бориса Соломоновича коллеги окрестили за его бороду и «святой» характер. Однако при всей мягкости, деликатности и доброжелательности к людям — это была натура буйная, страстная, порывистая.

— То, что я сделал, это не главное, — сказал Вейсброд. — Теперь нам с вами надо заставить его жить.

— Я сам посмотрю его. Дайте мне, пожалуйста, знать, когда он проснется, — сказал Рейн и вышел.

К Обуху вернулся его обычный веселый тон. Некоторые считали эту счастливую черту характера Владимира Александровича легкомыслием. Но так думали люди, сами неглубокие, не очень умные, лишенные чувства юмора, натуры с обедненной внутренней жизнью, такие, как доктор Бобров. Он откровенно не любил Обуха, и

ему доставляло удовольствие уколоть его, подставить незаметно ножку, зло порадоваться его неудаче. Вот и сейчас Степан Иванович попытался куснуть Обуха.

— Удивляюсь вам, Владимир Александрович, — тоном святоши, протяжно выговаривая слова, сказал Бобров. — Как могли вы так легкомысленно смеяться над стриженной курсисткой, когда у вас такой тяжелый больной?

Обух посмотрел на Боброва и дернул левым плечом. Все знали: такое движение свидетельствовало о нарастающем гневе.

— Начнем с того, Степан Иванович, что вы ровно ничего не поняли или делаете вид, что не поняли. Господа, разве я смеялся над Александрой Константиновой? Кто мог так меня понять?

Все запротестовали.

Бобров вскочил, метнулся было возразить; но Обух распростер над его головой руку и, этим жестом властно посадив его на место, продолжал:

— Что же, по-вашему, я должен по каждому больному проливать слезы? Я не умею сидеть сложа руки и скорбеть. Я лечу людей и делаю все, чтоб облегчить их страдания. А проливать крокодиловы слезы, извините, не в моем характере.

— Позвольте, позвольте, — пытался что-то возразить Бобров, но Обуха остановить было уже трудно. — Это в характере меньшевистствующих интеллигентов. Они добренькие. Любят становиться в позу спасителей и на пустом месте «страдать за народ». Чехов про таких говорил: «Душа у него ноет, а ему приятно».

Спор разгорался, доходил до высокого накала. Дебаты по медицинским вопросам, как правило, кончались политическими. Молодежь — практиканты, ординаторы, затаившись в сторонке, с восторгом слушали заводилю-спорщика Владимира Александровича. Солидные врачи,

профессора любили медицинский разговор. В политических же словопрениях большинство держало нейтралитет.

Доктор Бобров зло поглядывал на Обуха выпуклыми, как у лягушки, бесцветными, точно вылинявшими глазами. Но Владимир Александрович, бросив последнюю реплику о беспринципности меньшевиков, быстро вышел из дежурки. Ему надо было обойти еще одну палату, отдать распоряжения сестрам и посмотреть, не проснулся ли после наркоза больной. Когда Обух, завершив все дела, зашел в хирургическое отделение, где лежал Гаврилов, около его постели он нашел Вейсброта.

— Ну как? — спросил он, указав глазами на больного.

— Представьте, молодцом. Я боялся кровотечения. Как видите, нет. И пульс отличный. Сейчас его смотрел Федор Александрович. Дитина снова заснул. Многовато мы ему наркоза вкатали.

Обух внимательно послушал пульс спящего, потом последил за дыханием и тоже остался доволен.

— Богатырь, ей-ей, богатырь. Ну, Борис Соломонович, пойдемте. За него теперь можно не беспокоиться.

— Нет, Владимир Александрович, идите сегодня один, — предложил Вейсброт. — Я останусь, пока он не проснется окончательно.

— Ну что ж, а я двинул. До завтра. — И Обух вышел.

Стоял великолепный день. Листва на деревьях была уже изрядно тронута золотой кистью осени. Александра Константиновна и Любовь Михайловна в легких, коротких, в талию жакетах, длинных черных юбках и изящных широкополых шляпах, как всегда, вместе с Обухом шли до Калужской площади пешком, а там все на разных трамваях разъезжались по домам.

Владимир Александрович сегодня против обыкновения шел молчаливый, угрюмый. «Что это с ним? — с тревогой подумала Любовь Михайловна, искоса взглянув на своего любимого руководителя. — Наверное, беспокоится за этого больного».

Любовь Михайловна, как и все молодые врачи-ординаторы, первый год работала бесплатно. В терапевтическом отделении, которым заведовал Обух, она неотступно и молча как тень всюду следовала за ним, ловила каждое его слово и все записывала: истории болезни, назначения, случайную фразу, брошенную Обухом на ходу, даже шутку его, остроу.

Обух знал не только историю болезни и самочувствие каждого, но знал и в каких условиях его больные живут, сколько у каждого детей, какой достаток в семье, какая квартира. «Зачем Владимир Александрович все так подробно спрашивает, — недоумевала молодая докторша. — Какое это имеет отношение к аппендикусу или, например, к болезни Боткина?» Позже она поняла. Но тогда это удивляло ее. Во время утреннего обхода Обух неторопливо присаживался на постель каждого больного, подробно расспрашивал о его самочувствии, всегда долго слушал пульс и учил молодых: «Пальчиками определяйте кровяное давление, пальчиками».

Тогда, в те далекие времена, лаборатории были еще весьма примитивны и врач должен был в основном надеяться только на себя, на свои знания, опыт, интуицию, на медицинскую и общую культуру. Диагностировали тогда главным образом мыслью. Без подробных анализов врач сам должен был определять болезнь.

— Учитесь по пульсу узнавать состояние больного, — предлагал Обух. — Научитесь читать пульс: мягкий, жесткий, ритмичный, частый, редкий, слабый. Выработайте в себе клиническое мышление. Оно должно быть всегда впереди и обязано уметь обнимать весь

процесс. Рентгенолог и лаборант, как они ни точны, видят только часть целого.

Несомненный талант, большая культура, диалектическое мышление, любовь к людям, богатый опыт и знания делали Владимира Александровича магом в диагностике.

Бывало так, что группа врачей ставит один диагноз, а Обух совершенно другой.

— Вы говорите вздор, — протестуют коллеги, а Обух настаивает на своем. Его диагнозы почти всегда подтверждались. Он был, словно провидец.

Владимир Александрович почти до самой Калужской площади шел молча. Сегодня он не задержался ни на минуту на работе потому, что завладели им совсем другие, не больничные мысли и заботы.

«Сейчас надо, — думал Обух, — законвертовать и ночью разнести по почтовым ящикам квартир обращение Московского Комитета большевиков о выборах в IV Государственную думу. Как это сделать? Кому поручить? Ну, половину, положим, успеют сделать жена и сыновья. А остальное?»

Владимир Александрович посмотрел на идущих рядом девушек, встретился глазами с вопрошающим взглядом Любови Михайловны, усмехнулся и подумал: «Предложу-ка им. Они уже почти наши. Однако — хорош же я конспиратор», — остановил он себя. Но следующая мысль, вернее, чувство точно подсказало ему, что этим девушкам он может довериться.

— Александра Константиновна, вы не побоялись бы второго, уже по-настоящему политического ареста? — спросил вдруг Владимир Александрович, и в глазах его замелькали так знакомые девушкам веселые бесенята.

— Пока вроде не за что, — беспечно отозвалась Александра Константиновна, однако внимательно взглянула на Обуха.

— А если я предложу вам заняться делом, за которое вы можете попасть туда? Не побоитесь?

— Нет, не побоюсь.

— И я не побоюсь, — заинтересованно отозвалась Любовь Михайловна.

— Вот и отлично. Если располагаете временем, поедem сейчас ко мне домой. Я вас познакомлю с женой. Она у нас ведает такими делами, — предложил Владимир Александрович.

— А какие будут дела? — спросила Александра Константиновна.

— Ну о них позвольте уж на улице не говорить.

Дома девушка радушно встретила маленькая, начинающая полнеть, но складная, миловидная женщина с удивительно нежным, покоряющим голосом. Одета она была очень скромно и строго, как курсистка-народоволка конца девяностых годов. Это очень удивило девушек. «Если ее изящно и модно одеть, она была бы очаровательна», — подумала Александра Константиновна. Любове Михайловне пришло на ум другое: «Вот, оказывается, какие схимницы большевички».

— Раздевайтесь, товарищи. Прошу в столовую, — пригласила Варвара Петровна, когда Обух представил ей своих молодых коллег. И вновь, но уже радостно удивились девушки в доме Обуха. Их поразила необычайная к ним форма обращения «товарищи», а не господа. Это очень обрадовало, заставило как-то иначе посмотреть на себя. Вот и их уже называли товарищами, как настоящих революционеров. Это слово вселяло особое уважение и какое-то радостное беспокойство: «товарищи!» И в третий раз девушки удивились, когда вошли в столовую. Их поразила бедность убранства комнаты. Нет, это, пожалуй, была не бедность, а суровость. Здесь не было ничего лишнего, ничего, украшающего быт: стол, дешевые венские стулья, довольно потертая кушетка да

простенький буфет — вот и все. Казалось, что люди только что приехали сюда и не успели еще устроиться.

Задание, которое молодые докторши получили от Варвары Петровны, было нетрудное, но весьма срочное.

— Вот вам сто экземпляров обращения Московского Комитета большевиков, столько же конвертов и список фамилий с адресами. — Варвара Петровна довольно строго посмотрела на молодых товарищей. — Сегодня ночью обращение непременно надо законвертовать и разнести по почтовым ящикам квартир. Беретесь?

— Да, да, беремся, конечно, — торопливо, с оттенком какого-то испуга, в один голос ответили девушки.

— Варвара Петровна, вы не будьте с моими коллегами уж очень строги, а то вон они, кажется, оробели, — не то серьезно, не то шутя попросил Обух жену. Они всегда называли друг друга на «вы» и по имени-отчеству.

Варвара Петровна улыбнулась и взглядом приласкала девушек.

Любовь Михайловна в списке нашла и знакомых врачей, и известных в Москве адвокатов, и писателей, и даже артистов. Она удивленно посмотрела на Варвару Петровну.

— Понимаю, — усмехнулась та. — Наше обращение должна получить вся лояльная, сочувствующая большевикам интеллигенция. Видите, здесь и Качалов, и Москвин, и ваш главврач Рейн, и некоторые учителя гимназии.

Девушки решили, что задание они выполнят на квартире у Александры Константиновны. У нее безопаснее. Она снимала в скромном семействе чиновника изолированную комнату.

Варвара Петровна, тщательно упаковав обращения и конверты, предложила мужу:

— Проводите товарищей, Владимир Александрович, а то им, пожалуй, тяжело таскать эти изящные пакеты.

Дом Обуха девушки покинули с новой для них гаммой чувств. Тут была и радость, и безотчетная тревога, и чувство уважения к себе, что вот и они приблизились к запретному, опасному, но очень хорошему, нужному людям, делу.

Проводив девушек, Владимир Александрович медленно шел по Зубовскому бульвару. Уже совсем стемнело.

Озорной мальчишка Володька и резвая девочка Варя

Владимир Александрович представил себе, как сегодня ночью его молодые коллеги будут выполнять первое партийное поручение. Вспомнил он и свою политическую юность. Она была иной — буйной, крамольной, с резкими выпадами против всякой несправедливости.

Сейчас Владимир Александрович зрелый большевик, образованный марксист, с немалым опытом работы в подполье. А начинал он, как и всякая юность, с эмоций. Тогда сердце еще не всегда слушалось головы. Благородный порыв был главное. Воистину счастлив тот, кто испытывал такие чувства. Доброе, справедливое, благородное в человеке всегда делает его счастливым, потому что у таких людей чисто и ярко горит сердце. Отлично сказала у Горького мать Павла: «Когда не ярко сердце горит, много сажу в нем накапливается». Действительно, когда гаснет огонь сердца, тускнеет и сам человек, тогда уходит от него и ощущение счастья. Потому счастлив вдвойне тот,

кто, сумев как можно дольше сохранить в себе яркое горение ума и сердца, обогатил их знаниями и трудовым опытом. Таков был сейчас Владимир Александрович Обух, а ярким пламенем борца сердце его зажгли еще в раннем детстве.

Два последние десятилетия прошлого века в России резко изменили экономическую и общественно-политическую жизнь страны. Последняя вспышка народничества, убийство царя Александра II, а затем упадок народничества, проникновение марксизма в передовые слои общества, буйный рост промышленности. И наконец, тогда начал во весь рост подниматься и крепчать рабочий человек, формируя свой класс — «могильщика капитализма».

Все это будоражило умы и сердца людей.

В эти годы в витебской деревне жил-был озорной мальчишка Володька, а далеко от него, в рязанской деревне, жила-была резвая девочка Варя.

Детство Володи пролетело вольно и безмятежно.

Зимой он учился в псковской гимназии, а летом гонял по деревне «как саврас без узды». Хотя он был и дворянский сын, и наследник небольшого поместья, но не было у него ни нянек, ни гувернанток. Зато деревенскую ватагу сорванцов невозможно было представить без Володьки Обуха.

Крупный, сильный мальчик, на голову выше сверстников, он был заводилой и в озорных и в безобидных шалостях и играх. Метко стрелял из рогатки, азартно играл в бабки, приносил полную кошелку белых грибов и, конечно же, лазал по деревьям и рвал штаны.

Володя рано лишился родителей. Воспитывала его деревенская улица, а дальняя родственница только присматривала за ним. Дружба с крестьянскими ребятами росла по мере роста их самих. Со многими своими сверстниками он сохранил дружбу до конца своих дней. Позже,

когда Владимир Обух станет врачом и подпольщиком-революционером, товарищи детства не раз выручат его, помогут прятать политически неблагонадежных, а он будет врачевать их всех.

Имение Свибло, названное так по одноименному близлежащему озеру, расположено было в дремучих тогда витебских лесах. Унаследовал его Владимир Обух от матери — Камиллы Иосифовны Корсак, сестры двух братьев, активных участников польского восстания 1863 года.

Володя еще маленьким узнал все до мельчайших подробностей о восстании и о героической роли своих дядей, сосланных на каторгу в Сибирь. Он очень уважал мать, хотя и мало помнил ее, и восторженно любил дядей, хотя совсем не знал их, только бережно хранил портреты обоих. Деревенским ребятам Володя не раз рассказывал историю восстания и подвиг дядей так горячо и темпераментно, будто он сам был героем 1863 года.

Отца Володя помнил отчетливее. Когда сыну было лет десять, он ушел из жизни. О нем в памяти мальчика сохранилась такая картина: на специальном кресле-кровати полулежит большой и грузный человек, плохо владеющий речью.

Александра Ивановича Обуха вскоре после смерти жены разбил паралич, и он, деятельный по натуре человек, агроном по специальности, доживал свой век на земле тускло и тяжело.

Так Володя и его старшие сестры выросли без родительского глаза, без родительских наставлений. А и без того запущенное имение с болезнью отца совсем пришло в упадок.

Вольнодумные настроения Володи воспитывались на героических образах дядей да на рассказах гимназисток — старших сестер, приезжавших на каникулы. Они всегда о чем-то шептались, а потом таинственно посвя-

щали и брата в революционные настроения, которыми тогда жила лучшая молодежь России.

Постепенно Володя стал ненавидеть всех, кто так или иначе представлял царскую власть. Даже деревенский урядник вызывал у него раздражение, хотя тот и с почетом относился к юному «помещику». Володе всегда хотелось чем-нибудь досадить уряднику, и он демонстративно показывал свое к нему презрение.

— Кондрат, я придумал интересную штуку! — прибежав как-то к своему лучшему приятелю Кондрату Позднякову, еще издали крикнул Володя. Над головой он потрясал красивой коробкой, из-под конфет. — Давай неси катушку белых ниток.

— Начто? — удивился Кондрат.

— Неси, неси, увидишь начто.

Нитка была быстро привязана к коробке, а коробка небрежно брошена на тропинку, что бежит под окнами вдоль деревенских изб. День был совершенно ослеплен солнцем. Коробка с тисненым рисунком золотых роз на крышке, казалось, отливала настоящим золотом.

Ребята спрятались за воротами Поздняковых и замерли. Они знали, что скоро здесь непременно пройдет урядник от деревенского шинкаря, куда он всегда в это время ходит «пропустить шкалик, другой».

Вот слева показался урядник. Он очень торопился и быстро шел мелкими шажками, придерживая на боку болтающуюся шашку. Роста урядник был маленького, узкокостный, тщедушный, вроде не настоящий, а так — игрушечный. Его никто не боялся, хотя он и кричал иногда истошным голосом.

Коробка на дороге мгновенно остановила урядника, будто он уперся в стену. Секунду он тупо смотрел на необычайное здесь явление, потом воровато огляделся кругом и, быстро нагнувшись, хотел схватить коробку, но в тот же миг коробка подпрыгнула и отодвинулась от

него, словно живая. Урядник прыгнул за ней, как кузнецик. Она вновь подскочила и отодвинулась теперь уже на большее расстояние.

Ребята за воротами с трудом удерживали смех. Володя же просто наслаждался злой шуткой.

А блюститель порядка, готовясь к новому прыжку, стал осторожно, на цыпочках подбираться к коробке, словно она могла услышать его шаги. Когда урядник прыгнул снова, коробка дернулась несколько раз и свернула с тропинки к воротам. За воротами раздался громкий ребячий смех.

Тут только урядник сообразил, в чем дело, рассвирепел и со всего размаху ударил ногой в ворота. Новый взрыв смеха привел его в бешенство. От повторного удара калитка открылась, страж, влетев в нее, коршуном накинудся на Кондрата и стал трепать его за уши.

Рассвирепев больше урядника, Володя налетел на него и стал бить кулаками по тщедушной спине, точно колотил в фанерную дверь.

— Не имеете права, прекратите немедленно! — кричал Володя. — Наказывайте меня. Это я придумал, это я, слышите, это я!

Но урядник, ежась под ударами Владимира, продолжал таскать Кондрата. Тогда Владимир резко дернул шашку. Только теперь урядник выпустил из рук свою жертву, схватился за шашку и круто обернулся к Владимиру. Тот ловко отскочил, ожидая удара. Но блюститель порядка не посмел напасть на молодого «помещика». Крикнув, что будет жаловаться, он выскочил за ворота и рысцой побежал по улице.

Постоянные проказы «с политическим душком», как о них брезгливо говорили на педсовете, поставили гимназиста Обуха в число неугодных учеников. С годами безобидные шалости стали превращаться в сознательные протесты против косности и рутины в гимназии. Строгости

в средних учебных заведениях тогда были большие. Малейшее проявление интереса к чему-нибудь, выходящему за пределы учебника, резко пресекалось. За учащимися велась постоянная слежка.

Но чем больше было запретов, тем больше гимназисту Обуху хотелось нарушать их.

Не раз выводили ему тройку по поведению. Гимназическое начальство очень насторожилось. «Нет ли какой страшной крамолы у гимназиста Обуха? Не связан ли он, упаси господь, с народовольцами? Опозорит всю гимназию. Не оберешься неприятностей. Не долго так и с места слететь из-за эдакого негодника». И решено было за пятнадцатилетним «негодником» установить настоящий сыск. Стали следить за тем, где гимназист Обух бывает вечерами, кто приходит к нему. Классный наставник договорился с хозяином квартиры, где зимой жил Владимир, посмотреть, нет ли среди его книг Чернышевского, Добролюбова или Писарева. За такие книги тогда исключали из гимназии безоговорочно.

А Владимир, ничего не подозревая, между тем еще устроил в гимназии один выпад, который окончательно переполнил чашу терпения гимназического начальства.

Произошло это так.

Идет урок закона божия. Священник в темно-фиолетовой рясе из тяжелого шелкового репса, с большим серебряным крестом на груди медленно ходит по классу и рассказывает очередную притчу из «Нового завета». Вот он остановился у окна и, глядя на улицу, замолчал, видимо чем-то заинтересовавшись. С середины класса вдруг раздался голос Владимира Обуха:

- Разрешите вопрос, батюшка.
- Спрашивай, сын мой, спрашивай.
- Бог всемогущ, батюшка?

— О, сын мой, бог наш всемогущ и всеведущ. — Священник осенил себя крестным знаменiem.

— А может он сотворить такой камень, который ему не поднять? — последовал новый вопрос.

— Конечно, может, он все может, — механически ответил священник.

— Ага, значит, бог не всемогущий, он не может такой камень поднять! — радостно выкрикнул Владимир.

Класс замер. Кто-то фыркнул. Тут только батюшка понял, что попал впросак. И, потрясенный дерзостью ученика, покраснел каким-то багровым цветом.

— Гимназист Обух, выйдите из класса! — крикнул он.

Владимир не тронулся с места. Священник подошел, схватил мальчика за руку и потащил к двери. Владимир не стал упираться. Он уже понял, что в этот класс он больше не войдет.

— Кто вас научил такой мерзости и богохульству? — спросил директор.

— Никто, я сам так подумал, — ответил Владимир.

— Не может быть! Не может мальчик сам придумать такое, — педантично, скрипучим голосом отозвался сидевший рядом с директором старый учитель в потертой, засаленной форме.

— Какой же я мальчик? — нарочито басом спросил Обух и, вытянувшись, оказался выше рядом с ним стоящего священника.

— Выйдите вон, Обух, — приказал директор. Владимир по-военному повернулся и вышел.

«Куда же теперь? — подумал он. — Снова в класс или прямо домой? Прямо домой!»

Владимир выбежал из гимназии, хлопнув дверью.

А класс гудел.

— Добаловался Володька.

— Так ему и надо.

— Умней всех хотел быть.

— Теперь исключат его из гимназии, — пожалел кто-то.

— Господа, а ведь бог-то, оказывается, в самом деле не всемогущ!

Этот восторженный возглас был последним. В класс быстро вошли директор и священник. Все чинно сели по местам. Долго и нудно объяснял директор, какой скверный гимназист Обух, какой он опасный и вредный для государства. Сказал директор и о том, что у Обуха дома найдена запрещенная литература, которая ставит его вне рядов гимназии.

Так Владимир Обух был исключен из шестого класса гимназии. Но это не очень огорчило юношу. Он не любил гимназию с ее косностью, с попиранием в учениках человеческого достоинства. Владимир решил сдать за курс гимназии экстерном. Так он и сделал.

И вот в 1891 году Владимир Александрович Обух уже студент естественного факультета Петербургского университета. Так закончилась юность озорного витебского мальчишки.

Теперь расскажем о рязанской девочке Варе. Она еще раньше лишилась родителей — крестьян-бедняков, и ее, «круглую сиротку», увезла к себе в город Кременчуг тетка по матери.

В городском начальном училище деревенская девочка удивила учителей отменными способностями и прилежанием. В ней как-то удивительно сочетались задумчивая мечтательность с грустинкой и буйная, озорная веселость, а рядом не по возрасту зрелые суждения.

Начальную школу Варя окончила так блестяще, что учителя предложили тетке учить девочку дальше. Та сначала растерялась, потом бросилась целовать учительнице руку.

— Благодетельница вы наша! Да на что ж мы ее учить-то будем?

— Грех такую в темноте держать, — сказала седая учительница. — А ты не беспокойся, матушка, мы выхлопочем Варюше гимназию. На средства благотворительного общества станет учиться.

И выхлопотали.

Варя-гимназистка не подвела своих учителей. И здесь она была одной из первых — училась без подсказок и поощрений. Ей нравилось учиться, узнавать все новое и новое. К ней постоянно приставали одноклассники: покажи да реши, растолкуй да напиши. Она никому не отказывала. Это ей тоже нравилось. Ведь она готовила себя в учительницы.

В год, когда Варя поступила в гимназию, в Петербурге грохнул взрыв бомбы народовольца Гриневецкого, и не стало царя Александра II. Много и долго всяких слухов ходило в народе про этот взрыв. Дозволенная версия гласила о том, что царя-освободителя убили люди, нанятые помещиками, которые были недовольны отменой крепостного права. Прошло уже несколько лет, а разговоры об этом не стихали. Такой разговор тетки с соседкой однажды и услышала Варя, придя из гимназии.

— И вовсе нет, тетечка, не помещики, а защитники бедных убили злого царя, — с необычной для нее резкостью сказала Варя и бросила рюкзак на стол.

Тетка ахнула, села на лавку и уставилась на племянницу глазами, полными ужаса. Потом вскочила, схватила с очага грязную тряпку и замахнулась на девочку.

— Что ты мелешь, скаженная! — крикнула она.

— Та не сердчайте ж, тетечка, — спокойно возразила Варя. — То ж истинная правда.

— И кто это тебе набрехал такого про батюшку государя? Аль дуже ученая стала? Не пушу больше в гимназию. Вот тебе и вся твоя правда.

Вернулся муж тетки, железнодорожный рабочий, и услышал конец фразы жены.

— О какой это вы правде тут брешете, аж на станции слышно? — добродушно спросил он. А когда узнал, в чем дело, спокойно сказал жене:

— Правду говорит наша гимназистка, так оно и было. Все это знают, и кричать тут нечего. Успокойся, жинка, и дай лучше покушать, — посоветовал он и обратился к племяннице:

— Ты ж не журился, Варюха, будешь ходить в гимназию. Это тетечка так, погорячилась немного. А про свою правду, дивчина, лучше помалкивай до поры.

— До поры? — удивилась Варя. — Когда же наступит она?

От своих любимых учителей она узнала и про бомбу Гриневецкого, и вообще про народовольцев. Сами народовольцы, эти учителя, вопреки строгим гимназическим порядкам, организовали для желающих учениц сверх программы занятия по греческому и латинскому языкам. На этих занятиях они и читали запрещенные тогда в гимназиях стихи Некрасова, Никитина, знакомили своих учениц с произведениями Белинского, Добролюбова, Писарева, Чернышевского. Варя, конечно, посещала эти занятия и однажды услышала здесь поразившие ее слова Добролюбова: надо сделать так, «чтобы всем людям было хорошо». Эти слова и стали для нее девизом на всю жизнь.

Когда Варя с подругами готовилась к переходу в седьмой класс, ее и всех, кто учится за счет благотворительного общества, лишили стипендий.

— Это только лишняя крамола, — заявило жестокое гимназическое начальство. — Нечего тут учить разных мужичек.

Однако Варя не бросила гимназию. Только теперь ей пришлось давать уроки, чтобы платить за ученье.

Но вот гимназия окончена. Она — Варя Соловьева — учительница!.. Ура! Наконец-то!

Чтобы всем людям было хорошо

Проучительствовав год в воскресной школе для рабочих, Варя приезжает в Петербург и поступает на Бестужевские курсы. Это было первое в России высшее учебное заведение для женщин. Здесь готовили учительниц для начальных и средних школ.

А годом позже Варя познакомилась со студентом третьего курса естественного факультета Владимиром Обухом. Тогда и пересеклись жизненные пути-дороги озорного мальчишки Володьки и резвой девочки Вари. Пересеклись их пути-дороги и, как две чистые реки, потекли рядом.

Молодых людей ссепментировала одинаково острая ненависть ко всему несправедливому и желание устроить жизнь так, «чтобы всем людям было хорошо».

Знакомство произошло на кружке народовольца Ольминского. Владимир Александрович тогда руководил марксистским кружком рабочих, яростно сражался с народовольцами и вербовал слушателей из их кружков.

С этой задачей и явился как-то Владимир Александрович в меблированные комнаты, где жила бестужевка Варвара Петровна Соловьева и где проводил кружок Ольминский.

К началу занятий Владимир Александрович опоздал и, раздеваясь в крохотной передней, услышал женский голос, поразивший его и тембром и интонацией. Голос был нежен, но чувствовалась в нем сила убежденности его обладательницы. Она говорила о бессмысленности и бесплодности действий террористов.

— Жертв много, а толку никакого, — услышал Обух последнюю фразу и подумал: «Вот умница какая». Затем сразу и резко заговорил другой, уже мужской голос.

— Совершенно верно, они только портят серьезное дело и подрывают доверие рабочих к настоящим революционерам.

Владимир Александрович вошел и остановился в дверях, чтобы не мешать говорившему. В комнате за круглым столом под ярко горевшей лампой сидели три девушки и шесть мужчин. Двое, видимо, рабочие, остальные студенты в форме. Ольминский стоял, опершись на спинку стула, и, чуть улыбаясь, слушал. Хотя лицо его было в тени, но все же при первом взгляде можно было увидеть, как обаятелен и интеллектуально богат этот молодой человек, видимо совсем не на много старше своих учеников.

Владимир Александрович пытался догадаться, которая же из трех девушек так правильно говорила о террористах. «Наверное, вот эта», — решил он, взглянув на яркую полную брюнетку с большими серыми глазами. Как позже сказали Владимиру Александровичу, эту девушку в кружке прозвали «шар-девица» за чрезмерную округлость форм. Когда же он узнал, что заинтересовавшей его девушкой оказалась маленькая, светлая, веселая бестужевка Варя, он немало и приятно удивился.

— А вы молодец, насчет этих бомбометателей правильно говорили, — похвалил Обух девушку, когда его с ней познакомили. — Я с вами вполне согласен — толку от них в самом деле никакого. Вместо того чтобы работать на уничтожение гнусного целого, они дают отдельных клопов, больших и малых. Это нетрудно. А марксисты понимают иначе: надо облить царский трон керосином и зажечь такой костер, чтобы вся нечисть сразу сгорела дотла. Эта задача потруднее, и решать ее не одному и не вдруг, как это получается у террористов: бац — и вся недолга.

Варя стояла, запрокинув голову, и слушала большого бородатого студента в красной рубаше навыпуск. «Из

каких лесов этот богатырь?» — подумала она. Он ей очень понравился и простотой обращения, и прямоотой, и резкостью. А то, что он сказал, ее чрезвычайно обрадовало. Ведь она чувствовала то же самое, только не могла еще точно и ясно сформулировать. А этот вдруг сказал и точно, и ясно, и образно. Словно распахнул перед ней двери, за которыми она увидела то, о чем до сих пор только догадывалась.

И еще раз пришел Обух на кружок Ольминского. Послушал, послушал, а когда Ольминский ушел, сказал:

— Что вы, в самом деле, ерундой занимаетесь. Это же отсталое, отжившее учение. Пойдемте на дискуссию народолюбцев с марксистами, и вы это поймете, — предложил он.

На дискуссию пришли все слушатели Ольминского. А когда собрались в Вариной комнате на следующее занятие, настроение большинства было далеко не народолюбческое. Ольминский, как всегда, вошел, поздоровался и в ожидании начала занятий сел на кушетку и стал, в который уже раз, рассматривать групповую фотографию выпускниц-гимназисток, висевшую на стене. Ему нравились эти милые юные лица и среди них Варя Соловьева с наивным, чистым выражением светлых глаз.

Когда все уселось за стол, а Ольминский встал в обычную свою позу за спинкой стула, вдруг поднялась «шар-девица».

— Василий Иванович, — обратилась она к Ольминскому (таким именем в целях конспирации называли его в этом кружке). — Все мы вас так любим и так верим вам, не задумываясь, сделаем все, о чем бы вы ни попросили...

Ольминский со смущенным удивлением слушал «шар-девицу». Он насторожился: что-то тут не так.

Не дав подружке договорить, поднялась Варя и, под-

хватив как эстафету последнюю фразу «шар-девицы», сказала:

— Верно, Василий Иванович, мы любим вас и верим вам, но, простите, в этом нет ничего хорошего, потому что мы только верим, но мало что понимаем. А вот на днях послушали мы марксистов и были поражены. Как у них все понятно, умно, ясно. Давайте, Василий Иванович, вместе с вами изучать Маркса, — просительно закончила Варя.

Ольминский помрачнел, помолчал, потом положил в карман небольшой блокнот и сказал:

— Хорошо, я подумаю... Заниматься сегодня не будем, до свидания, товарищи, — и вышел.

Больше своего любимого учителя слушатели кружка не видели. Он вскоре был арестован и изучением Маркса занялся уже за тюремной решеткой, а кружковцы его целиком влились в марксистский кружок, которым руководил Владимир Александрович Обух.

Он стал внимательно присматриваться к Варе. Видел, какая она энергичная, чуткая к людям, занимается с увлечением.

Вскоре Владимир Александрович стал поручать девушке выполнение сначала несложных дел по кружку, а потом дал задание и посерьезнее. Как-то попросил ее снести товарищу экземпляров тридцать небольшой брошюры.

— Имейте в виду, Варвара Петровна, это очень важное поручение, это очень серьезная и очень нужная нам книжка.

Эти три «очень», на которые так нажимал Обух, передавая брошюры, разбудили Варино любопытство. «Что же это за нужная книжка? Нельзя ли в нее заглянуть?» Но читать сейчас было некогда. Варя, вопреки строгому наказу, один экземпляр сунула под подушку, остальные

быстро отнесла куда следовало. Вернувшись домой, она заперлась и принялась за чтение.

Начиналась эта тоненькая книжечка не пышными словами об угнетенном народе, а очень буднично и просто: «Если спросить рабочего, знает ли он, что такое штрафы, то он, пожалуй, удивится такому вопросу. Как же ему не знать штрафов, когда постоянно приходится платить их...» И дальше: «Обыкновенно думают, что штраф — это платеж хозяину за убыток, причиненный ему рабочим. Это неверно... Штраф есть наказание, а не вознаграждение за убыток».

Едва дождавшись утра, Варя быстро оделась и пошла к Владимиру Александровичу.

Обух удивился такому раннему визиту и встревожился. «Не попалась ли Соловьева с брошюрами на глаза кому не следует?»

— В чем дело? Все ли у вас благополучно?

— Не тревожьтесь. Все в порядке, но я просто не могла усидеть дома. Простите, вот вы говорите, что учение Маркса нельзя рассказать простым языком. — И Варя, не раздеваясь и не присаживаясь, продолжала: — А посмотрите, как просто и ясно все изложено в этой книжке. Прочтите любому рабочему — он абсолютно все поймет.

Владимир Александрович вдруг засмеялся тихим счастливым смехом, схватил девушку за руки, усадил на диван и спросил:

— А знаете ли вы, кто это написал?

— Нет.

— Имя его сохраняется в тайне, и мы не знаем, кто он. Я знаю только, что он нашего возраста, а зовут его «Старик». Это за его необыкновенный ум. Мы с вами люди обыкновенные, и разница между нами только та, что один из нас начитан больше, другой меньше. «Старик» же велик, как сам Маркс. Подумайте, в России появился человек такой же мощной мысли, как Маркс! Я читал все

его вещи, написанные до этой брошюры о штрафах, и всякий раз поражался силе ума, логики и непоколебимости веры в наше дело. «Старик» — первый человек, в кого я по уши влюбился, хотя и не знаю еще, кто он. Он, на мой взгляд, куда сильнее Плеханова.

При таком сравнении Варвара Петровна протестуяще вскочила с дивана. Но Обух настойчиво усадил ее.

— Да, да, не возражайте. Я так думаю, я убежден.

Так Владимир Александрович открыл для Варвары Петровны, да и не только для нее, Ленина, сам еще не зная его имени, не предполагая, что где-то совсем рядом, здесь, в Питере, живет и работает в глубоком подполье его тезка Владимир Ульянов, сколачивая из отдельных марксистских кружков «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», из которого с годами, пройдя через жесточайшие бои, вырастет могучая партия Ленина.

Последние годы прошлого столетия в России были отмечены наступлением реакции. Особенно много политических арестов происходило в Москве и Петербурге. Почти все попытки организовать на фабриках и заводах более или менее постоянно действующие кружки чаще всего кончались провалом. Чувствовалось, что в подполье, как гады, заползли провокаторы и разрушают все, что с огромным трудом удавалось сколачивать для политической работы на предприятиях. Одну за другой стали закрывать и воскресные школы как рассадник вольных мыслей и недозволенных порывов.

Казалось, что царское правительство торопится до наступления нового века уничтожить всю крамолу в старом, уходящем веке.

Владимир Ульянов был сослан в Шушенское, значит, изолирован от политического движения в стране. Но сердца, зажженные им, уже невозможно было потушить. Студенческие волнения не только не прекращались, но стали носить политический характер, а марксисты — руково-

дители кружков направляли для участия в студенческих волнениях как можно больше рабочих.

Маленькая Варя, хохотушка и спорщица, и высоченный студент Владимир с естественного факультета (она звала его богатырем) не унывали, несмотря на всю сложность и тревожность жизни подпольщиков. Они вместе ходили на курсы Петра Францевича Лесгафта. Владимир, лучший ученик и горячий поклонник этого выдающегося ученого России, заставил и Варю полюбить «учителя жизни, властителя мысли», как называла Лесгафта передовая студенческая молодежь.

Владимир и Варя не давали торжественной клятвы, как когда-то Герцен и Огарев, до конца дней своих быть верными служению народу. Нет, они просто каждодневно делали трудное в условиях глубокой конспирации партийное дело. Владимир работал пропагандистом и руководил пропагандистами рабочих за Нарвской заставой, на Галерной гавани и на Петербургской стороне. Варя организовывала явки, учила рабочих в воскресных школах и пополняла марксистские кружки лучшими людьми из своих учеников.

Варя стремилась быть во всем самостоятельной и не признавала ухаживания или мужской опеки над собой. Владимир же посмеивался над Вариним требованием абсолютного равноправия и где-нибудь на загородной прогулке, легко подбросив вверх свою маленькую подругу, как тростинку, нес ее на вытянутых руках. Потом, взявшись за руки, провожали они белую петербургскую ночь и встречали яркую северную зарю.

В питерской студенческой среде Владимир и Варя считались самой поэтической и романтической парой. Вперегонки они декламировали Пушкина, Лермонтова, Некрасова, много хохотали, не зло, но остроумно озорничали друг над другом. В них обоих, к этому времени верных вдумчивых марксистах, отлично уживались серьез-

ность подпольщиков с ветреностью молодости. Как это хорошо! Потому незаметно, в постоянном активном действии мигом пролетели и год, и два, и три.

Окончены Бестужевские курсы. В скромной квартирке молодых Обухов уже лепечет сынишка Андрейка.

Не обошли своим вниманием царские ишейки и Обуха. В один из майских дней 1896 года ему пришло высочайшее предписание немедленно покинуть Санкт-Петербург. И тут не стали унывать Обухи. Они были счастливы уже тем, что Владимира оставили на воле. Чего же еще желать при их образе жизни?

Забрав молодую жену, сына и немудрящее имущество, состоявшее главным образом из книг, Владимир Александрович переехал в имение Свибло, где семья отлично прожила лето. А с наступлением осени Обухов непреодолимо потянуло к делу. Сына они оставили в Свибло на попечение сестры Владимира, а сами укатили в Киев.

Есть такие счастливые люди — люди активного действия. Они включаются в дело немедленно, без раскачки, с ходу. Таким не надо срока для «приживания». Они сразу пускают глубокие корни в жизнь. Это потому, что они ничего не могут делать «без души и идеи», как сказал когда-то Лесгафт, не могут жить без непосредственного и активного общения с людьми. Таковы Обухи. И вот Владимир в эту же осень становится студентом медицинского факультета Киевского университета, а Варя — учительницей на рабочих курсах, как прежде вербуя лучших из них для социал-демократических кружков.

Киевский период жизни Обухов короток, но не менее активен, чем петербургский.

Подготовленный естественным факультетом, Лесгафтом и неплохо разбираясь в марксизме, Обух здесь, в Киеве, оказался на много голов выше всех своих коллег по факультету. Это не могло пройти незамеченным, и его, как самого образованного студента, избрали председа-

телем студенческого клинического научного общества. К нему многие приходили за советом, с ним считались профессора. Он успевал следить за всеми новыми теоретическими проблемами медицины и с большим уважением относился к старой медицинской школе.

В те годы в Киеве не прекращались студенческие волнения. Обух, как и в Питере, в центре событий. Он участвует во всех демонстрациях и дважды попадает в тюрьму. Но оба раза за недоказанностью политического криминала его освобождают. Он опытный конспиратор, и, хотя в дни студенческих волнений квартира Обухов становится пунктом связи студенческого и рабочего движения, ни разу их квартиру не выследили ищейки полиции. В конце 1898 года, после I съезда партии, Обуха избирают членом Киевского комитета РСДРП.

Жил Обух двумя жизнями: одна, открытая для всех, — жизнь талантливого медика, с головой ушедшего в науку; вторая, скрытая, протекала в глубоком подполье. Эта жизнь марксиста-борца была еще более интенсивна и напряженна. Однако это не раздваивало личность Обуха. Напротив, обе жизни сливались в одну, полную идейности, действия, романтики, устремленную в светлую перспективу, как бы ни была подчас мрачна действительность.

Никогда никто не видел Владимира Александровича угнетенным, повергнутым в тяжелые думы, впадшим в панику, в пессимизм или пассивно подчинившимся трудным обстоятельствам. А все потому, что Обух ничего не делал «без души и идеи».

Тогда, еще в Киеве, кончая медицинский факультет, Владимир Александрович все чаще и чаще стал задумываться о будущем медицины — о медицине социализма. Потом, после Октября, Обух будет упорно осуществлять в советском здравоохранении то, о чем мечтал еще в подполье. По окончании медицинского факультета Киевского университета в 1901 году Обух с семьей приезжает в Мо-

скую. Теперь у него уже два сынишки — Андрей и Николай. Имея подпольные явки, он сразу становится парт-организатором Бутырского района.

Молодого врача с хорошими киевскими рекомендациями приглашают на работу в терапевтическое отделение Старо-Екатерининской больницы (ныне Московский областной научно-исследовательский клинический институт). Тогда там уже работали такие талантливые врачи, как В. Н. Розанов и П. А. Герцен, ставшие с годами светилами советской медицины.

В те годы часто возникали разные благотворительные общества помощи беднякам, проводились спектакли в фонд погорельцев, хилая поддержка Красного Креста, сборы на цветок «Ромашка» и другие филантропические дела. Их организаторы — слезливые филантропки, упивающиеся восторгом от своих деяний, да и сами дела только унижали людей, затемняли их сознание, размагничивали жалостью, уводили от борьбы.

Владимира Александровича возмущала эта приторная возня вокруг бедноты. Он зло высмеивал всякую филантропию и ее авторов.

— Эти мадамы, — говорил он, — наклеивают пластырь там, где нужно серьезное хирургическое вмешательство. Поливают язвы «лечебными бальзамами» тогда, когда организм нуждается в полном обновлении.

В больницу, где работал Обух, поступали ткачихи с болезнями легких. Они получали их от текстильной пыли, постоянно всасывая ртом нитки в челнок. Многие из них были почти глухими от страшного стука станков. Привозили красильщиков с руками, разъеденными до язв; или рабочих горячих цехов с больными сердцами; или наборщиков со свинцовым отравлением. И уж совсем невозможно было смотреть на детей — рахитиков.

«Болезни в России, — думал Обух, — неизбежное производное от образа жизни людей: нищета, грязь, ску-

ченность в фабричных казармах, пьянство, бескультурие, тяжелейшие условия труда, попираание человеческой личности. Здоровье людей в массе своей зависит от того, как они работают и в каких условиях живут, то есть от труда и быта. Вот и надо скорей, скорей и коренным образом изменить условия труда и быт народа...» Вновь и вновь мысленно торопил события Обух, с еще большим рвением уходя в подпольную партийную работу.

Не отстает от своего мужа и Варвара Петровна. Она по-прежнему организует явки, достает паспорта для переправы товарищей за границу, добывает средства для партии, а также участвует в организации платных концертов, лекций, литературных встреч. А вечером долго сидит и до копейки скрупулезно подсчитывает выручку с тем, чтобы утром сдать все деньги в МК.

Финансовая комиссия, членом которой многие годы потом была Варвара Петровна, вела большую работу, однако ни разу не подвергалась разгрому жандармерии. Регулярно по определенным каналам финансовая комиссия отсылала деньги за границу Ленину на издание газеты «Искра» и на другие партийные нужды.

Еще в конце прошлого века Владимир Ильич писал, что «входил в моду» марксизм, «марксистами становились повально все, марксистам льстили, за марксистами ухаживали, издатели восторгались необычайно ходким сбытом марксистских книг». Идеи Маркса имели громадное распространение вширь, хоть и в вульгарном виде. Особенно отличались вульгаризацией легальные проповедники учения Маркса.

Российские интеллигенты вели бесконечные споры в поисках какой-то «абсолютной истины». Спорили до истерик, до обмороков, до взаимных оскорблений.

Одни кричали, что Россия не пойдет по революционному пути, что единственный для нее путь — это легальные реформы. Другие утверждали обратное и настаива-

ли исключительно и только на подпольных формах работы. Культуртрегеры издевательски называли безграмотную Россию лапотной и предлагали идти «на выручку к капитализму». Находились и такие, которые обвиняли марксистов в том, что они якобы «придумали» капитализм в России и потому желают сделать революцию.

Настоящие же марксисты посмеивались над такими истеричествующими умниками и предлагали им вместо воплей спокойно посмотреть на то, что делается вокруг, как бурно растет и развивается в России капитализм, мучает рабочий класс — растет количественно и качественно, формируя под руководством истинных марксистов свое сознание.

Интеллигенты спорили, каждый доказывал свою истину, а настоящая-то истина была чрезвычайно ясна — надо не болтать, а заниматься делом, вести самую незаметную, без выпендренных слов работу, готовя пролетариев к предстоящим классовым боям.

Таковыми нелегкими делами и занимались подпольщики-марксисты, без колебаний и сомнений шедшие за Лениным. Они готовили партию ко II съезду, они потом и составили ядро, из которого выросла партия большевиков-ленинцев.

В числе неколебимых марксистов были и Обухи. Они уже второй год жили в Москве, и Владимира Александровича, как одного из активных членов Московской организации, в 1902 году избрали членом МК.

„Политически неблагонадежный“

Жандармы — невежды и дураки встречаются не только в кинокартинах. Они бывали нередко и в действительности. На удачу Владимира

Александровича, такой жандармский офицер—невежда и дурак нагрянул со своими подручными ночью в марте 1904 года на квартиру Обухов.

Владимир Александрович, как говорят, не из трусливого десятка, но у него буквально захолонуло сердце, когда он увидел на столе материалы II съезда партии. «Дернул меня черт оставить их вечером», — мысленно выругал себя Обух.

Предпринимать что-либо было уже поздно. Обух сидел в кресле с всклоченной бородой и, недовольно посапывая, зорко следил за жандармами. У него немилосердно трещала голова. «Что же делать? Что же делать?» Вот жандармский офицер подошел к столу, вот взял в руки материалы съезда.

— Милостивый государь, может, вы объясните, что это такое? — как-то брезгливо сморщив нос, резко спросил жандарм.

И Обух вдруг нашелся. Так бывает почти всегда, когда грозит смертельная опасность.

— Вы что, не видите? — не менее резко отозвался он. — Это пьеса, драма. Вот смотрите, говорит один, другой. А вот диалог, вот монолог. Понимать надо.

Быстро перелистывая страницы и тыча пальцем, Владимир Александрович старался наговорить как можно больше умных, непонятных жандарму слов.

— Смотрите теперь сюда, вот действующие лица, — зло закончил Обух и ткнул материалы в руки офицеру.

— А-а, драма, — недовольно протянул тот и небрежно бросил их на стол.

Что же произошло? Может, жандарм по невежеству действительно принял столь изобличающие Обуха листки за перепечатанную на машинке пьесу? Тогда в среде интеллигенции было повальное увлечение устройством домашних спектаклей, и жандарм, очевидно, решил, что это одна из пьес, готовящихся к постановке. Читать ее он

не стал. Ему дома достаточно надоёли валявшиеся всюду перепечатанные на машинке роли двух его дочерей-гимназисток, вообразивших, что они по меньшей мере Комиссаржевские. А может, жандарм не ожидал, что найдет так открыто лежащие на столе самые доказательные улики причастности Обуха к большевикам? Ведь на то и обыск, чтобы найти спрятанное. А раз валяется так открыто, значит, нечего на это и внимания обращать, наверное, по служебной небрежности решил он.

Так или иначе, а материалы съезда брошены на стол. «Что же делать теперь? — думает Обух. — Пока пронесло. Надо как-то незаметно спрятать их. Но как и куда?»

Владимир Александрович увидел, что жандармы буквально терзают его библиотеку, и почти крикнул:

— Поосторожнее, господа, пожалуйста, это все-таки книги, а не булыжники с мостовой!

Ему не ответили. Жандармский офицер просматривал самые тонкие книжонки. По опыту он знал, что запрещенная литература чаще всего — листовки, газеты или тонкие брошюры. Но, к досаде своей, наткнулся только на медицинские книги: «Туберкулез и борьба с ним», «Малярия», «Ревматизм и пороки сердца», «Болезнь Боткина», а в скобках мелким шрифтом внизу было написано «инфекционное заболевание печени и желчного пузыря». Жандарм подержал эту книжку как бы в раздумье, потом быстро сунул ее в карман. Обух громко рассмеялся.

— Простите, у вас, наверное, больная печень? — сочувственно спросил он. — Я бы мог вам помочь.

Жандармский офицер оказался в довольно-таки нелепом положении. С одной стороны, стало неудобно, что он, как вор, тайком сунул книжку в карман. Мог бы взять ее и совершенно открыто. С другой стороны, подумалось: «А вдруг этот политический и в самом деле смог бы избавить меня от постоянной ноющей боли в правом боку и от жесточайших приступов». И наконец, он не имеет пра-

ва при исполнении служебных обязанностей вступать с арестованным в какие бы то ни было посторонние разговоры.

— Благодарим-с... справимся без вас, — буркнул жандарм и отвернулся.

— Как знаете, — ответил Обух и быстро сунул листки материалов съезда под пиджак. — Как знаете. Разрешите выйти в туалет?

— Михай, проводи, — приказал офицер одному из полицейских.

В уборной, притворив дверь, Владимир Александрович спрятал материалы за корзинкой, наполненной бумагой, и вышел.

Когда Обуху предложили одеваться, он спросил:

— Ну как, нашли что-нибудь интересное?

— Одевайтесь, вы арестованы, — строго повторил офицер. — Видели ордер на арест?

Владимир Александрович стал медленно натягивать пальто. Простился с детьми и, подойдя к Варваре Петровне, сумел шепнуть ей: «В уборной за корзинкой».

Когда Обуха вывели, один из жандармов заглянул в уборную, обшарил все углы и захватил с собой показавшиеся ему подозрительными листки. Это и были те материалы, которые Владимир Александрович запрятал.

Чуть занимался рассвет. В пролетке с закрытым верхом, запряженной парой отличных лошадей, Обуха повезли в Бутырки. «Какая тихая ночью Москва!» — подумал Владимир Александрович.

Лошади гулко цокали по мостовой, высекая подковами из камня искры, и казалось, что они едут по раскаленной земле.

Через несколько дней из Бутырок Обуха перевели в Таганскую тюрьму.

Все попытки Варвары Петровны добиться свидания с мужем ни к чему не привели. Четыре месяца длилось

следствие. На допросе Обуху предъявили найденные при обыске материалы II съезда как доказательство его связи с большевиками.

Владимир Александрович возмутился.

— Позвольте, при мне во время обыска ничего подобного не нашли, а сейчас вы предъявляете какие-то бумаги, которые я и в глаза не видел. Эдак можно что угодно предъявить. Не честно, господа.

— Не прикидывайтесь невинным, господин Обух. Вы отлично знаете, что эти материалы найдены у вас.

— Ничего не знаю. Мне их дома не предъявляли, так что напрасно стараетесь, господа. Ничего политически предосудительного за мной вы не найдете. Я — врач. Выпускайте скорее, меня ждут больные.

В декабре 1904 года в камеру вошел тюремщик и предложил Обуху быстро собираться с вещами. «Ну, опять переводят, — подумал Владимир Александрович».

— Вы свободны, — заявил ему начальник тюрьмы, вручая документы. — Но в течение двадцати четырех часов вы должны покинуть Москву.

— То есть как покинуть, куда ехать и почему? — возмутился Обух.

— Мы знаем почему, — буркнул начальник.

— Простите, все-таки речь идет обо мне, и мне небезынтересно знать, почему вы держали меня столько месяцев в тюрьме, а теперь, ничего не объяснив, предписываете уехать из Москвы. В чем дело?

— Дело в том, господин Обух, что вы политически неблагонадежный.

— Вот как? Не знал! Это же надо доказать!

— Скажите и так спасибо. К нам поступило предписание отпустить вас из Москвы. Вот и весь разговор.

Обух изобразил оскорбленную невинность, довольно грубо взял из рук начальника бумаги, сунул их в карман и вышел из кабинета тюремщика.

Так и пришлось Владимиру Александровичу вновь отправляться в Свибло. Но там он долго не задержался. Нарастали грозные события 1905 года, и Владимир Александрович, конечно, не мог усидеть в такое горячее время в деревне.

Волостным урядником там был тогда знакомый Обуха по детству. Под его гласный надзор уже не в первый раз и поступил Владимир Александрович.

— Опять натворил чего-нибудь, доктор? — весело встретил он Обуха. — Ничего, поживи, отдохни у нас. Это тебе на пользу, да и нам тоже. Болеет тут у нас много народу. Полечишь их.

— Полечить-то я полечу...

Долго Владимир Александрович ссылки не выдержал. Варвара Петровна на условном, зашифрованном языке писала, как бурлит Москва, как нужны сейчас наши люди, писала, что многие сосланы и арестованы.

Петербургская трагедия 9 Января переполнила чашу терпения Обуха. Он не мог уже больше бездействовать и после очередного письма от Варвары Петровны просто исчез из Свибло.

Поздним вечером, когда дети уже спали, а Варвара Петровна только что пришла с Пресни, куда она носила литературу, раздался звонок. «Кто бы это мог быть?» — подумала Варвара Петровна и пошла открыть. Она осторожно приоткрыла дверь и через цепочку взглянула на позднего гостя.

— Владимир Александрович?!

— Тсс...

— Я так и знала, я так и знала, что вы там не выдержите. А дела сейчас горячие... Но, — перебила себя Варвара Петровна, — здесь вам оставаться не следует — увидят соседи, прислуга.

— Да, вы, как всегда, правы. А куда же мне податься?

— Вот куда, — сказала она и назвала адрес явочной квартиры и пароль. Пока побудете там.

Варвара Петровна накормила мужа, напоила крепким чаем. Владимир Александрович зашел в детскую, взглянул на спящих ребят, попрощался с женой и отправился в первом часу ночи на явочную квартиру.

После Кровавого воскресенья революционные события нарастали крещендо. По промышленным районам страны прокатились первомайские политические стачки. Ивановские текстильщики бастовали семьдесят пять дней! Такого еще не знавала Россия. Как всполохи большого огня, возникали стачки непрерывной цепной реакцией. Вот восстал броненосец «Потемкин», в деревнях яркими факелами горели помещичьи усадьбы. Начались одна за другой типографские стачки, забастовали железные дороги. Возникла и охватила Россию всеобщая октябрьская стачка. Она породила Советы рабочих депутатов как органы руководства восстанием.

В декабре Московский Комитет большевиков и Совет депутатов объявили новую всеобщую стачку с переходом ее в вооруженное восстание, охватившее все районы Москвы.

На улицах были выставлены вооруженные рабочие пикеты. Начались столкновения с полицейскими. Город покрылся баррикадами. Кульминацией Московского восстания стала Пресня.

В центре этой «бучи боевой кипучей» были, конечно, и Обухи. Их квартира превратилась в боевой штаб. В первые дни декабрьского восстания у Обухов жила часть членов МК. Варвара Петровна организовала всем питание, ночлег, вместе с сыновьями следила за безопасностью квартиры. Мальчики выполняли несложные поручения матери, стояли на карауле у дома. Еще задолго до восстания Хамовнический комитет большевиков поручил Варваре Петровне организовать в Землеустрои-

тельном училище на Смоленском бульваре курсы для рабочих, а в подвалах этого училища устроили склад оружия. Теперь в дни восстания все оружие было переправлено боевым дружинам на Красную Пресню.

Владимир Александрович работал в так называемой литературной группе, которая тогда была центром большевистской агитации и пропаганды. Вместе с историком Херасковым он был корреспондентом большевистской газеты «Новая жизнь».

Царские власти обрушили на восставших рабочих Москвы казаков, полицейских, но ничего не могли сделать с боевыми дружинами, укрепившимися на Пресне. Царь прислал из Питера войска. Начался пулеметный и артиллерийский штурм баррикад. Дружинники держались героически. Московский Комитет большевиков, видя бессмысленность дальнейшего сопротивления, призвал рабочих прекратить борьбу, организованно отступить.

Большинству дружинников удалось спастись, выйти из окружения царских войск. В этом им помогли вместе с другими большевиками и Обухи. Варвара Петровна достала грим, парики, разную одежду и после прекращения боев сумела доставить все это на Красную Пресню. Дружинники гримировались, переодевались, меняли внешний облик и по одному уходили с места боев на заранее подготовленные явочные квартиры.

Первая русская революция шла на убыль. Медленно, с кровавыми боями рабочие и революционные крестьяне отступали под натиском карательных экспедиций царя. Тысячи борцов первой русской революции были расстреляны, брошены в застенки. Началось наступление реакции. Партия большевиков ушла в глубокое подполье, накапливая новые силы для будущего удара по царизму.

В эти годы Обухи работали по заданиям Московского Комитета партии в легальных и нелегальных организациях.

Летом 1908 года, как всегда в месяцы отпуска, Обухи поехали к себе в Свибло, куда в тот год Владимир Александрович упрятал от жандармского преследования Ивана Михайловича Хераскова.

Этого близкого товарища Обуха по подполью и по боевым дням пятого года все считали человеком не от мира сего. О его добрых качествах говорили только в превосходной степени: Херасков большой умница, остроумен, вернейший друг и преданнейший борец, одержимый историк. Он был так близорук, что, погружаясь в изучение исторических истин, читал, казалось, носом. Иван Михайлович поселился во флигеле и работал, работал запоем, порой не выходя даже к обеду. Только перед вечером поднимался он из-за стола и шел на озеро полюбоваться закатом и поплавать.

Когда в Свибло приезжали Обухи, моментально далеко по всей округе разносилась весть: «Приехал наш доктор» — и начиналось паломничество. Около дома постоянно днем и ночью стояли теперь запряженные в крестьянские телеги худые лошаденки, на которых привозили к Обуху больных со всей округи. Дом наполнялся криком детворы. Это Варвара Петровна собирала деревенских ребят и возилась с ними, затевая игры, чтения, прогулки. Ее талант педагога, ее преданность делу народа не давали ни малейшего покоя этой неутомимой незаметной труженице партии. Она всегда, где бы ни была, сразу находила для себя нужное людям дело.

Когда у Владимира Александровича начинался «большой прием», Варвара Петровна была ему и ассистенткой, и отличной медицинской сестрой, и аптекарем. Лекарств они привозили из Москвы огромное количество —

столько, чтобы хватило на всех и на все лето. О деньгах или о какой-либо другой мзде за врачевание не могло быть и речи. Крестьяне друг другу шепотом передавали: «Лучше и не заикайся, а то, гляди, выгонит и лечить не станет».

Херасков прожил в Свибло больше полугода. Но вот в один из жарких июньских дней, когда вся семья, кроме Хераскова, сидела за обедом, в раскрытом окне столовой показалась взлохмаченная голова все того же урядника. Он был огромный, бородатый, как Самсон. Голова его как-то странно дернулась, глаза, будто заговорщики, подмигнули Обуху, и голова исчезла.

Владимир Александрович все понял. Он выглянул в окно и увидел, что усадьба окружена полицией.

— Ивана Михайловича пронюхали, подлецы. Поди, Коля, во флигель, предупреди его, — сказал Обух. — Да беги быстро.

Только Коля юркнул в правую дверь, ведущую в кухню, как все услышали быстрые шаги. Дверь без стука открылась, и в столовую вошел полицейский офицер, весь блестящий побрякушками отличий за верную службу царю-батюшке.

«Совсем как оловянный солдатик», — подумал Обух. Офицер остановился, вытянулся, тремя пальцами коснулся козырька фуражки и протянул Обуху руку.

— Здравствуйте, господин Обух.

Владимир Александрович шагнул навстречу офицеру. Потом расставил ноги, будто ввинтил их в пол, медленно и широко развел руками, как бы собираясь заключить офицера в объятия, затем так же медленно и очень выразительно завел их за спину, сжав пальцы так сильно, что они хрустнули.

Рука полицейского несколько секунд повисела в воздухе, потом дернулась и спряталась за спиной.

— Что вам угодно? — Обух и полицейский метнули

глаза в глаза. Обух своей лобастой головой точно боднул офицера. Тот не выдержал взгляда, скосил довольно красивые светло-серые глаза в сторону.

— С вашего позволения...

Владимир Александрович не дал ему окончить фразы.

— Не ломайте комедии, вы ведь в мой дом вошли, не испросив позволения? Что же вам угодно?

— У вас скрывается политический преступник Иван Михайлович Херасков, — отчеканил офицер.

— Да что вы говорите? — изумился Обух. — Первый раз слышу. Вы что-то путаете, молодой человек. — Последние слова Владимира Александровича были полны презрения.

А в это время Иван Михайлович сидел во флигеле за работой. Вокруг него на столе и на стульях лежали раскрытые книги, листки бумаги, исписанные его размашистым мелким почерком.

Николай не успел предупредить Ивана Михайловича. Жандармы его опередили. Когда они вошли, он с увлечением водил носом по толстой книге и, отрываясь от нее, делал выписки.

— Вы арестованы, — остановился перед ним жандарм.

Иван Михайлович даже не оглянулся, дописывая фразу.

— Встаньте, вы арестованы, — повторил жандарм.

Херасков отмахнулся от него и продолжал писать.

— Господин Херасков, вы арестованы! — уже грозно отчеканил жандарм.

Херасков обычным движением сдернул с носа очки, с грохотом отодвинул стул, встал и, до сих пор еще не понимая, чего от него хотят, сердито крикнул:

— Не мешайте же, наконец, работать, господа!

— Вы арестованы, господин Херасков.

— Не может быть! — искренне и наивно воскликнул Херасков, не видя и не веря, что перед ним настоящий

жандарм. Он надел очки и, приблизив лицо к жандарму, еще раз удивился: — А ведь и в самом деле, кажется, жандарм?

Иван Михайлович не испытывал страха, а только досаду, злую досаду на то, что его оторвали от дела. Потом он ощутил беспокойство и стал быстро собирать исписанные листки. Начался обыск. Второй жандарм рылся в книгах и попытался взять сложенные Херасковым листки. Тот резко отстранил его руку.

— Не смейте трогать, это вас не касается.

— Нас все касается, господин, — бесстрастно сказал жандарм и потянул было листки к себе. Херасков быстро спрятал их за спину. Бóльшого непонимания, чем не понимали друг друга эти люди, представить было невозможно.

Наконец Ивана Михайловича вывели из флигеля. Он шел, подслеповато шурясь на солнце и трогательно прижимая к груди исписанные листки, так и не отдав их. Жандарм же не решался выхватить их, боясь разорвать. «А может, в них самое главное против царя и написано? Все равно, не мы, так офицер возьмет». Вся семья Обухов вышла проводить Ивана Михайловича. Варвара Петровна дала ему небольшой чемодан, сложив в него белье и первые необходимые вещи. Обух заключил друга в свои широкие объятия, похлопал по худощавому плечу, пожал руку.

— Ничего, Иван Михайлович, не надолго расстаемся.

Офицер изумленно взметнул бровями и подтолкнул Хераскова к повозке. Потом вскочил сам, сел рядом и, обернувшись к Обуху, укоризненно покачал головой.

Сквозь густые заросли отцветающей сирени Обух смотрел на удаляющуюся повозку и прощально махал Хераскову рукой, пока жандармская процессия не скрылась за пригорком, увозя еще одного замечательного человека России за тюремную решетку.

Прошли какие-то месяцы. За Херасковым власти не обнаружили тяжких политических преступлений и тем не менее выслали его в Сибирь под надзор полиции. Там Иван Михайлович оставался не долго. В Москве товарищи по партии решили вызволить его оттуда и переправить за границу. Они очень тревожились за этого хилого здоровьем, умного, отличного человека.

Прежде всего был тщательно изготовлен паспорт на имя купца первой гильдии Ивана Петровича Губина. Затем достали напрокат роскошную бобровую шубу, золотые очки, тяжелую цепь червонного золота навыпуск из кармана жилетки.

Вызвалась ехать за Херасковым в Сибирь Александра Порфирьевна Губская. Она близко стояла к партии и часто помогала товарищам. Ивана же Михайловича она очень уважала и ценила.

Через полтора месяца мнимая купеческая чета благополучно добралась до Москвы и на лихаче-извозчике подкатила прямо к дому, где жили Обухи. А здесь все уже было готово к дальнейшему маршруту. Не успели друзья поздороваться, как Варвара Петровна заторопила Хераскова.

— Иван Мих...

Ее остановил Обух:

— Не Михайлович теперь он, а Петрович, не забывайте.

— Да, да, Иван Петрович, — поправилась Варвара Петровна, — вам пора в Большой. Пожалуйста билеты — партер третий ряд. Сегодня «Лебединое озеро».

Мнимый купец первой гильдии Иван Петрович Губин слушал бессмертную музыку Чайковского и думал о том, что вот он не позже как завтра уедет далеко-далеко от России, от близких друзей, от партийных дел и бог весть когда сможет вернуться ко всему этому, так дорогому его сердцу.

Из театра «купца» на ночевку повезли к Борису Соломоновичу Вейсброду. А утром вручили билет в первый класс скорого поезда, заграничный паспорт... — и в Париж!

История с Херасковым только один эпизод из многих в беспокойной жизни семьи Обухов. И до и после Ивана Михайловича в Свибло находил приют не один «нарушитель» царских порядков.

На подступах к революции

Долго еще в тот тихий осенний вечер Владимир Александрович, проводив своих молодых коллег, бродил по бульварному кольцу. Эти девушки, Любовь и Шура, его, как он говорил, «очередные политические жертвы», взбудоражили в памяти многое из пережитого. Точно панорамой прошли перед Обухом годы формирования в нем человека-борца.

Шел под уклон тысяча девятьсот двенадцатый год. И чем ближе он подходил к концу, тем быстрее нарастал революционный подъем в стране. Жестокая расправа с рабочими золотых приисков на реке Лене в апреле этого года как бы прорвала заслон реакции, и словно бурными весенними ручьями пронеслись по стране забастовки.

В этот год родилась большевистская газета «Правда», которая была единственным глашатаем правды. Не успевала газета поступить в киоски, как ее моментально расхватывали. Любовь и Шура постоянно заботились о том, чтобы у Владимира Александровича всегда был свежий номер этой газеты. Бывало и так, что они обе приносили утром ему в больницу по экземпляру.

Владимир Александрович вернулся домой, когда уже все спали, и еще долго сидел за письменным столом. Он любил работать допоздна. Хорошо думается, когда в доме тихо. А в это время молодые докторши быстро надписывали на конвертах адреса тех, кому сегодня ночью они должны снести обращение МК к московской интеллигенции по поводу выборов в IV Думу.

К часу ночи работа была закончена. Немного отдохнув, девушки оделись и тихо выскользнули со своей ношей из квартиры. Теперь надо было незаметно пройти мимо дворника. И это им удалось.

Тихо шли они по Зубовской площади. Стояла настороженная тишина, поэтому малейший звук казался особенно громким, точно тишина возводила его в энную степень. И эти ночные звуки слушать было почему-то жутко.

Завидев городского, девушки, нарочито беспечно болтая о выдуманных поклонниках, благополучно прошли мимо него.

К восьми часам утра молодые докторши были уже в 1-й Градской. За семь часов путешествия по ночной Москве успели разнести все конверты. И хотя были они предельно усталые, совершенно не выспавшиеся, чувствовали себя мало сказать бодро, просто отлично. Сознание содеянного переполняло их такой счастливой радостью, что обеим хотелось смеяться и петь. Они рисовали себе картину, как войдет сейчас Владимир Александрович, как вопросительно посмотрит на них и как они так же незаметно, даже не кивком головы, а только глазами скажут ему, что все в порядке, и как он улыбкой и взглядом поблагодарит их.

Произошло все совершенно так, как представляли себе девушки. Владимир Александрович сейчас, потирая от удовольствия ладони, что-то весело рассказывал Федору

Александровичу и мельком радостно посматривал на девушек.

Коммунисты обуховского поколения были сотканы из идеи и действия, и потому, где бы они ни были, чем бы ни занимались, все у них подчинялось единому устремлению — делу партии. Были ли то врачи, как В. А. Обух, Б. С. Вейсброд или З. П. Соловьев, или учительницы, как В. П. Обух и Л. М. Книпович, или инженеры, как П. Г. Смидович, Л. Б. Красин, — все они, чего бы им это ни стоило, делали самое в их жизни главное — приближали победу людей труда над буржуазией.

Но это были не сухие аскеты и синие чулки. Отнюдь! Они умели горячо любить и тяжело страдать от неразделенного чувства, заразительно хохотали, остроумно и беззлобно озорничали, знали и любили литературу, живопись, музыку, часто музицировали сами и очень хорошо и много пели. Как запоем, бывало, Варвара Петровна «Реве тай стогне» — все замирают. Голос у Варвары Петровны небольшой, но удивительно милый. Человек, не знавший Варвару Петровну, ни за что бы не поверил, что вот эта маленькая, с очаровательным голосом женщина может быть до предела строга, неколебима, когда дело касалось главного в ее жизни.

Квартира Обухов походила больше на подпольный штаб большевиков, чем на квартиру семьи русских интеллигентов. Здесь была подпольная явка, сюда приносили нелегальную литературу, не раз здесь заседал подпольный Московский Комитет, отсюда отправляли нелегалов за границу.

Понятно, почему так удивились молодые коллеги Владимира Александровича — Любовь и Шура, обнаружив в квартире Обухов скромность, граничащую с бедностью.

— В доме должно быть только самое необходимое количество мебели, чтобы было где есть, спать и рабо-

тать. Поесть в крайнем случае можно и на кухне, главное работать, — убеждала товарищей Варвара Петровна. Ей возражали, говорили, что надо же как-то украшать и наше скудное существование.

— Украшаться будем потом, когда победим. А сейчас лишние вещи только загромождают пространство и мешают делу.

Одевалась Варвара Петровна больше чем скромно. На ней всегда было все самое дешевое и нередко устаревшее. Сыновья имели по паре муслиновых брюк да по си-ней сатиновой косоворотке. Свое учительское и Владимира Александровича докторское жалованье она тратила на нужды подполья так же просто и обязательно, как на нужды своей семьи.

Вот так и жили. И это никого не удивляло, не считалось особой добродетелью. Нет, просто была такая нормальная жизнь этих большевиков-подпольщиков. Их заботило совсем другое. У многих подрастали дети, их надо было учить. Но где? В казенных гимназиях? Там косность и деспотизм учителей, поповщина и общая реакционная атмосфера калечили души ребят, парализовывали в них все живое, творческое, индивидуальное.

Была в Москве частная гимназия Кирпичниковой. Вот туда и отдали учиться своих сыновей Обухи и другие товарищи, у кого подрастали дети. Гимназия эта отличалась довольно либеральной обстановкой, дышалось там молодежи куда вольготнее. Среди педагогов были даже большевики.

Учащиеся во всех средних учебных заведениях обязаны были ежегодно на страстной неделе (последней неделе перед пасхой) причащаться в церкви. Это было так же обязательно, как платить за учење или учить закон божий. Как обойти детям этот закон? Однако выход они нашли. Оказывается, были такие «святые отцы», которые за небольшую мзду освобождали гимназистов-без-

божников от этого обряда и выдавали справку о том, что те уже исповедовались и причащались.

Молодая поросль подпольщиков — юные романтики, чистые в своих делах, помыслах и мечтах со временем стали догадываться, какими таинственными делами занимаются их родители. Дети у многих уже подросли, были свидетелями событий 1905—1907 годов, и скрывать что-либо от их любопытных глаз и ушей было теперь трудно.

Андрей и Николай не только уважали и любили своих родителей, но втайне и гордились ими. Мальчики видели, сколько у отца хороших друзей. Как они любят его за твердость, решительность, остроумие, находчивость. Им нравилось, когда отец дерзко и смело одурачивал какого-нибудь неприятного ему невежду или ловко выводил на чистую воду меньшевика.

Не раз ребята слышали, с какой уничтожающей ненавистью отец говорил о меньшевиках, о том, что во время революции они окажутся «по ту сторону баррикад», что они предатели революции и рабочего класса. Большевики отцу платили такой же ненавистью, зато друзья называли его твердокаменным большевиком.

С некоторых пор подпольщики стали не только посвящать своих детей в не очень конспиративные дела, но, что особенно радовало юное поколение, доверяли им и несложные полуполигальные поручения. После Ленских событий все ребята были мобилизованы на сбор средств для семей рабочих, погибших при кровавой расправе на Лене.

Дети выросли, и им уже можно было доверять более сложные и ответственные поручения. Года за три до Октябрьской революции, когда сыновьям Обуха было одному 15, а второму уже 18 лет, Владимир Александрович стал брать их с собой, когда шел на подпольные собрания. Обычно он предлагал им идти вперед не оборо-

чиваясь. В случае же опасности (заметят ли филера, а они уже научились их распознавать, или не увидят на окне условного знака, или обнаружат подозрительное скопление полицейских) они останавливались и, не оборачиваясь, давали отцу условный знак. Тогда Владимир Александрович моментально исчезал, а сыновья, спокойно и беззаботно болтая, шли дальше, выясняли обстановку и кружным путем возвращались домой.

Частной практикой Обух никогда не занимался. Он и Вейсброд считали недостойным коммуниста брать деньги за оказание больным медицинской помощи. Но в конспиративных целях на входной двери квартиры Обуха всегда была прибита небольшая медная дощечка с надписью: «Врач В. А. Обух». А когда сюда заходил какой-нибудь случайный пациент, доктора почти никогда не оказывалось дома...

Однако было бы неверно, если бы мы сказали, что доктор Обух совершенно не занимался частной практикой. Но у него была особая, «большевистская», как он говорил, частная практика. Наибольшее количество пациентов у Владимира Александровича оказалось в последние годы первой империалистической войны. Тогда из ссылки и тюрем стали возвращаться подпольщики, отбыв сроки. Люди приезжали изможденные, некоторые, как Ногин, с язвой желудка, другие — с туберкулезом. Владимир Александрович, осматривая прибывающих товарищей, говорил: «Моя самая главная и ответственная обязанность врача лечить прежде всего пострадавших от царизма. Это наш золотой фонд, его надо сохранить в первую очередь».

Когда на квартире Обуха появлялся подпольщик, Владимир Александрович предлагал:

— Ну-с, товарищ, раздевайтесь, сначала подечимся.

Партии нужны здоровые люди для предстоящих боев. Прошу.

Когда по делам партии к Обухам заглядывали Мария Ильинична Ульянова или Анна Ильинична Елизарова, он всегда тщательно осматривал их, снабжал, если требовалось, нужными медикаментами и, провожая, просил:

— Пожалуйста, приезжайте почаще полечиться.

Национально-патриотический угар, возникший в начале войны и поразивший не только либералов, но и некоторые революционные круги, к трудному для России 1916 году значительно ослаб. Росла дороговизна, хвосты у хлебных лавок нередко кончались дикими взрывами озлобления. Начались забастовки на предприятиях. Наращивали пораженческие настроения. Все, казалось, создавало революционную ситуацию.

Теперь бы самое время развернуть широкую работу на фабриках и заводах. Но полиция усилила слежку за подпольщиками, и работать им стало чрезвычайно трудно. Ведь охранке почти все они, сидевшие в тюрьмах, были хорошо известны. К тому времени в московской охранке недурно была поставлена провокаторская «работа», а филеры денно и нощно доносили по начальству о каждом передвижении подпольщиков. В эти годы было провалено и арестовано несколько составов Московского Комитета.

Подпольщики глубже законспирировались, стали еще осторожнее. Филеров запутывали, часами водили за нос, обманывали с изобретательностью фокусников, с мастерством талантливых актеров.

На предприятия большевики проникали, несмотря на бдительное око полиции. Московский центр, так называемое Областное бюро ЦК, постоянно держал связь с заграницей, сносился с Владимиром Ильичем Лениным.

Собирались товарищи обычно у Обухов или у П. П. Малиновского. Обсуждали вопросы подпольной

заботы, много и жарко спорили, порой засиживались далеко за полночь. А потом Владимир Александрович с большой осторожностью выпускал товарищей из своей квартиры, по одному через черный и парадный ходы.

Но на этих собраниях не только спорили. Здесь писали листовки для рабочих групп на предприятиях, с которыми удавалось завязать связь; обсуждались легальные формы деятельности подпольщиков-большевиков, вроде общества «Кооперация» или страхкассы на предприятиях.

Вышел из тюрьмы и явился к Обуху Арон Александрович Сольц. Он, со свойственной ему светлой доверчивостью, радостный и возбужденный, предстал перед Владимиром Александровичем в какой-то немыслимой шляпе. Обух рассмеялся, но и встревожился.

— Шляпа у вас, Арон, как воронье гнездо. Где только вы такую выкопали?

— Да там, в тюрьме, у одного позаимствовал. Моего, понимаете, когда везли в Бутырки, слетела с головы, ну и тю-тю... Остановить коляску не позволили. Так я и доехал без украшения на голове.

— Все это довольно весело. Но ваше воронье гнездо филеры, наверное, за версту видят. Надо бы теперь украсить вашу умную голову какой-нибудь неприметной шляпой. А то смотрите, как бы в этом вороньем гнезде вы не притащили хвоста.

Арон Александрович только улыбнулся своей мягкой улыбкой, но шляпу так и доносил до октябрьских дней. У него просто не было средств, чтобы воронье гнездо сменить на нечто неприметное.

Поражения на фронтах к концу второго года войны изрядно истощили Россию, до иступления ожесточили царя и его правительство. Война требовала все больше

пушечного мяса, а людской материал иссякал. Тогда стали мобилизовать всех без разбора, как говорят, под метелку: больных, калек, даже психически неполноценных. Правительство заботилось лишь об одном — как можно больше единиц поставить под ружье. А годятся ли для войны такие «солдаты», мало его интересовало.

В 4-ю Градскую больницу, где продолжал работать Владимир Александрович, большими партиями с фронтов привозили солдат умирать.

Когда больные солдаты от слабости уже не могли двигаться, их надолго оставляли там, где они падали. Ни транспорта, ни времени не было, чтобы больных сразу отправлять в лазареты. Вот они и поступали в московские больницы уже в последней стадии туберкулеза. На койках лежали живые скелеты с лихорадочным румянцем на ввалившихся щеках и выкашливали остатки своих легких.

— Видите, что делает ваша война, — говорил Обух в спорах с оборонцами, меньшевиками и прочими «патриотами» за счет народного пота и крови.

В дежурке по-прежнему не утихали дебаты. Визгливым криком сторонники кадета Боброва доказывали, что они истинные патриоты, что только такие, как Обух, которым не дорога Россия, могут выступать пораженцами.

— Послушайте, «патриот», а знаете ли вы, что сегодня в палате смертников (так называли палаты, где лежали безнадежные, пораженные туберкулезом солдаты) умерло пять человек? — Обух с ненавистью посмотрел на Боброва. — Вчера три, а завтра, наверное, недосчитаемся семи человек.

— Ну что ж, защита родины требует жертв, — не задумываясь, брякнул Бобров.

Немолодой уже врач, скромный помощник Владимира Александровича, не выдержал:

— Вы, Степан Иванович, отличный патриот только вот здесь, за стаканом чая. А помните, когда вам предложили выехать на фронт, вы вдруг оказались больным.

— Я не хирург, а терапевт, и на фронте все равно был бы бесполезен.

— Прекратите, господа, этот бесполезный спор, — примиряюще выступил Рейн. — Владимира Александровича вы не переубедите.

— Да уж бобровской плетью Обуха не перешибить — жидковата, — сотрясаясь от смеха и радуясь своему каламбуру, сострил патологоанатом Пал Палыч Хлынов.

— Не очень, знаете ли, не очень остроумно, — разъярился Бобров.

— А по-моему, ничего, довольно складно получилось, — продолжая смеяться, похвалил себя Хлынов.

Общий взрыв смеха заглушил ответ Боброва. Подголосок его — меньшевистствующий толстяк врач-терапевт стал рьяно доказывать что-то насчет бесчувственности большевиков.

— А вы, слащавые меньшевички, уж помалкивали бы. Сначала выдумали ликвидировать партию, а теперь вслед за кадетами повторяете их зады и тщитесь доказать, что вы ярые патриоты. Надоело ваше болото.

Комично взмахнув руками, Владимир Александрович уже добродушно закончил:

— А ну вас всех в это самое болото!..

— Что вы без конца повторяете своего Ленина, — возмутился меньшевик. — Ну скажите теперь, что «война это бессмысленная бойня, где гибнут миллионы людей, что...»

Обух остановил меньшевика, возвысив голос:

— Совершенно правильно, и это скажу и повторю другое, о том, например, что «поражение царского правительства в этой войне быстрее создаст революционную ситуацию». Скажете — не так?

— Ну, конечно,—совсем озлобился Бобров и, как бы продолжая Обуха, ехидно процитировал: — «и превратит империалистическую войну в гражданскую».

— О! — удивился Вейсброд. — Да вы, оказывается, недурно знаете Ленина.

— Конечно, врага надо знать, чтобы успешно с ним бороться, — поддержал кадета меньшевик.

— Ага, значит, Ленин и для вас, меньшевички, уже совсем стал врагом? Откровенно, откровенно! Ну что ж, так и запишем.

Спор прервала сестра, вбежав в дежурку.

— Владимир Александрович, простите, привезли тяжелобольного, нужны срочные меры. Он очень страдает.

— Что с ним?

— Сильная рвота, острые опоясывающие боли...

— Ага. Любовь Михайловна, Борис Соломонович, пошли посмотрим вместе, — предложил Обух и устремился к двери.

Больной — грузный, лет пятидесяти человек — лежал навзничь со вздутым животом и стонал. Бледное, одутловатое лицо его, обрамленное жидкой всклокоченной рыжеватой бородой, было покрыто холодным потом.

Обух, осторожно присев на край кровати, всесторонне осмотрел, обследовал больного, изрядно помучав его, потом подумал с минуту и предложил посмотреть больного Любови Михайловне и Борису Соломоновичу.

— Ну, как полагаете? — спросил Обух, когда все врачи отошли к окну. — Я думаю — это острая печеночная колика.

Товарищи согласились.

В те времена не было еще электрокардиографов, биохимических анализов, рентген только входил в широкую врачебную практику. Потому врачу тогда надо было, чтобы поставить верный диагноз и правильно лечить боль-

ного, все «анализы» делать в своей голове. У Обуха в этом отношении голова была блестящей, разносторонней «лабораторией».

Его диагноз оказался правильным. А за правильным диагнозом последовало и правильное лечение. Больной стал быстро поправляться и недели через две, как раз к февральским событиям 1917 года, выписался в отличном состоянии. Прощаясь с Владимиром Александровичем, он несчетное число раз благодарил его.

Обух распрощался с больным, забежал в дежурку, снял халат, на ходу надел пальто, шапку и быстро вышел. Он очень торопился. Сегодня у него дома соберется Московское областное бюро ЦК, чтобы обсудить, что делать после того, как москвичи узнали о событиях в Петрограде, об общей забастовке, о демонстрациях рабочих. После февральских событий московские подпольщики пришли в восторг, тем более что к тому времени и Москва уже бурлила вовсю. Особенно всколыхнуло город одно, казалось, незначительное на общем фоне политических настроений событие. Но оно весьма усилило предреволюционную атмосферу, будто открыло москвичам дверь в революцию.

9 января, в годовщину Кровавого воскресенья 1905 года, подпольщики организовали небольшую рабочую демонстрацию. Она возникла на Театральной площади совершенно неожиданно для обывателей, сразу выросла из-под земли. Она была не велика—человек 50—70. Но когда демонстранты быстро развернули красное знамя, на одной стороне которого было крупно начертано: «Долой войну!», а на другой: «Мы требуем хлеба и свободы!», все свидетели этого были совершенно ошеломлены. Одних, либералов, сыновей купцов и прочих «патриотов», возмутил лозунг «Долой войну!», другие, и таких было большинство, приняли его с радостью и надеждой. Многие аплодировали рабочим.

Но вот перед демонстрацией появился околоточный надзиратель. Сначала он растерянно воззрился на знамя, потом с остервенением закрутил над головой шашкой, как пастух кнутом, очевидно таким образом приказывая сгрудившимся городовым ликвидировать демонстрацию. Городовые бросились к знамени. Но не тут-то было! Рабочие так же молниеносно, как развернули знамя, рассеялись в публике. Она их как бы втянула в себя. Демонстрация исчезла, словно видение, будто ее и не было вовсе.

Однако это видение стало первой вехой на пути к революции в Москве, оно как бы продиктовало революционное поведение населению города. Всюду стали стихийно возникать собрания с самыми различными экономическими и политическими требованиями.

Революция началась!

Когда Обух добрался домой, там его уже ждали Ольминский, Скворцов-Степанов, Сольц, Яковлева, Ногин, Землячка, Смидовичи. Каждого входящего приветствовали бурно и радостно. Поздравляли друг друга с нарастающими событиями, крепкими объятиями выражали чувства, переполнявшие всех на этом первом неподпольном собрании актива московских большевиков.

Варвара Петровна и Софья Николаевна Смидович хлопотали у незатейливого стола. Эмоции постепенно улеглись, наступило раздумье. «Что же делать дальше?» Все сошлись на том, что начинать надо с выпуска листовки-воззвания от имени Московского Комитета большевиков. Надо призвать рабочих к развертыванию

революции. Принялись тут же набрасывать текст. Иван Иванович Скворцов-Степанов написал: «Революция приближается!»

— Нет, нет, — запротестовал Ногин. — Почему же только еще приближается, когда она фактически уже началась? Царь свергнут. Народ выступил на улицы. Чего же еще?

— Правильно, — поддержал Виктора Павловича Обух, — так и напишем: «Революция началась!»

Воззвание призывало: «Товарищи! Бросайте работу! Солдаты! Помните, что сейчас решается судьба народа! Все на улицу! Все под Красное знамя революции! Выбирайте в Советы рабочих депутатов!»

В ту же ночь этот документ большевиков Москвы был отпечатан в типографии и расклеен по городу. С этого дня события стали развиваться бурно. Забастовки одна за другой перекидывались с предприятия на предприятие, точно искры огромного костра в летний ветренный день.

Утром первого марта внимание Владимира Александровича привлек людской гул, доносившийся через окно. Он выглянул и увидел большие толпы народа, запрудившие улицу.

— Ребята, собирайтесь быстро, сейчас пойдем к городской думе, — заторопил Владимир Александрович сыновей. — Посмотрите, этот поток направляется туда.

Первое, что увидели Обухи, был расклеенный на стенах домов приказ командующего Московским военным округом. Он грозился расстреливать из пушек и пулеметов всякие сборища, скопления на улицах. Людскую лавину таким приказом остановить уже было невозможно. Напротив, приказ еще больше возбуждал и без того накаленную атмосферу. Многие срывали его со стен и топтали.

Обухи вышли на Пречистенку. Вдруг Андрей остановился.

— Посмотри, пап, вот сюда. Видишь, видишь?

На облупившейся стене двухэтажного дома рядом с приказом командующего Владимир Александрович увидел воззвание МК. Около него толпилось особенно много людей. Крупным шрифтом выделялись слова: «Революция началась!»

Радостная дрожь пронизала Обуха.

Всюду прохаживаются городовые, но народ не трогают, воззвание не сдирают. Пронесются грузовики с вооруженными солдатами.

Владимир Александрович думает: «Революция началась. Не ограничится ли она только уничтожением царского дома да вот таким возбуждением народа? Удастся ли нам поднять и повести за собой главные силы революции — рабочих и солдат? Когда начнутся уличные бои, меньшевики, конечно, будут не с нами. Они станут вилать, слащаво подпевать революции и, конечно, предавать и подличать».

Владимир Александрович так задумался, что не заметил, как со стороны Каменного моста полыхнула вдруг гряда красных знамен.

— Отец, смотри, смотри! — На этот раз Николай вывел Владимира Александровича из задумчивости.

Знамена колыхались, трепетали, и было похоже, что воспламенилась Москва-река, от нее надвигается огромный пожар на город и все сжигает на своем пути. Пламя знамен устремилось к городской думе. С общей лавиной двинулись туда и Обухи. Вместе с депутатами проникли в здание думы. А там уже заседал Совет. Когда вошел Обух, знакомые товарищи из рабочих потащили его к столу президиума и закричали: «Вот пришел товарищ Олег — его надо избрать в Исполком Совета. Предлагаем товарища Олега!»

В последний предреволюционный год Владимиру Александровичу дали партийную кличку «товарищ Олег». Многие рабочие иного его имени и не знали. Под этим именем он и был избран в Исполком Московского Совета рабочих депутатов.

Сразу же после этого Обуху и меньшевику Романову было поручено организовать военную комиссию и провести в воинских частях гарнизона выборы в Совет солдатских депутатов.

Обух поморщился, взглянув на Романова, но делать нечего. «Посмотрим, на что окажется способным этот меньшевичок!» — подумал Владимир Александрович и обратился к нему:

— Ну что ж, нечего зря время терять, пошли сразу в штаб.

Вошли в зал штаба и сквозь густой табачный дым увидели много офицеров. Одни вяло слонялись из угла в угол, другие сидели, развалиясь на стульях, на столах. Некоторые нацепили себе на грудь красные банты.

Все с удивлением посмотрели на вошедших.

— Здравствуйте, господа, — громко и властно сказал Обух, точно не поздоровался, а приказал ответить на его приветствие. Офицеры недружно ответили. Романов, маленький и щуплый, рядом с огромным Обухом выглядел гоголевским Акакием Акакиевичем. Это впечатление довершало испуганное выражение лица, когда он увидел такое скопление офицеров.

В зал вошел начальник московского гарнизона полковник Грузинов. Обух знал, что Грузинов — монархист, свирепый укротитель революционных выступлений, и решил сразу с места в карьер проверить отношение Грузинова к Совету рабочих депутатов.

Подойдя к полковнику, Владимир Александрович взглядом высокого начальника окинул зал и строго спросил:

— Что здесь, военный штаб или офицерский клуб?
От неожиданности Грузинов дернул назад голову.

— А вы кто такой? — гаркнул полковник.

Обух в ответ огорошил начальника вторым вопросом:

— Подчиняетесь ли вы Совету рабочих депутатов?

Помолчав, Грузинов, видимо, решил изменить тактику.

— Пожалуйста, пройдемте со мной, я поставлю, если угодно, ваш вопрос перед господами офицерами. Теперь ведь народ решает все, — осклабился полковник.

Но этот вопрос он офицерам не задал. Побоялся, очевидно: мало ли что может произойти.

Грузинов начал что-то болтать о революции, о народе. Владимир Александрович понял, что он от него ничего не добьется, повернулся и пошел из штаба. Романов поплелся за ним и шепотом стал умолять не обострять отношений со штабом и ограничиться только информацией.

— Нас послали сюда не для информации, а для дела, — возмутился Обух. — Если не можете действовать, не путайтесь хоть под ногами.

На следующий день Владимир Александрович один пошел в штаб и предложил офицерам присоединиться к рабочим, которые решили разгромить жандармское управление и выпустить из тюрем политических заключенных.

Действовал Владимир Александрович так решительно, говорил так убежденно, предлагал так категорически, что не подчиниться ему было невозможно.

Некоторые офицеры стали соглашаться и доложили Грузинову. Тот вышел совсем растерянный и, переводя умоляющий взгляд с офицеров на Обуха, просил:

— Только, бога ради, без столкновений. Я с вами согласен. Но надо обойтись без крови.

— Хорошо, хорошо, — пообещал Владимир Александрович. — Пожалуйста, не беспокойтесь.

Организовать поход на тюрьму удалось очень быстро. На трех грузовиках возглавляемые Обухом поехали товарищи из Совета рабочих депутатов, несколько офицеров и вооруженные солдаты и рабочие. Бутырская тюрьма сдалась почти без сопротивления. Позже Владимир Александрович узнал, что среди освобожденных политических был и Феликс Эдмундович Дзержинский.

В ту же ночь, когда были освобождены политические, другая группа большевиков с вооруженными рабочими и солдатами разгромила ненавистную московскую охранку.

А между тем полковник Грузинов, оставаясь пока начальником московского гарнизона, всеми правдами и неправдами старался оттянуть выборы солдатских депутатов в воинских частях. Мutilов воду меньшевики и эсеры. Им было страшно вводить в Совет «солдатню», как выражались некоторые, с позволения сказать, «революционеры».

Пока в Совете шли споры, Обуха теперь вместе с Петром Гермогеновичем Смидовичем вновь послали к Грузинову, чтобы добиться согласия штаба и всего офицерства на выборы солдатских депутатов, а потом и на созыв Совета солдатских депутатов.

Начальник московского гарнизона оказался между Сциллой и Харибдой. С одной стороны, он боялся своих офицеров. Ведь может оказаться, что часть из них заодно с «солдатней». А может, и напротив, все они обвинят его в предательстве, в блокировке с большевиками. С другой стороны, он боялся и большевиков: в Московском Совете они — влиятельная сила. И потому, когда к нему пришли Обух и Смидович, он опасливо зашикал на них, плотно закрыл дверь кабинета и предложил сесть.

— Простите, у нас с вами не осталось уже ни минуты времени. Едемте сейчас же в воинские части на выборы солдатских депутатов, — категорически заявил Обух.

— Почему такая спешка? Надо согласовать вопрос. Я так не могу.

Обух со Смидовичем переглянулись.

— Ну вот что, — предложил Петр Гермогенович, — я останусь здесь, чтобы выработать со штабом условия соглашения по представительству солдатских депутатов в Совете, а Владимир Александрович с вами, полковник, сейчас поедет в воинские части.

— Позвольте, позвольте, но почему сейчас? — запротестовал было Грузинов.

— По дороге я вам все объясню.

Но объяснять было уже некогда да и нечего. Приехали в воинскую часть. Грузинов открыл собрание и объявил, что к ним приехал представитель Совета рабочих депутатов.

Зал радостно зашумел. Когда шум стих, Владимир Александрович рассказал солдатам о том, что в Москве выбран Совет рабочих депутатов и так как теперь наступила власть народа, а солдаты тоже народ, то и от солдат надо выбрать делегатов для создания Совета солдатских депутатов.

Выступление Обу́ха приняли восторженно и сразу, без всякой проволоочки выбрали делегатов.

Поехали в следующую часть. Грузинов, видя, как принимают Обу́ха в войсках, стал лебезить и заискивать перед ним.

Всю ночь ездили Обух с Грузиновым по воинским частям. А наутро на площади перед Советом уже шумели толпы солдат. Как ни спорили, ни протестовали меньшевики — дело было сделано. Делегаты от воинских частей были здесь.

Первые дни после февральских событий на квартире Обуха творилось что-то невообразимое. Дверь не запиралась ни днем, ни ночью. Люди входили и выходили непрерывно. На кухне была свалена литература. Сюда же забегали наскоро чего-нибудь перекусить. Здесь же заседал МК. Когда же был избран Исполком Московского Совета, встал вопрос о том, что пора партии переходить официально на легальное положение. Но тут некоторые товарищи заколебались. Не рано ли? А если изменится обстановка? Да и помещения нет.

Виктор Павлович предложил отправиться на Маросейку в дом Сытина, где помещался тогда Всероссийский земский союз.

— Там, — сказал Ногин, — обосновались меньшевики. А чем мы хуже их?

— Правильно, идемте немедленно, — решительно сказал Владимир Александрович.

Смидович, Обух и Ногин явились в дом Сытина в самый разгар работы.

— Дайте нам помещение для нашей организации, — попросили они.

Служащие удивленно и молча смотрели на такое необычное нашествие.

— Ну, что же вы молчите? — спросил Ногин. — Потеснитесь. Вон вы как широко живете.

— Мы без начальства помещения дать не можем, — дискантом выкрикнул наконец какой-то чинуша от самого дальнего стола.

Тогда выступил вперед Обух и заявил:

— Если не освободите помещения, я всех арестую.

Одни с удивлением, другие со страхом взглянули на внушительную фигуру Обуха, потом посоветовались, и тот же чиновник подошел и предложил:

— Занимайте вот эти комнаты. А там посмотрим, как взглянет начальство.

Домой Владимир Александрович в этот день вернулся в особо праздничном настроении.

— Ну, Варвара Петровна, поздравляю, можете завтра с утра перебираться со всеми делами на Маросейку. И Обух рассказал жене, как они сегодня добыли помещение.

— А вы, мальчишки, — обратился он к сыновьям, — поможете матери, да и вообще у Михаила Константиновича теперь всяких дел будет много, так что тоже с утра отправляйтесь туда. (Михаилом Константиновичем в целях конспирации подпольщики называли Московский Комитет партии.)

Действительно, работы теперь в МК было великое множество, и заседал он почти непрерывно.

Члены Московского Комитета партии Смидович, Ногин, Обух, Голенко, которые были выбраны в Совет рабочих депутатов и теперь работали там, часто приходили в МК посоветоваться по самым разнообразным вопросам, которые непрерывно и всегда внезапно ставила перед ними бурлившая жизнь. Вот торопливо, почти вбегает на заседание Смидович, прерывает обсуждающийся вопрос, ставит свой, получает решение и исчезает. Через час является Обух и также требует немедленного решения и тоже исчезает. И так каждый день.

Варвара Петровна по-прежнему ведала финансами МК и литературой. Техническим секретарем была Анна Евгеньевна Константинович. Она выдавала партбилеты, собирала членские взносы, вела протоколы.

И молодежи дел нашлось через край. Сразу после легализации МК сюда явились дети всех московских активистов большевиков: племянница Землячки совсем юная Ася Залкинд, два сына Голенко — Жорж и Владимир, Лева и Лена Малиновские, Валя Мицкевич, дети Инессы Арманд и, конечно же, Андрей и Николай Обухи.

Тогда почти ежедневно проходили митинги на пред-

приятнях, в учреждениях, в учебных заведениях. Молодежь технически готовила эти митинги, сопровождала и охраняла ораторов. Двое из ребят поступили в распоряжение Ольминского — держали связь с типографией, где сидел Скворцов-Степанов, а Ольминскому в МК носили гранки, корректуру, оттиски.

Московский Комитет занимал три небольшие комнаты. Рядом обосновались меньшевики, и товарищи, приходящие в МК, иногда ошибались дверью.

«Надо бы сделать на входной двери объявление», — подумала Варвара Петровна и позвала старшего сына — он хорошо рисовал.

— Андрюша, вот тебе кусок красной материи, тащи-ка сюда свои краски, напишешь объявление.

Андрей мигом слетал домой, расположился на полу, натянув кумач, принялся за дело.

В комнату быстро вошла худощавая женщина в кожаной куртке, черной юбке. Она споткнулась о чьи-то ноги. Сквозь большие стекла пенсне женщина довольно сурово взглянула на растянувшегося на полу парня.

«Какая свирепая», — подумал Андрей.

— Кто это? — спросил он мать.

— А ты разве не узнал? Это же секретарь МК — Розалия Самойловна Землячка. Замечательная большевичка!

Работа Андрея между тем была готова. На красном фоне длинного полотнища белым четким шрифтом Андрей написал: «Московский Комитет РСДРП». Вместе с матерью он приколотил у входной двери это первое в истории Московского Комитета объявление.

Землячка была очень довольна.

— Ну вот, теперь наш Михаил Константинович имеет легальное имя, отчество и фамилию.

— Значит, его фамилия РСДРП(б)? — серьезно спросил пришедший рабочий с завода Михельсона.

— Правильно, товарищ Корнеев, — это фамилия и его, и всей нашей партии, — также без улыбки отозвалась Землячка. — Андрей Владимирович, — вдруг обратилась она к сыну Обуха, — не поможете ли вы нам подготовить стяги для демонстрации?

— Да, конечно, пожалуйста, — с горячей готовностью ответил Андрей. Варвара Петровна, взглянув на сына, едва заметно улыбнулась.

Землячка попросила Анну Евгеньевну снабдить Андрея всем необходимым, а сама, присев тут же на краешек стола, быстро написала текст лозунгов.

Андрей попросил себе на помощь еще трех ребят. И вот уже четыре пары ног растянулись на полу. Работали всю ночь.

Утром, когда пришли товарищи в МК, им представилась такая картина: стены комнаты увешаны полотнищами с лозунгами: «Долой войну!», «Вся власть Советам», «Земля крестьянам, мир народам, хлеб голодным», а на полу на газетах и пальто «задавали храповицко-го» четыре юных художника.

Тогда, в начале легализации партии, в МК решили отпечатать типографским способом партийные билеты. А когда они были готовы, послали за ними сыновей Обуха. Ребята принесли запакованные пачки с партбилетами и, сдавая их Анне Евгеньевне, спросили:

— А как бы нам получить партбилеты?

— Нет, что вы, товарищи, я сама не могу, спросите у товарища Землячки!

Разыскать Землячку было не так-то просто. Меньше всего она сидела в МК. Ее можно было скорее обнаружить на «Трехгорке», или у динамовцев, или на заводе АМО. Но ребята все-таки поймали ее.

— Товарищ Землячка, вот мы привезли из типографии партбилеты...

— Спасибо, молодцы.

— Мы тоже хотим в партию. Мы же все делали и будем делать. Что требуется для получения партбилета? Скажите Анне Евгеньевне, чтобы она нам выдала. Без вас она не может.

Попросили об этом Землячку и другие молодые товарищи.

— Нет, братцы, так не пойдет, — строго, как учительница, сказала Землячка. — Скопом в партию большевиков не принимают.

А на следующий день она сама позвала сыновей Обуха и, будто и не прекращала вчерашнего разговора, сказала теперь почти ласково:

— К вам это, юные Обухи, не имеет отношения. Скажите Анне Евгеньевне, пусть выдаст партийные билеты, примет вступительный взнос, а я подпишу.

Так оба сына Владимира Александровича с марта 1917 года были без особых процедур оформлены в партии. Секретарь Московского Комитета Землячка позволила себе такой акт, зная всех Обухов как людей, беспрельдно преданных и на всю жизнь отдавших себя делу партии. Теперь в семье Обухов уже не было беспартийных.

Последний, решительный

Выход из глубокого подполья для Владимира Александровича был так же естествен, как наступление яркого дня после долгой мрачной ночи. Ведь он много лет боролся за наступление этого дня, потому и принял его как заслуженное, обязательное, должное.

Теперь эти яркие дни мелькали, как секунды. Работа по заданиям МК, в Московском Совете депутатов по

упорядочению управления городом, выступления на митингах, которые тогда вспыхивали на фабриках и заводах по несколько раз в день и на которых надо было отстаивать позиции большевиков.

Летом 1917 года большевики в яростной борьбе с эсерами, меньшевиками и кадетами стали завоевывать большинство в Московском Совете. Для этого немало работает и Владимир Александрович. По-прежнему требовала внимания своего врача — Обуха и 1-я Градская больница.

Даже при фантастически богатом воображении трудно представить, как может человек успевать столько делать и делать вдохновенно. Однако чего не сделает человек, когда он одержим; когда он действует «с душой и идеей»!

«Большевики должны взять власть!» — донесся в сентябре до москвичей призыв вождя из глубокого подполья. Призыв прозвучал как приказ партии начать подготовку к «последнему и решительному бою», и энергия у людей вспыхнула с новой силой. Вскоре в каждом районе Москвы были созданы военно-революционные комитеты. На всех предприятиях большевики организовали боевые дружины, расширили обучение будущих бойцов владению оружием и искусству уличного боя.

Большевистская гвардия московских медиков — З. П. Соловьев, В. А. Обух, Б. С. Вейсброд, И. В. Русаков, С. И. Волконская, Л. С. Боголепова — обеспечила санитарную службу октябрьских боев во всех районах Москвы.

Сменивший Грузинова полковник Рябцев, узнав о победоносной революции в Питере, о падении Временного правительства, 27 октября объявил Москву на осадном положении, а Военно-революционному комитету Московского Совета предъявил ультиматум — самораспуститься в течение пятнадцати минут и сдать оружие.

На ультиматум Рябцева Военно-революционный комитет в течение пяти минут просигналил по районам: «К оружию, товарищи!» Это был залп «Авроры» по-московски. И началось...

Две стоящие друг против друга антагонистические силы поднялись на смертный бой.

Во главе пролетариев — Военно-революционный комитет, руководимый большевиками, на Скобелевской (ныне Советская) площади в Моссовете.

Во главе белых — штаб на Арбатской площади, в Александровском юнкерском училище.

С небольшими перерывами бои идут уже третий день, и конца им не видать.

Самое деятельное участие в медицинской помощи сражающимся на баррикадах принимали и лучшие представители молодых врачей. Ученицы Обуха Люба и Шура оказались в гуще событий. На медико-санитарном пункте Хамовнического района они дежурили бессменно. Раненые стали поступать почти непрерывно с первого дня боев. Легкораненые шли сами. Прибежит молодой парень и торопливо просит:

— Сестрица, перевяжи поскорее, некогда мне — наших теснят.

Рабочий-красногвардеец ранен в голову. Ему оторвало правое ухо. Он шапкой закрыл рану, но кровь непрерывной струей змеится из-под шапки. Любовь Михайловна, промывая рану, предлагает ему хотя бы на час задержаться, чтобы как следует обработать ее.

— Что ты, докторша, не могу я, понимаешь, не могу. Все наши заводские там, а я... — Глаза его, большие, синие, смотрят — душу выворачивают. Любовь Михайловна никогда не видела такой мольбы в глазах.

— Ну, докторша, посуди сама — наши начали нажимать на юнкерье с Крымской, гонят их, а я тут... Я потом, потом долечусь.

Потом долечиться ему не пришлось. Ему забинтовали голову, и убежал он умирать за революцию.

В этот же день умерла за революцию и его докторша. Вместе с работницами-сандружинницами пошла она вытаскивать из-под самого огня тяжелораненых, и вражеская пуля поразила ее прямо в сердце.

Тяжело воспринял Обух смерть своей любимой ученицы. Он только что вместе с В. М. Лихачевым пробрался сюда из Центрального военно-революционного комитета с заданием посмотреть, как идут дела здесь — в Хамовниках, потому что связь часто прерывалась и из районов иногда подолгу не поступало сведений в Генеральный штаб.

Долго молча, склонив голову, стоял Владимир Александрович около погибшей. Мог ли он тогда предположить, что года через полтора на Восточном фронте, в Чапаевской дивизии погибнет за революцию и вторая его ученица — молодая докторша Шура. Сейчас она неудержимо рыдала, стоя на коленях около погибшей подруги и осторожно ватным тампоном вытирая ей лицо.

В ходе боев Хамовнический район оказался отрезанным от центра. Районный штаб большевиков некоторое время действовал без связи с центром.

Белых выбили наконец с Крымской площади, взяли в плен часть юнкеров, большие трофеи, в том числе оружие, захватили интендантские склады — а там много продовольствия.

Вот было ликование! Накормили и раненых и бойцов.

А между тем белые опять усилили наступление и вновь захватили почти всю Пречистенку. Мертвый переулок, где была квартира Владимира Александровича, оказался отрезанным. Дома осталась Варвара Петровна. Надо было ее выручать.

Владимир Александрович решил пробраться в Мертвый переулок.

На Смоленском бульваре, перебегая от дерева к дереву, он достиг Глазовского переулка.

Прижимаясь к стенам домов, в короткие паузы между выстрелами Обух добрался наконец до церкви Успенье на Могильцах. Теперь осталось обогнуть церковную ограду, дом священника, а там и его дом. Вражеский огонь здесь так усилился, что Владимиру Александровичу огибать церковные владения пришлось ползком. Но вот он выпрямился, в несколько прыжков пересек улицу и юркнул в свой подъезд.

Варвара Петровна встретила мужа возмущенными восклицаниями.

— Ну, Владимир Александрович, это же безобразие! Ну можно ли так рисковать?

— Как видите, риск оказался небольшой. Тут не наведывались к нам юнкера?

— Нет, хотя около дома толклись, а потом исчезли. А вот от попа приходили. Кто-то у них заболел.

— Ну, конечно, самое время попа лечить. Вообще, не подвох ли это? Взгляните в окно, нет ли там чего подозрительного. Может, выследили меня?

Варвара Петровна отодвинула край занавески, посмотрела и пальцем позвала мужа.

— Смотрите, что-то юнкера больно шныряют около поповского дома. Надо бы вам спрятаться на всякий случай...

Не успели Обухи отойти от окна, как в дверь сильно застучали.

— Ну вот, я так и знал. А, чертов поп. Это он навел.

— Бегите черным ходом. Я открою. — Варвара Петровна направилась к двери. Обух отстранил ее и пошел открывать сам.

— Что вам угодно, господа? — распахнув перед юнкерами дверь, спросил Обух.

— Вас угодно, — заявил штабс-капитан. — Вы ведь Обух? Владимир Александрович?

— Да, что же дальше?

— Ого, какую акулу поймали! — восторгнулся безусый юнец с бледным лицом и оттопыренными ушами. — Вы, говорят, опасный большевик?

Обух улыбнулся.

— Вы арестованы. Следуйте за нами, — сухо предложил штабс-капитан.

Владимир Александрович стал медленно натягивать пальто.

Собрав смену белья, носовые платки, бинт, йод, Варвара Петровна протянула мужу маленький узелок.

— Возьмите на всякий случай.

— Зачем? Ведь меня же не в тюрьму ведут.

— Возьмите, — внешне, как всегда, спокойно повторила Варвара Петровна. — Мало ли в какую передрягу попадете. Может, долго продержат. — А сама подумала: «Может, ранят, может, будут бить... может...»

Обуха вывели из Мертвого переулка на Пречистенский бульвар. До Арбатских ворот конвойные вели себя почти джентльменами. Только вислоухий юнкер спросил:

— Вы правда опасный большой большевик?

— Конечно, большой, — отозвался Владимир Александрович. — Во всяком случае, масса моего тела раза в три весомее вашей.

Миновали памятник Гоголю. Стрельба по юнкерам усилилась. Тишину то и дело прорезали пулеметные очереди. Юнкера занервничали. Штабс-капитан приказал Обуху:

— Марш вперед, быстрее... — и со злой иронией добавил: — Будьте нашим авангардом. Прикрывайте нас от

своих пуль. Видите, как ваши бьют. Впрочем, вы можете рассчитывать и на нашу пулю. Только мы гуманнее вас. Стреляем в затылок без предупреждения.

И вот идет Владимир Александрович. Слева непрерывно бьют красногвардейцы. Справа, со стороны Знаменки (улица Фрунзе), тихо. Белые молчат. Сзади следуют конвойные офицеры. Каждую секунду ожидая «гуманного» выстрела в затылок, Обух как-то по-особому стал ощущать его, будто в затылке сконцентрировалось все его существо, вся его жизнь.

Пришли в Александровское училище. Обуха сразу привели в отдел контрразведки. Допрашивал его какой-то полковник-поляк. Сначала он взял грубый, резкий тон.

— Кто у вас командует? Назовите фамилию.

— У нас много командиров, смотря по тому, кого вы имеете в виду. Если я назову вам рабочих-красногвардейцев Иванова, Сидорова, Петрова, это вам ничего не скажет, — спокойно ответил Обух.

— Назовите главных.

— Они и главные и придаточные.

— А, пся крев, — не выдержал поляк. — Тогда скажите, какими вы обладаете силами?

— Вот это другое дело. Силы у нас огромные — все фабрики и заводы Москвы, все воинские части, покинувшие вас. А сколько их — вы знаете лучше меня.

Поляк помолчал, подумал и вдруг спросил:

— Как думаете, кто победит?

— Полагаю — мы. Иначе бы игра не стоила свеч.

— А какая судьба постигнет побежденных? — задал полковник уже не удививший Обуха вопрос.

Владимир Александрович серьезно ответил:

— Кто пойдет с нами, не станет вредить, тот будет жить и, как все, помогать пролетарской власти воздвигать здание новой, не виданной доселе жизни.

— Ну что ж, ну что ж, — как-то неопределенно закончил полковник и быстро вышел.

На следующую ночь Обуха перевели в общую комнату ко всем пленным. Их оказалось человек пятьдесят. В основном это были рабочие с Хамовников, многие тяжело избитые белыми. Все они хорошо знали Владимира Александровича и встретили его с тревогой. «Как же он-то попался?»

— Ба, вон вас тут сколько! — нарочито весело удивился Обух. Ему хотелось шуткой поддержать настроение товарищей. Его окружили. Начались расспросы.

А за окнами непрерывно шла стрельба, то затихая, то обрушиваясь на логово белых с новой силой. Наконец грохнула артиллерия, положив снаряд почти в цель — под самые окна училища. Задрезбезжали, зазвенели стекла....

— Наша действует, — с удовлетворением заметил Обух.

— Молодцы, метко ударили — почти в самую точку, — сказал старый рабочий с забинтованной головой.

К Обуху подошел студент и тихо, чтобы не услышали остальные, сказал:

— А ведь еще два-три таких удара, и мы будем погребены под обломками своими же. Надо отсюда выбираться.

— Я тоже так полагаю.

Стали обсуждать, как выбраться отсюда. У ранее арестованных уже был план побега. Они решили ни больше ни меньше, как взять штаб изнутри сегодня ночью. Уверяли, что их затея удастся обязательно, что они все уже подготовили, даже распропагандировали двух казаков из охраны.

— Понимаю и разделяю ваше нетерпение, товарищи, но нельзя же идти на явный провал. — Владимир Александрович подошел к окну и посмотрел, что делает-

ся во дворе. — Подите-ка сюда, друзья, видите, вокруг училища конные отряды стоят. Куда вы двинетесь, допустим, даже победив внутри здания?

— Они не успеют очухаться, как мы уже перебежим площадь.

— Нет, нет, дорогой товарищ, все мы окажемся уничтоженными раньше, чем успеем переступить порог этого заведения. Бракую и ваших союзников. Они первые нас и погубят.

Заговорщики заволновались, не соглашаясь с доводами Обуха. Положение осложнялось. И тут у Владимира Александровича мелькнула спасительная мысль.

— Предлагаю совсем другой план.

— Какой же?

— Неужели вы не чувствуете товарищи, что дело идет к нашей победе? Слышите? Наши бьют непрерывно, а у белых уже ликвидаторское настроение. В противном случае они давно бы с нами покончили. А теперь — не решаются. Сейчас им в пору спасать свои шкуры.

— Что же все-таки мы-то должны делать? — нетерпеливо спросил рабочий с забинтованной головой.

— Потребовать освобождения. Они пойдут на это, если мы взбунтуемся. Учтите, они боятся и своих солдат.

Осуществлять идею Обуха начали с настойчивого стука в дверь.

— Что там еще? — прогнусавил, очевидно, дремавший казак.

— Позовите начальство.

— Долго нас тут держать будут?

— Тише вы, арестанты, на тот свет захотели?

— Позовите немедленно начальство.

— Погодите, мне некого послать. Не могу же я уйти с поста. Понимать надо.

Арестованные продолжали стучать, пока не пришел полковник-поляк.

— Господа, вас решили выпустить, но не всех сразу, а небольшими группами. В первой партии десять человек. — И полковник отобрал тех, которые больше всего шумели и требовали.

Владимиру Александровичу почему-то дали даже провожатого, перепуганного насмерть гимназиста, который, так же как и юнкер, прятался за Обуха от пуль.

Когда вышли на улицу, Владимир Александрович увидел, как большие группы закутанных в башлыки ударников Временного правительства быстро шагали в направлении Брянского вокзала. «Ага, если уж и вы, голубчики, удираете, значит, скоро и всем конец», — с удовлетворением отметил Обух и зашагал быстрее.

В ревкоме Моссовета Владимира Александровича встретили возгласами радости.

— Хорош, нечего сказать: мы тут воюем, а он отсиживается в гостях у врага.

— Крепко мы беспокоились, как узнали, что вы попали к Рябцеву прямо в пасть.

— Как это вам удалось вырваться?

— Вашими молитвами уцелел, — в унисон общему тону отозвался Владимир Александрович. Белые так испугались напора революции, что, убоявшись потерять свои шкуры, оставили неприкосновенной мою. — И Обух, рассказав ревкомовцам, как его допрашивал полковник-поляк, закончил: — Этот полковник больше допытывался, оставим ли мы его в живых, чем интересовался положением наших позиций.

С большевиками или против них?

Свершилась величайшая революция, открывшая новую эру развития человеческого общества. И началось массовое народное творчество в организации новой власти.

Рядом с огромным народным подъемом, с бурным, светлым потоком творчества шипела тайно и явно черная река, принявшая в свои мутные воды всех, кого революция выбросила за борт истории.

В первые месяцы Советской власти достиг своего апогея разгул саботажа. Бастовали амбулатории, объявив, что не будут работать с большевиками. Покидали школы учителя. Итальянские забастовки устраивали служащие в банках, в канцеляриях, сидели молча за своими столиками, сложив руки.

— Почему не работаете? — спрашивали их.

— А на кого работать — на большевиков?

— Вы привыкли работать обязательно на кого-нибудь — на хозяина или на барина, — с возмущением говорили обычно саботажникам. — А теперь попробуйте поработать на себя, понимаете, на себя!

— Все равно мы не признаем власти большевиков,— упрямо твердили одни. Другим же, сомневающимся, слова эти западали в душу, и они понемногу начинали понимать правду.

Все лучшее, честное держало сторону Советской власти, некоторые же занимали выжидательную позицию, смотрели — чья возьмет. Все худшее еще яростнее сопротивлялось, переходя от саботажа к прямому вредительству. Среди этих последних кроме черносотенцев немало было меньшевиков и эсеров. Они играли на отсталых настроениях людей, как на расстроенном инструменте, фальшивя в каждом своем слове, поступке, побуждении. Ясные, четкие, конкретные дела большевиков меньшевики умудрялись представлять туманными, нереальными.

Ненависть к революции, к новой власти у саботажников выражалась, как считал Владимир Александрович Обух, глупо и подло. Ну при чем тут партия большевиков, когда надо спасать человеческую жизнь? У больного воспаление брюшины, жизнь его на волоске, а черносотенный кретин отказывается делать операцию потому, видите ли, что большевики взяли власть в стране... «Идите, — говорит, — к своему Вейсброду, пусть он «трудящимся» делает операции». Где элементарная врачебная этика?

Так думал Владимир Александрович, шагая утром на работу в Бюро совета районных дум. Это был первый после Октября орган городского управления, просуществовавший полгода параллельно с Московским Советом рабочих и крестьянских депутатов. Почти все командные высоты в Бюро районных дум занимали большевики.

Обух ведал отделом социального обеспечения и был также членом коллегии отдела здравоохранения, который вел Николай Александрович Семашко.

Отбуйнили февральские вьюги, безжалостно выдувавшие из московских квартир последнее тепло. Март наступил хоть и морозный, но, как говорят врачи, щадящий — тихий. И москвичи это считали за великое благо. Днем иногда можно было где-нибудь на бульваре даже погреться на солнышке, уже начинавшем вступать в единоборство с морозом.

Роскошные купеческие, а больше дворянские особняки, многочисленные в районе Арбата, и небольшие добротные дома, где чаще всего жила именитая московская интеллигенция, отапливались, как и учреждения, в те годы железными печурками — «буржуйками», как их именovali.

Морозным мартовским вечером на Сивцевом Вражке, в одной из таких квартир, собрались видные московские врачи. Хозяин дома, известный по тому времени терапевт, Матвей Петрович Кривов был особенно злобно настроен против большевиков и всего, что они делают.

Жена хозяина — высокая, худая дама, закутанная в большой пуховый платок, — встречала гостей и приглашала в столовую. Тяжелая дубовая мебель и старые темные обои придавали комнате особенно мрачный вид. Дымилась, конечно, буржуйка, источая такой жар, что около нее невозможно было стоять. Тем не менее каждый входящий с мороза прежде всего грел около нее руки, как бы благодарно кланялся этому куску железа.

К столу подавали настоящий китайский чай.

— Ба, откуда такая прелесть? — восхитился старый профессор Сергей Иванович Троицкий, принимая из рук хозяйки стакан ароматного напитка.

— О, не спрашивайте, милый друг, это мой секрет, — ответила дама, — не спрашивайте и наслаждайтесь.

— Да, истинное наслаждение выпить сейчас стакан настоящего чая!

— А я, знаете ли, сегодня на Смоленском рынке достал отличный кепстн, — сказал солидным басом внушительного вида господин, вынимая из кармана табакерку и трубку. — Разрешите, Аглая Михайловна. — Та кивнула головой. Это был профессор, крупный патологоанатом Пал Палыч Бобылев.

В столовую быстро вошел, потирая руки, низенький плотный человек и, сделав общий поклон, ткнул носом в костлявую руку хозяйки. Рядом с ней, худой и длинной, он казался маленьким и особенно круглым, как мячик. Для голодного времени восемнадцатого года он был слишком толст, и над ним нередко посмеивались. Этот гость больше барин, чем знаменитый терапевт, был не рядовой в Москве меньшевик и, как и хозяин дома, черный ненавистник всего, что исходило от большевиков.

— Господа, слышали новость? — красивым тенором обратил на себя внимание толстяк. — Большевики собираются назначить Владимира Александровича Обуха заведовать всем здравоохранением Москвы. Как это вам нравится?

— Черт знает что такое, этот Обух сразу после боев стал городским комиссаром, потом членом Совета районных дум. Теперь и в Совдепе будет управлять нами! — выкрикнул доктор Бобров, вскочил со стула, чуть не опрокинув его.

За последние годы Степан Иванович Бобров достаточно обрюзг, облысел, был весь какой-то измятый, только лягушечьи глаза навывкате оставались теми же злыми шариками с красными прожилками.

— А мне, представьте, нравится, — сказал, как всегда, спокойно, с достоинством Федор Александрович Рейн. Он, напротив, почти не изменился. Годы войны словно пощадили его. Рейн был так же строен и красив. А между тем сколько труда положил Рейн, сутками

не выходя из больницы! Он считал долгом своим в тяжкие годы войны быть там, где обязывает его быть специальность врача.

Сегодня здесь, на квартире Кривова, он оказался совершенно случайно, зайдя к своему коллеге по одному неотложному делу больницы.

— Да, мне нравится, — повторил Рейн и спокойно посмотрел на Боброва своими ясными глазами. — Владимир Александрович отличный теоретик и практик, редкий диагностик. Чего же более желать?

— Значит, он будет всем нам ставить диагнозы! — зло сострил Кривов.

— Притом политические, — подхватил Бобров.

— Да, если хотите, и политические. — Рейн вновь улыбнулся. — Он ведь давнишний и ярый большевик.

— Поражаюсь, как вы, Федор Александрович, спокойно говорите о нем. А я, господа, работать с ним не стану. Мне и без того надоели разные большевистские контроли, комиссары, профсоюзники.

— Да, профсоюзники, пожалуй, и мне, знаете ли, порядком надоели, — сказал профессор Бобылев. — Вчера врывается ко мне в кабинет такой профсоюзник, стучит кулаком по столу и требует, знаете ли, чтобы я вернул на работу одну ленивую финтифлюшку сестру. Да еще предлагает извиниться перед ней, — добродушно и беззлобно закончил профессор и вновь пыхнул трубкой.

— Вот видите, видите, что делается! — Бобров воздел руки вверх, потом с силой ударил ими себя по ляжкам.

— А вы не очень радуйтесь, Степан Иванович. Этот профсоюзник просто дурак и нахал. А такого добра было больше чем достаточно и до прихода большевиков. Просто надо уметь их вовремя, так сказать, обезвредить и ставить на место.

— Нет уж, увольте, господа, — с меня тоже довольно дураков, большевиков и прочих «товарищей», — сказал толстяк, поморщился и, круто повернувшись, сел.

Хозяйка подала ему стакан чая.

— Не надо так нервничать, дорогой Илья Алексеевич. Подождите, все еще образуется, — сказала она.

Приняв с поклоном стакан чая, толстяк спросил хозяйку:

— Что образуется, Аглая Михайловна, и когда образуется? Вы только подумайте — в больницу врываются какие-то кавалеристы в красных галифе и тоже чего-то требуют...

— Они же не виноваты, что у них нет другой одежды. Еще, знаете ли, война, еще, знаете ли, фронты, — пробасил профессор. — А не от бессилия ли вы так злобствуете? — спросил он и ехидно подмигнул, от чего его густые, нависшие брови забавно передернулись.

— Совершенно верно, скрывать не стану, — пока от бессилия, потому и ухажу.

— Умение подавлять излишние эмоции — ценное свойство высшей нервной деятельности, как вам известно. Так вот, побольше выдержки, знаете ли, дорогой Илья Алексеевич.

Меньшевик в ответ только неопределенно пожал плечами, не найдя, что возразить. Долго молча наблюдавший спор профессор Троицкий вдруг удивил всех.

— А ведь если присмотреться беспристрастно, — сказал он, — то нетрудно обнаружить, что большевики делают поразительные, я бы сказал, очень толковые вещи.

— Да? Неужели? Какие же, не угодно ли сказать? — Бобров как-то сразу посерел.

— Пожалуйста, бесплатная медицина, например. Вы себе представляете, господа, что это такое? Это же грандиозно!

— С эдакой филантропией, — фыркнул, как кошка, толстяк, — они очень скоро вылетят в трубу и тогда, поверьте моему слову, будут драть втридорога. Ну, подумайте сами — бесплатная медицина и для всех! Абсурд! Басня!

Бобров в знак согласия с меньшевиком мелко и часто закивал головой, будто затрясся в пляске святого Витта.

— Однако это что-то очень длинная басня, — поддержал Троицкого профессор с трубкой, — тянется вот уже почти полгода. И в таких, знаете ли, тяжелых условиях для страны.

— Представьте, что будет в России, когда большевики целиком займутся мирными делами, — как бы завершая мысль Троицкого, сказал Федор Александрович Рейн.

— Этими баснями они ловят на удочку простаков. Меня на такую приманку не возьмешь.

— Они это делают меньше всего для вас.

— Вы что, Федор Александрович, уж не записались ли в большевики?

— Нет, да большевики меня к себе и не возьмут. А вот работать с ними я буду.

— К Обуху, значит, под начало пойдете?

— Да, буду работать с Владимиром Александровичем, как работал с двенадцатого года в 1-й Градской. Я всегда ценил этого незаурядного человека.

Бобров не унимался. С обычной для него желчностью, он, как ему казалось, особо оскорбительно для Рейна жиденько засмеялся и сказал:

— Так в те времена Обух ходил под вашим началом. Помните? Н-да... не знал, что вы так беспринципны, не знал, — с деланным сожалением закончил он.

Рейн не ответил на вызов.

— Можете и меня считать беспринципным, да-с! Я тоже из больницы никуда не уйду. В конце концов, глу-

по, бесчестно, аморально, да-с, милостивый государь, аморально врачу сидеть дома, когда кругом люди мрут от тифа, испанки...

Эту тираду с большой экспансией произнес профессор Троицкий и забежал по столовой мелкими, почти детскими шажками.

— Тем более глупо, что из больниц нам, знаете ли, и бежать-то некуда, — вразумительно и спокойно заключил профессор Бобылев. Потом попытлел трубкой, поерзал на стуле и с уничтожающим сарказмом спросил:

— Не пойдете же вы, Степан Иванович, торговать папиросами «Ира» врассыпную, «Ява» в пачках?

Все рассмеялись.

Разговор стал принимать все более острый характер. Одни утверждали, что идти работать с большевиками — значит признать их власть, другие — Рейн, Троицкий и Бобылев — предлагали держать нейтралитет и заниматься каждый своим делом.

— Чем же мы, в самом деле, будем бороться с большевиками: скальпелем или, может, извините, клистирной трубкой? — заключил профессор Бобылев и затрясся от смеха.

— Фи, Пал Палыч, — поморщилась хозяйка.

— Прошу прощенья, но, знаете ли, у людей кроме злости должны быть хоть какие-нибудь мысли.

— Это уж слишком, — вздыбился Бобров.

— Господа, господа, не надо ссориться. Вам всем теперь, как никогда ранее, следует держаться вместе, — вновь попыталась ослабить накал страстей хозяйка.

— Милая Аглаюшка, все знают, что ты миротворица, но пойми наконец — есть вещи, где примирение уже невозможно.

— Ах, оставь, Матвей, — поморщилась хозяйка. — Господа, вы же собрались на пулюку, прошу. — И она

бросила на ломберный стол две колоды карт. Они скользнули и ярким веером рассыпались по зеленому сукну. Рейн не остался на пулюку и ушел.

Все поднялись, задвигали стульями, пересаживаясь за ломберные столы поближе к буржуйке.

По домам гости разошлись далеко за полночь. Пулька действительно всех объединила и на этот вечер примирила. А наутро страсти разгорелись вновь. И не только среди врачей. Кругом бушевала злоба, кипела ненависть к большевикам — этим непреборимым людям, рушившим все старое, гнилое на своем пути; к этим невеждам и варварам, как казалось многим; к этим дикарям, к которым непонятно почему тянутся большие люди России. А где-то, примерно на таких, как кривовская, квартирах, затевались уже черные дела против власти рабочих и крестьян.

Ай да доктор!

Прошло некоторое время с того дня, как на Сивцевом Вражке собирались любители пульки. Сейчас они работали в больницах каждый на своем медицинском посту. Обух сидел в своем кабинете и долго, терпеливо убеждал известного фтизиатра возглавить туберкулезное отделение одной из московских больниц. Фтизиатр был человек мягкий, глубоко интеллигентный, много лет проводивший около тяжелобольных людей и не мыслящий себя вне больничной обстановки. Но мягкость и гуманность его характера не могли примириться «с жестокостью большевиков», о которой он слышал со всех сторон. Это его возмущало, угнетало, доводило до сердечных приступов, и он оставил больницу.

— Особенно этот ваш — Дзержинский... он просто, говорят, зверь какой-то! — сказал фтизиатр и обиженно засопел, как большой ребенок.

Обух залиvisto рассмеялся.

— Ну уж, если Дзержинский зверь, тогда я свирепейший тигр.

— Помилуйте, помилуйте, Владимир Александрович, мне не до шуток. Я не могу понять, почему вы большевик, но знаю вас за самого благородного человека.

— Дорогой Андрей Федорович, может, вы хоть на время поверите этому благородному тигру. — Обух ткнул себя большим пальцем в грудь. — Поверьте, большевики хотят только доброго людям и России. Идите опять в свою больницу.

Фтизиатр сидел нахмурившись и молчал.

— Кстати, вы, кажется, работаете над вопросом поражения у туберкулезных больных нервной системы?

— Ну, я, — ответил Андрей Федорович.

— Так идите и продолжайте эту работу. Теперь мы сможем создать вам необходимые условия. Мы же не черносотенная Московская управа. Вам-то хорошо известно, как она тормозила научные начинания в больницах, как приходилось выклянчивать деньги по копейке!

Фтизиатр оживился.

— И можно будет работать над диагностированием туберкулеза в самых ранних стадиях? — спросил он и привстал.

— Конечно, мы же с вами знаем, какую роль играет профилактика. Представляете, какие перспективы открываются сейчас для вашей работы?

Посетитель снова сел и раздумчиво сказал:

— Да-а, пожалуй, нет логики в том, что вот вы — большевики — уговариваете меня работать в больнице.

то есть склоняете к самому гуманному делу, а вместе с тем все большевики — звери. Н-да... нет логики, определено нет.

— Так будем логичны, — Обух поднялся и протянул Андрею Федоровичу руку, — подумайте, как вы сейчас нужны в больнице!

Поднялся и фтизиатр, протянул через стол руку Обуху и молча крепко пожал ее.

— Ну, в добрый час, — передавая посетителю направление на работу в больницу, сказал Владимир Александрович и проводил его до двери.

Вернувшись за стол, Владимир Александрович позвонил главному врачу больницы, куда направил специалиста по туберкулезу, и предупредил его.

— Ага, значит, сдался и Андрей Федорович! Очень рад, очень рад, — отозвался главврач. — Да вы прямо чародей, Владимир Александрович, — какого необратимого обратили.

В кабинет почти вбежал, вернее вкатился толстяк, тот самый Илья Алексеевич, который не так давно в квартире Кривова убеждал собравшихся не работать с большевиками.

— Милостивый государь, — почти крикнул он, не поздоровавшись, — может, вы объясните, на каком основании я отстранен от заведования отделением в больнице?

— Во-первых, воспитанные люди просят разрешение войти. — Обух поднялся с кресла и дернул левым плечом. — Во-вторых, как минимум, следует здороваться. А отстранены вы потому, что не желаете работать. Зачем же вас держать? Надо лечить больных, а вы отказываетесь.

— Ага, вы уже знаете? Вам уже донесли? Да, я отказался только один раз, потому что привезли...

— Большевика? Выходит, большевик не больной. По-

нятно. Может, вам какие-нибудь господа еще и платят за саботаж? Ведь есть и такие...

— Я не продаюсь! Я сам! Я принципиально!

— Знаю, знаю, все вы «принципиальные» еще с Пражской конференции. — Обух вновь дернул левым плечом. — Мало вам досталось на Пражской? Еще хотите? Так вот: тогда мы очистили от вас партию, а теперь, если не станете честно работать, будем очищать от вас и Советскую страну.

— Не имеете права! — Толстяк даже подпрыгнул, встал на цыпочки, чтобы через стол дотянуться до Обу-ха, и закричал: — Это вам не партийные дела! Я буду жаловаться!

Владимир Александрович рассмеялся и сел в кресло.

— Кому, позвольте узнать, кому будете жаловаться? — Потом серьезно и строго закончил: — А дела теперь у нас все партийные. У Советской власти беспартийных дел нет.

Меньшевик опешил.

— Не понимаю, кто вы: медик, доктор или только политик?

— А я политик в медицине и медик в политике, — скаламбурил Владимир Александрович. — Выправляю политические вывихи. Не желаете ли полечиться? — И Обух вновь залился смехом.

Меньшевик побагровел.

— Ну хорошо же...

Зазвонил телефон. Обух жестом остановил посетителя, снял трубку и сказал:

— Да, слушаю.

— Здравствуйте, говорит Ленин, — слышалось в трубке.

От неожиданности Обух замешкался, потом так погрозил меньшевику пальцем, что тот шлепнулся в кресло, и только тогда ответил:

— Здравствуйте, Владимир Ильич.

Глаза толстяка смешно округлились, нижняя губа начала медленно отваливаться. Ровный, но энергичный голос Ленина в трубке продолжал:

— Мы недавно переехали из Питера, и у меня прихворнула жена. Здесь в Москве пока никого не знаем. Вот я и решил позвонить сюда. Правильно я позвонил?

— Правильно позвонили, Владимир Ильич, — это отдел здравоохранения.

— Пожалуйста, нельзя ли прислать врача на дом. Живем мы в гостинице «Националь», 107-я комната.

— Да, да, Владимир Ильич, врач у вас сейчас будет.

— Спасибо, ждем. — И на том конце провода повесили трубку.

Обух с небывалой для него проворностью вышел из-за стола. Разговор по телефону совершенно вытеснил из его сознания посетителя. Он быстро прошел мимо него, как мимо пустого места, и скрылся за дверью.

«Что-то случилось у Ленина», — злорадно подумал толстяк, встал и медленно побрел из кабинета. В дверях он столкнулся со стремительно входящим уже в пальто Обухом. Владимир Александрович слегка отодвинул, точнее, широким жестом завел меньшевика себе за спину, прошел к столу, открыл правый ящик, положил в карманы медицинские принадлежности и исчез.

«Черт знает что такое», — вяло подумал меньшевик. Появилась секретарша, попросила его выйти и заперла кабинет.

До гостиницы «Националь» на углу Тверской ходу пять минут — только пересечь улицу. Обух прошел широкий коридор гостиницы и постучал в дверь сто седьмого номера. Ему открыла Мария Ильинична.

— О, Владимир Александрович, не ожидала вас сейчас встретить, очень рада, — протягивая руку, сказала она. — Очень хорошо, что пришли именно вы. Разде-

вайтесь, пожалуйста. До сегодняшнего дня мы не хотели вызывать врача. Но сегодня у Надежды Константиновны тридцать девять и пять. Видимо, инфлюэнца.

— Сейчас все выясним, — вешая пальто, сказал Обух.

— Маняша, кто там? — спросил из комнаты Ленин и вошел в маленькую переднюю.

— Уже пришел доктор, Володя, вот познакомься: Владимир Александрович Обух.

— А-а, Обух, как же, слышал, слышал о вас. — Ленин поздоровался и пригласил Владимира Александровича в комнату. — Мне о вас Семашко говорил и вот Маняша.

— С Марией Ильиничной мы еще с подполья знакомы.

— Вы сейчас в Московском здравоохранении работаете? Я не ошибаюсь?

— Да, Владимир Ильич. И в отделе социального обеспечения.

— Зачем же тогда приехали сами? Могли бы прислать врача из амбулатории. Мы вас оторвали от дел. А социальным обеспечением людей архиважно заняться сейчас как следует.

— Во-первых, я не приехал, а пришел, — почему-то вдруг басом заговорил Обух. — У него был голос огромного диапазона, от тенора до густого баритона, почти баса. — Мы помещаемся тут рядом. А во-вторых, вовсе вы не оторвали меня от дела. Лечить больных — это же самое что ни на есть мое дело. А то, сидючи в канцелярии, я совсем разучусь быть доктором.

Это понравилось Ильичу. Он подумал: «Какой симпатичный».

Водопровод в Москве не работал. В ванной, куда Мария Ильинична проводила Обуха, на табуретке стоял эмалированный таз, а на полу ведро с водой. Мария

Ильинична полила ему на руки из кружки и подала полотенце. Обух вытер руки и, спросив: «Где же больная?», почувствовал прилив профессиональной докторской энергии. В нем сразу и остро возник рефлекс врача, привычка лечить людей. Ему даже показалось, что откуда-то пахнуло специфическим больничным запахом, и он весь внутренне настроился на докторский лад, забыв саботажников, меньшевиков, заготовку дров для больниц и все прочие мосздравовские дела. Сейчас это был только врач.

Ленин пропустил Обуха впереди себя.

— Вот, Надюша, и доктор. Знакомься — Владимир Александрович Обух.

Надежда Константиновна лежала под теплым пледом, а сверху было наброшено еще черное пальто. Тщательно осмотрев и выслушав больную, Обух обнаружил обычную, очень распространенную форму инфлюэнцы. Это успокоило его. Он опасался особо острой формы инфлюэнцы того времени — так называемой «испанки», которая протекала обычно очень бурно и буквально в несколько дней уносила из жизни измученных, изголодавшихся людей.

Когда Обух сделал необходимые назначения больной, Владимир Ильич пригласил его к столу, около которого хлопотала Мария Ильинична.

— Благодарю, Владимир Ильич, но я должен и вас посмотреть и послушать.

Ленин растерялся, не зная, как реагировать на такое предложение.

— Володя, это не шутка. Владимир Александрович не успокоится, пока не полечит и тебя и меня, — рассеяла недоумение Ленина сестра.

— Позвольте, но я совершенно здоров.

— Владимир Ильич, вам все же придется показать мне себя, — заявил Обух.

— Так обычно поступал Владимир Александрович, когда в подполье на его квартире собирались товарищи. Так что ничего не поделаешь, Володя, придется подчиниться, — сказала Мария Ильинична. Обух с особой тщательностью обследовал Ленина и был очень обрадован, обнаружив хорошее состояние его организма.

Обух считал неудобным оставаться пить чай у Ленина и, когда кончил осмотр и Марии Ильиничны, попытался было отказаться, сославшись на дела, но Ленин очень настойчиво и весело почти потребовал сесть за стол.

— Не можете же вы обидеть хозяйку дома отказом, тем более что она ваша старая знакомая. Правда, Маняша? — А Мария Ильинична уже протягивала Обуху стакан чая и улыбалась своей тихой улыбкой.

— Знаете, как после октябрьских боев про нас говорили черносотенцы и эсеры? — лукаво улыбнувшись, спросил Ленин. — «Большевики не успеют напиться чаю, как вернется Керенский, и все встанет на свои места». Сколько раз с Октября вы пили чай, Владимир Александрович?

— Счету нет, Владимир Ильич. Я люблю чай!

— Я тоже.

— А на свои места-то все и встало, только по-нашему, а не по-ихнему.

— Вот именно. Однако я бы сказал: все становится на свои места. Еще очень много, архимного такого, что должно найти свое место в новой жизни, — уже серьезно договорил Ленин.

— Да-а, — отозвался Обух. — Старое еще очень активно проявляет себя. Меньшевики, эсеры, например, до сих пор призывают врачей, учителей, чиновников не подчиняться новой власти. «У большевиков, — говорят они, — нет культурных сил, и если будет организован опять дружный саботаж, то они долго не продержатся».

— А, черт возьми! — стукнув ладонью по столу, возмутился Ленин. — Подумайте, какие несовместимые слова здесь поставлены рядом — «дружно» и «саботаж».

— Белое с черным, — отозвалась Мария Ильинична.

— Да, чистое с грязным, — по-своему уточнил Обух.

— Конечно, хоть мы и спокойно сейчас пьем чай, но опасность для революции еще велика, ВЧК то и дело открывает заговоры и заговорчики. Теперь все сблокировались против нас. Нет уже «принципиальных» разногласий между меньшевиками, эсерами, черносотенцами, либералами, анархистами. Удивительно, как острые классовые ситуации моментально проясняют «принципиальность» всех этих господ.

— С анархистами легче всего справиться. Большинство их сейчас просто бандиты, пьяные подонки и действуют открыто бандитскими методами. А вот с теми, кто прикрывается слащавой правдой и занимается дешевой демагогией, придется долго канителиться, — сказал Обух.

— Верно, абсолютно верно. Но теоретические доводы всей этой политической пестроты против большевиков теперь уже слабы до последней степени и фактически разбиты. Теперь нам надо практикой передового класса — пролетариата доказать жизненность рабочего и крестьянского правительства. Значит, нам надо больше новых работников из массы в ряды партии, для самостоятельного участия в строительстве новой жизни. Вот каков наш прием борьбы со всеми трудностями, с разглагольствованиями врагов всех мастей.

Надежда Константиновна закашляла, Владимир Ильич поспешно встал и подошел к ней. Встал и Обух.

— Что с тобой, Надюша, тебе нехорошо?

— Нет, просто у меня кашель.

— Владимир Ильич, хорошо бы Надежде Константи-

новые поставить банки. Разрешите, я позвоню и вызову опытную сестру. Она наш товарищ.

— Ну что ж, раз вы находите, значит, надо, верно, Надюша?

— Да, конечно. Хочется поскорее поправиться. Болеть-то, вы знаете, всем нам некогда.

— Сейчас вызову сестру и распоряжусь насчет лекарств — она привезет. Впрочем, у меня с собой кое-что есть, — вспомнил Обух и выложил на тумбочку лекарства из кармана пиджака. Ленин с любопытством наблюдал за тем, как Обух отбирает нужные лекарства, и подумал: «Типичный русский интеллигент — «чеховский доктор».

— Ну вот, почти все нашлось. Только для поддержания сердца попрошу привезти капли, — сказал Обух.

— Отлично, отлично, спасибо. Вы, я вижу, не только доктор, но и «аптека» на ходу.

— А я как птица какаду — даже ем и сплю на ходу.

Надежда Константиновна засмеялась и вновь закашлялась.

— Ну вот, милый доктор, вы довели нашу больную до кашля.

— Прошу прощения. Но кашель от смеха не опасный кашель. Если бы все доктора лечили своих больных и смехом, как было бы здорово человечество!

— Очень правильно, Владимир Александрович, смех — это хорошее настроение, а хорошее настроение почти всегда здоровье.

Обух позвонил в 1-ю Градокую сестре, отдал ей необходимые распоряжения и вернулся к столу.

— Пожалуйста, Владимир Александрович, еще чайку, — предложил Ленин, придвигая Обуху второй стакан. — Расскажите, как обстоят дела у нас в медицине в широком смысле и в практическом.

— Что ж? В узкопрактическом — мы боремся с эпидемиями, добываем в Подмоскovie дрова для больниц, а в губпродкоме мыло для бань, больниц и амбулаторий. А в широком смысле, — Обух помолчал, — в широком смысле — хочется скорее теорию медицины теснее связать с жизнью, то есть начать изучать труд и быт людей, чтобы вовремя предупреждать многие болезни. Заранее ставить им кордоны.

— Все это отлично и очень правильно, — одобрил Ленин, — но, к сожалению, придется немного повременить. Вы ведь сами говорите — сыпной тиф, холера, нет дров, мыла.

— Да, да, конечно, — согласился Обух. И собеседники стали говорить о практических делах помощи медицине в тяжелых условиях восемнадцатого года.

Договаривали они уже в прихожей. Когда за Обухом захлопнулась дверь, Ленин круто повернулся и, потирая от удовольствия руки, быстро вошел в комнату. Лицо его было озарено радостью, словно он нашел или открыл что-то очень ценное и интересное.

— Однако каков доктор, а! — воскликнул он.

— Да, очень милый человек и, видно, умница, — отозвалась Надежда Константиновна.

— Володя, это он — Обух — не раз давал деньги МК для посылки вам с Надей в Швейцарию и в Париж для партийной работы, — сказала Мария Ильинична.

— Да ну? Ай да доктор!

Долго Владимир Александрович никому, кроме домашних, не говорил о своем знакомстве с Лениным. Ему почему-то не хотелось расплескивать ту радость, вернее, то глубокое светлое состояние, которое посетило его после визита к Ильичу. Обух только поблескивал своими умными глазами. С этой первой встречи с Лениным Обух до конца дней своих оставался близким другом и врачом всей семьи Ульяновых.

Ленин очень ценил в Обухе-большевике высокообразованного и гуманного человека, талантливого медика-практика и теоретика. Он всегда живо интересовался делами Обуха. Советы Ленина во многом помогали Владимиру Александровичу в борьбе за новое здравоохранение.

Девятнадцатого мая 1918 года было воскресенье. Варвара Петровна с сыновьями уехала за город. Домовничать остались Лихачевы, жившие у Обухов, да Владимир Александрович. Он в своем кабинете лежал на диване и наслаждался таким редким теперь покоем и отдыхом. Вдруг в дверь резко постучали, послышался взволнованный голос Василия Матвеевича.

— Владимир Александрович, Владимир Ильич приехал.

Обух не понял.

— Да слышите ли вы? Приехал Владимир Ильич, сюда, к вам, сейчас, — раздельно выговаривая каждое слово, сказал Лихачев. — Выходите скорей.

Владимир Александрович встал, причесал волосы, надел пиджак и быстро вошел в столовую. Навстречу ему поднялся Владимир Ильич и, протянув обе руки, шутливо извинился:

— Простите, дорогой хозяин, незваный гость хуже...

— Здравствуйте, здравствуйте, Владимир Ильич, Мария Ильинична, здравствуйте. Более дорогих гостей представить невозможно.

— Вот выдалась у нас с Марией Ильиничной малая толика времени, и мы вздумали навестить кое-кого из друзей. Заехать решили и к вам.

— Превосходно! Сейчас чайку оборудуем.

— Нет, нет, не хлопчите, мы ведь на несколько минут. Надо успеть побывать еще у других товарищей.

— Простите, Владимир Ильич, теперь уж вы у меня в плену. Помните, как было дело при моем визите к вам в марте? Без чая не отпущу.

— Ну что ж, — развел руками Ленин, — я умею платить долги. Тащите сюда ваш чай, коли так.

А чай уже был готов. Вошла Раиса Савельевна и, застелив стол свежей скатертью, поставила на него скромные яства тех лет.

— Владимир Александрович, а с того времени, как московские подпольщики собирались у вас, здесь ничего не изменилось, — сказала Мария Ильинична, оглядывая комнату. — Все как было, на своих местах.

— А что здесь могло измениться? Некогда да и ни к чему что-нибудь менять.

— Когда мы сейчас поднимались к вам по лестнице и входили в квартиру, мне так живо вспомнились те годы. Володя, — обратилась Мария Ильинична к брату, — в этой квартире не раз проводились нелегальные собрания большевистского центра.

— Вот как?.. Значит, эта квартира историческая.

— Не только в этой квартире, — уточнил Обух, — а именно в этой комнате.

— Да, да. Вы всегда сидели вот тут, у окна, и часто поглядывали в щелку, специально сделанную в портьере для наблюдения за улицей. Да вот она, — почти обрадовалась Мария Ильинична, — так и не зашили с тех пор?

— Ай, яй, яй — так и не зашили, — с шутливой укоризной повторил Ильич. — Теперь-то уж, кажется, следить не за кем?

— Я и забыл о ней за ненадобностью. А знаете, однажды здесь произошел комический случай ложной тревоги. Собрались как-то товарищи, и разгорелся у нас жаркий спор. Вдруг звонок, да такой требовательный — прямо жандармский. Ну я моментально всех вместе с

шапками, пальто и калошами спрятал в комнату Варвары Петровны, сам облачился в халат. Жду. Смотрю: входит щуплый интеллигентик в пенсне. Меньшевики такие бывают.

Ленин рассмеялся и запротестовал:

— Ну, ну, будьте же справедливы, Владимир Александрович, не все же меньшевики щуплые.

— Но у того была именно меньшевистская щуплость.

— Не путайте, Владимир Александрович, у меньшевиков идейки щупленькие. Сами-то они бывали и довольно мощные.

Теперь уж рассмеялись все. Обух продолжал:

— Больной держится за правый бок и охает, а я думаю: «Врешь, мерзавец, шпик, наверняка». Но он оказался вполне больным: как я нажал на печень, он и взвыл, да так натурально — никакому Качалову так не сыграть. Ну, а дальше уж неинтересно. Я сделал все, что надо, и отправил его восвояси.

Разговор перешел на воспоминания о годах эмиграции.

Ленин очень заинтересовался рассказом Лихачева о пребывании его в Америке.

— Как же там жили наши товарищи?.. Не по-европейски, а по-американски? Не так ли? — спросил Ильич.

— Да, там и безработица на американский лад. Безработные, так называемые тремпы, там очень тяжело живут. И я им был некоторое время.

— А что такое «тремп»? — спросила Мария Ильинична.

— «Тремп» — значит, «бродяга», — объяснил Владимир Ильич. — Американские безработные вынуждены часто в поисках работы бродяжничать.

— Там и дискриминация всяких иностранцев очень сильная. Эмигранты-крестьяне, выходцы из Украины и

Белоруссии, в очень тяжелом положении. Мы, большевики, много работали среди них.

— Вот вам и «американский рай», — как бы резюмировал Владимир Ильич и обратился к Обуху: — Ну-с, а как поживают ваши врачи-саботажники?

— Теперь в основном работают как следует. Деваться-то им некуда. Да и эпидемии саботировать не дают.

— Да, да, особенно тифозная. Для борьбы с эпидемиями надо шире привлекать рабочие массы, — посоветовал Ленин.

— О, Владимир Ильич, мы сейчас все больше и больше делаем это. Разве без них мы бы справились? Они помогают выявлять больных, обследуют и очищают захламленные дворы, наводят в фабричных казармах чистоту. Особенно женщины...

— Женщины-работницы — это огромная сила. Это очень правильно и хорошо, — с большим удовлетворением сказал Владимир Ильич и поднялся. — А ведь я вам, Владимир Александрович, кое-что привез. Вам и вашим сыновьям. — Ленин вынул из кармана три небольшие брошюры. — Вот, пожалуйста, некий В. Ильин написал поучительную книжицу.

Мария Ильинична лукаво улыбнулась и переглянулась с Обухом.

— Да, да, поучительную, особенно для молодежи, — быстро сказал Ильич и на титульном листе каждого экземпляра стал делать надписи.

Обух из-за спины Ленина вслух прочел: «В. Ильин (Н. Ленин) «Государство и революция».

— Да, пока еще Ильин, а теперь, если вам так больше нравится, можно и Ленин. — Владимир Ильич расписался на всех трех экземплярах и, передавая брошюры Обуху, продолжал: — Здесь я постарался показать, как Маркс понимает и видит переход «от царства необ-

ходимости в царство свободы». Это надо знать всем, особенно, повторяю, молодежи.

— Спасибо, большое спасибо, Владимир Ильич. Очень жалко, что не сами мои ребята принимают от вас этот подарок.

— Ну вот так, пускай хорошенько учатся коммунизму.

Обух быстро перелистал брошюру, пробежал глазами несколько строк послесловия.

— Владимир Ильич, я не умею говорить комплименты, но вот это, ей-ей, здорово! — И он прочитал вслух: «...приятнее и полезнее «опыт революции» проделывать, чем о нем писать».

— Очень хорошо, что вы не умеете говорить комплименты. Комплименты говорят или подхалимы и угодники, или телеграфисты своим барышням, — рассмеялся Ленин.

— Как ни трудно сейчас, но представляете, Владимир Ильич, сознание того, что мы делаем, захватывает дух у людей! — Обух глубоко вздохнул. — Вот вы говорите об участии рабочих в народном здравоохранении. Да они ухватились за возможность «делать революцию», и делать все «для революции» с таким энтузиазмом, я бы сказал, с такой страстью — просто нет удержу.

— Вот именно со страстью, — подхватил Ленин. — Отлично, когда со страстью делают хорошее, нужное, — тогда оно вырастет в общенародное. Ну, нам пора, товарищи, — стал прощаться Владимир Ильич. Обуху, провожавшему гостей до машины, он сказал:

— Мы с вами, Владимир Александрович, еще не раз побеседуем, о всех, нас обоих интересующих делах.

Подарок Ленина Обуху и его сыновьям многие годы хранился в семье как самая дорогая реликвия, но до наших дней уцелел только один экземпляр брошюры — у старшего сына Обуха, Андрея Владимировича.

Чудовищное преступление

1918 год — первый год новой жизни России — был непомерно тяжел.

Ничтожно малая передышка, необходимая стране, как воздух и свет узнику, вырвавшемуся из темницы, кончилась. Народ успел сделать только один глубокий вздох, и снова нечеловеческое напряжение...

...Третьего марта был заключен Брестский мир, а 9 марта англичане уже высадились в Мурманске.

5 апреля японцы и англичане высадились во Владивостоке.

8 мая белоказаки и немцы захватили Ростов-Дон.

25 мая начался чехословацкий мятеж.

Передышка кончилась, и на Республику Советов полезли, как шакалы, враги. К середине лета пламя гражданской войны подожгло Россию со всех четырех концов.

А внутри страны и передышки-то не было. Вслед за массовым саботажем началось вредительство большое и малое. Голод, разруха, эпидемии, война требовали от народа всех без остатка моральных и физических сил.

В Москве не хватало воды, канализация почти не работала, вышло из строя центральное отопление.

Современным советским людям, особенно молодежи, трудно представить, что не было не только радио, телевидения, метро, троллейбусов, такси, не работали даже трамваи. Улицы утопали зимой в сугробах, летом в грязи. Электричество часто выключали на долгие часы. На бани не хватало ни воды, ни дров, ни мыла. Около них толпились люди, надеясь попасть в эти недоступные чистилища.

В первые годы революции вошло в обычай устраивать «ударные недели» по самым разнообразным поводам. Там, где было наиболее трудно или очень нужно, где надо было, как говорят, навалиться гуртом, устраивали неделю. Так, объявляли «неделю санитарной очистки города», или «неделю топлива», или «неделю помощи фронту» и много-много других «недель».

Владимир Александрович задумал вымыть всю Москву, и Моссовет объявил «банную неделю». В борьбе с эпидемией тифа Обух правильно решил в течение недели пропустить через бани всех москвичей и таким способом как-то уменьшить распространение заразы. И вот в газете появилось объявление: «Московская чрезвычайная санитарная комиссия предлагает всему населению Москвы бесплатно помыться в бане. Каждый получит кусок мыла».

Спустя неделю в газете можно было прочесть информацию о том, что через московские бани прошло до 800 тысяч человек. Позже Мария Ильинична рассказывала Владимиру Александровичу о том, как хохотал Ильич, прочтя эту информацию. «Вот,—говорит,—оказывается, где точная статистика, которой я никак не добьюсь от наших статистиков. Теперь по количеству мочалок мы наконец узнали, сколько народу осталось в Москве. Даже перепись населения не нужна. У Владимира Александровича, оказывается, самая точная статистика».

— Вот в такое тягчайшее для республики время в июле 1918 года, когда Ленин подписал декрет об образовании Наркомздрава, Обух принял на свои плечи отдел здравоохранения Москвы.

В течение первых десяти самых сложных лет, когда создавалось и укреплялось советское здравоохранение, Владимир Александрович Обух в жесточайшей борьбе со злыми стихиями болезней и с не менее злыми врагами нового строя стал осуществлять при активной помо-

щи народа давнишнюю мечту о народном здравоохранении.

В январе 1919 года Совет Народных Комиссаров издал декрет «О рабочих комиссиях по борьбе за чистоту». Тогда Обух обратился к рабочим:

— Давайте бороться с эпидемиями. Одному Мосздраву без вас не справиться.

Он разослал по предприятиям санитарных врачей с призывом: «Организуйте у себя бригады в помощь Мосздраву. Помогайте выявлять больных на своем заводе. Очищайте дворы от мусора, боритесь с вредоносными насекомыми». Так родились сначала «сан», а потом «здравячейки». Они на предприятиях, в школах, в домоуправлениях делали огромное дело. Особо много потрудились женделегатки. Причем делали они все не только бесплатно и в нерабочее время, но и с небывалым подъемом — дружно и, как ни трудно было, весело, с песней, шутками, подтянув потуже голодные животы.

Врачей тогда было очень мало. А если учесть, что некоторые из них, аристократы вроде Боброва, еще продолжали так или иначе саботировать, то нетрудно представить, в каких условиях пришлось начинать создание советского здравоохранения. Мало было и лечебных учреждений. К тому же все они были раздроблены по ведомствам. Чуть ли не у каждого ведомства свое медицинское обслуживание.

Владимир Александрович, следуя линии партии и понимая, что без единого квалифицированного медицинского центра нельзя управлять лечебными учреждениями, а значит, нельзя организованно и бороться за здоровье всех трудящихся, предложил объединить всю медицину Москвы и губернии под единым руководством Моссовета. Сколько здесь поднялось споров, возражений, протестов! Борьба за единство медицины длилась не один год.

Все медики Москвы, и те, кому дорога была Советская власть, и те, кто искренне пошел за новым, и те, кому профессиональная этика не разрешала отсиживаться в стороне во время народного бедствия, и все старые товарищи Обуха по работе в больнице, за малым исключением,—все самоотверженно воевали с эпидемиями. Это был настоящий фронт!

Москздрав был главным штабом в этой войне. Начальник штаба Владимир Александрович Обух денно и ночью был на своем посту. В его кабинете непрерывно толпился народ. Обух и сам любил бывать на предприятнях. Не было случая, чтобы он отказался приехать на завод, фабрику или школу, когда его просили, а на митингах выступал несчетное число раз. Особенно радовался Владимир Александрович, когда к нему шли люди с фабрик и заводов. Он приходил в восторг, наблюдая, как поднимаются большие пласты простых людей, часто почти безграмотных, как они во всем стараются помочь. Сколько инициативы, изобретательной, умной выдумки обнаруживали они там, где казалось нет выхода! Санитарные ячейки и комиссии чистоты развили такую бурную деятельность, что за ними едва поспевали медицинские работники.

— Подумайте, Владимир Александрович, и это делают те самые люди, которые еще так недавно, до революции, боялись переступить порог моего кабинета!— с удивлением говорил Обуху солидный терапевт из старой Екатерининской больницы.

— Поразительно! — восхищался главврач другой больницы. — Тот самый рабочий, Кирилл Митрошин, которого, помните, я оперировал год назад по поводу злейшей язвы желудка, разыскал меня в больнице и говорит: «Доктор, у вас много труб в отоплении прохудилось. Я все уже проверил. Надо починить до отопительного сезона, а то всех больных заморозите». А я ему:

«Знаю, голубчик, но нет у меня пока ни рабочих, ни материала, ни денег на это». — «А ничего, — говорит, — не надо. Я сам все сделаю. Буду приходить после работы каждый день, пока все не заштопаю тут у вас». Стоит и улыбается. «Да, но как мы тебе оплатим?» — спрашиваю. «Эх, доктор, — устыдил он меня. — Да неужели ж вы до сей поры не поймете, что никаких денег мне не надо. Делать я буду не для вас, а для Советской власти, а она моя, значит, делать буду для себя». Вот и прописал мне мой бывший больной «рецепт поведения» людей при новой власти. Понимаете, что это значит?

Владимир Александрович, слушая восторги коллег, добродушно улыбался да горделиво укорял их:

— А что я вам говорил? А не я ли вас убеждал?

Редко приходят в мир люди — великаны мысли и творчества. Покушение на жизнь таких людей — чудовищное преступление перед человечеством.

Дантес, Мартынов, Каплан — их имена прокляты в веках.

Каждую пятницу в Москве проходили в ту пору массовые митинги. Весь партийный актив города по путевкам МК выезжал на предприятия с докладами на одну для всех тему. В пятницу 30 августа тема митингов называлась «Две власти» — диктатура рабочих и диктатура буржуазии. В путевке Ильича было записано два выступления — на хлебной бирже и на заводе Михельсона (ныне имени Владимира Ильича).

День этот начался очень тревожно. Рано утром из Петрограда пришло печальное сообщение: только что там был предательски убит эсерами председатель питерской губчека Урицкий.

Тщетно пытались товарищи убедить Владимира Ильича, что сегодня ему лучше не ехать на митинги, не

следует рисковать. Очень тревожно в стране. Враги готовят массовый террор. Надежда Константиновна и Мария Ильинична употребили всю силу своего убеждения. Но ничего не помогло. Надежда Константиновна поехала на работу. А когда Мария Ильинична, ненадолго выйдя из комнаты, вернулась, Владимира Ильича она не нашла, он уже исчез. Товарищам, уговаривавшим его не ехать, он с обычной для него в таких случаях резкостью ответил:

— Вы что, хотите посадить меня под стеклянный колпак? Поймите же — именно потому, что такое серьезное положение в стране, я в первую очередь и должен выступить. Задачи стоят сложные, и решать их надо вместе с массами, советуясь с ними.

Владимир Ильич поехал сначала на хлебную биржу, а потом на завод Михельсона.

— Как всегда, в эту пятницу отправился проводить митинг на одном из заводов и Обух.

Возмущенный террористическим актом эсеров в Петрограде, Владимир Александрович в этот раз говорил особо горячо. Он призывал к беспощадной борьбе со всеми, кто мешает создавать новую жизнь, призывал к бдительности, разоблачению маскирующихся ненавистных меньшевиков и эсеров.

На митинг собрались прямо в цехе. Народ стоял плотно, молча. Была та тишина, которая, чувствовалось, в любую секунду может взорваться бурей всесокрушающей силы.

Вдруг Владимир Александрович увидел, как от входной двери цеха пробирается какой-то человек. Его толкают, молча отпихивают, а он, точно обезумевший, пробирается напролом сквозь людскую стену. Человек достиг наконец трибуны и прервал митинг словами, от которых у Владимира Александровича, казалось, мгновенно застыла кровь, остановилось сердце.

— Сейчас на заводе Михельсона двумя выстрелами из пистолета ранен Ленин!

— Жив?! — крикнул Обух.

— Жив!

Людской массив сначала охнул, потом загудел и за-колыхался волнами.

...Когда Гиль привез Ленина домой, в квартире была только Мария Ильинична. Она прежде всего немедленно позвонила Бонч-Бруевичам, которые жили здесь рядом, в Кремле. Мария Ильинична полагала, что из врачей быстрее всего сюда может прийти Вера Михайловна Величкина — жена Бонч-Бруевича. Но дома оказалась только их дочка — двенадцатилетняя Леля. Узнав о случившемся, девочка так и застыла с полуоткрытым ртом, крепко сжав телефонную трубку в руке. В этот момент вошла Вера Михайловна.

— Мама... — таинственно прошептала Леля.

— Что с тобой?

— Мама...

— Да что случилось, девочка?

— Владимир Ильич... ранен, — наконец выговорила Леля и выронила телефонную трубку. Вера Михайловна схватила свой медицинский чемоданчик и, крикнув дочери: «Не отходи от телефона», убежала. Она первая и оказала медицинскую помощь Ленину.

Когда Обух вошел, у кровати Ленина он увидел Вейсброда и Минца. Поодаль стоял Бонч-Бруевич.

— Ждем вас, Владимир Александрович, — сказал Вейсброд и отвел Обуха к окну. — Положение крайне тяжелое: одной пулей прострелено легкое навывлет. Вторая засела в шее.

— В шее?! — Глаза Обуха взметнулись страхом. Он быстро подошел к постели, наклонился над Лениным. Владимир Ильич был так бледен, что лицо его казалось серым. Сначала Обух, как всегда, долго слушал пульс.

«Да... пульс нитевидный, то пропадает, то появляется. Это нехорошо». Приложил ухо к груди и тоже долго слушал. «Вся левая сторона дает тупой звук, значит, сильное кровоизлияние в плевру, а это далеко сместило сердце вправо». Внимательно осмотрел места ранения: «Перелом левой плечевой кости, сломана рука. Так... Какое же у него нечеловеческое терпенье, даже не застонал, даже улыбнулся... а ведь, я знаю, должна быть адова боль».

Все вышли в соседнюю комнату, где ждали Надежда Константиновна, Мария Ильинична, Дзержинский и Свердлов.

— Он будет жить, товарищи. Сонная артерия не задета. Организм у него могучий, значит, выживет, — сказал Обух.

— Сейчас, конечно, не может быть и речи об изъятии пули. Не правда ли? — утвердительно спросил коллег Минц.

— Да, да. И осторожность должна быть предельнейшая! — закончил Обух. — Ему сейчас нельзя ни шевелиться, ни говорить.

Вера Михайловна Величкина, первая из врачей подоспевшая к Ленину, предотвратила шок, значит, непосредственная угроза жизни снята была вовремя. Вторая опасность — инфекция, которая могла быть занесена пулей. Этого предотвратить нельзя (ведь пенициллина и других антибиотиков тогда не было). Только на третьи сутки станет известно, занесена ли инфекция. Остается ждать.

Все снова вошли в комнату. Надежда Константиновна и Мария Ильинична встали у изголовья. Ильич улыбнулся им и, переводя взгляд на окруживших его постель людей, тихо сказал:

— Ничего, ничего, товарищи, все хорошо. Со всяким революционером это может случиться,

— Молчите, молчите, не надо говорить, — почти приказал профессор Минц.

Владимир Ильич извинительно улыбнулся и глазами сказал, что он больше не будет.

В тот же день Владимир Александрович организовал в квартире Ленина все необходимое, чтобы обеспечить абсолютно точный и правильный уход за больным. Прежде всего он вызвал сюда верных людей — врачей и сестер. Пригласил хирурга В. Н. Розанова и терапевта М. А. Мамонова.

— Это просто волшебник в подходе к больным, — сказал он Марии Ильиничне.

Первые три дня врачи, которые входили в консилиум, не покидали квартиру Ленина. Через двое суток пулс у Ильича восстановился, опасность инфекции миновала, и вот только теперь они позволили себе разойтись, условившись, кто и когда будет дежурить здесь.

А страна, весь мир с 31 августа начинали день с вопроса: как Ленин? Он будет, он должен жить! — говорил народ.

Ленин, на удивление врачей, сравнительно быстро начал поправляться. Действительно, кроме ленинской воли к жизни и стойкости его организма воля народа помогла ему одолеть почти смертельное ранение. И это не мистика: тысячи писем, телеграмм, телефонных звонков, миллионы рабочих рук в городах и деревнях, миллионы солдатских выстрелов на фронтах гражданской войны — весь народ работал в эти дни на выздоровление Ильича. Он знал это и не мог обмануть его надежды.

Обух, сидя у постели заснувшего Ленина и всматриваясь в его начинавшее уже розоветь лицо, словно видел, как микрочастицы — клетки, из которых соткан человек, — работают на жизнь целого. Не видимая чело-

веческому глазу деятельность организма шла так, что вскоре Ильич стал подниматься, а через месяц уже был перевезен для окончательной поправки в Горки, которые к этому времени подготовили для Ильича Свердлов и Дзержинский.

Обух и Вейсброд внимательно следили за ходом выздоровления Ленина. Владимир Александрович привез Ильичу полосатую пижаму, сшитую по его заказу, и смену специального удобного белья. Ильич пожурил Владимира Александровича за эдакие роскошества.

— Что за роскошества, Владимир Ильич, — это сейчас для вас вещи первой необходимости. И вообще, знаете, чего люди не сделали бы для вас!

— Ну довольно, довольно, — запротестовал Ленин.

Оцепенение, охватившее страну, снято. Ленин и тут победил! Ильич поправляется! Люди, не уменьшая напряжения, стали работать теперь с радостным чувством большой победы. Нож, который всадили враги в сердце народа, вынут. «Ильич поправляется!»

Непостижимо, сколько врагов было у революции в первые годы. Надо было иметь океанскую силу освобожденного народа, чтобы выстоять.

На озере Сенеж

Наступил второй год молодой Республики Советов — 1919-й. Он был не менее тяжелый, чем предыдущий.

Владимир Александрович, погруженный в неотложные каждодневные заботы, уже тогда стал постепенно

вводить те формы организации здравоохранения, которые потом так энергично, талантливо развернул, руководя Московским и областным отделами здравоохранения.

Единая медицина, профилактика, диспансеризация, женские консультации, разнообразные детские лечебные учреждения — сейчас элементарные явления нашей жизни, а тогда все это приходилось доказывать и завоевывать с превеликим трудом. Много у Обуха было противников нового, но больше последователей и друзей.

Основная масса московских медицинских светил была уже «покорена большевиками», как говорил Владимир Александрович. Однако ему пришлось еще долго «обращать в советскую веру» «неподдающихся», со многими тактично и незаметно поработать. Одних он привлек к организационной работе, других — к практической врачебной деятельности, а некоторых — и к науке, к разработке теоретических вопросов.

Сам отличный врач и теоретик, Обух, как никто, умел убеждать, расшевелить профессиональные чувства своих коллег, и они очень ценили и уважали его. Как-то один из специалистов сказал ему:

— Знаете ли вы, что некоторые наши коллеги не признают Советскую власть, Мосздрав, а признают только вас, Владимир Александрович.

— Да ну? — Обух рассмеялся. — Ну что ж, и на том спасибо. Исполать им, исполать.

— Вы не шутите, я ведь говорю серьезно.

— А если серьезно, — перебил его Обух, — так очень хорошо. Я пока удовлетворен и малым. Значит, начало положено. А всякое начало имеет свой конец. — Владимир Александрович удовлетворенно улыбнулся, вспомнив недавний свой разговор по телефону с Лениным. После ранения Ильича он раза два-три в неделю звонил ему, чтобы узнать, как он себя чувствует.

— Докладываю, дорогой доктор, чувствую себя архихорошо, — обычно сообщал Ленин, а потом спрашивал о делах Обуха. Вот и недавно, как всегда, позвонил Владимир Александрович, и зашел у них разговор о специалистах. О их сопротивлении распоряжениям Советской власти.

— Ничего, ничего, — успокоил Ленин Обуха. — Все они постепенно примкнут к нам. Они придут к Советской власти через свое дело, свою специальность. Инженер — через завод, учитель — через школу, врач — через больницу.

Счастливый характер был у Владимира Александровича! У кого-то в то трудное время опускались руки, кто-то впадал в панику, кто-то злобился, а Обуха никогда не покидал оптимизм. Но это не бездумное легкомыслие. Наоборот! Его оптимизм был основан на твердой вере в большевистское дело, а вера стояла на гранитном фундаменте глубоких знаний марксистской теории. Высокообразованный человек всегда видит далеко вперед. Чем глубже знания, тем дальше виден горизонт.

Где появлялся Владимир Александрович, там часто вспыхивал смех, загорались сердца делом, новыми мыслями и идеями. Поэтому и тянулись к нему интересные люди, энтузиасты. Особенно молодежь.

В этом нет ничего удивительного. На растущую молодежь Обух смотрел глазами влюбленного, всячески поощрял разумную инициативу. На ошибки молодых врачей Владимир Александрович реагировал как любящий опытный учитель. Он, бывало, исправит допущенную ошибку, даст совет, пожурит, а потом вместе весело посмеется. Никогда они не слышали от него окрика или грубого слова.

А уж как любил Владимир Александрович москздравовский актив с фабрик и заводов! С этими людьми у

него были особые отношения. Для них ни в чем не было отказа. Обух терпеть не мог заседаний, бумажек, ничего показного. Портфель и тот не носил. Он мог пропустить заседание Наркомздрава, Моссовета, но не было случая, чтобы он не пришел на собрание мосздравовского актива, когда собирались энтузиасты со всех предприятий Москвы.

И наконец: Владимир Александрович удивительно умело «перемешал» науку с практикой, ученых, крупных специалистов с рабочей общественностью, сблизил их на деле, которое одинаково дорого было обоим сторонам, — на борьбе за здоровье людей.

И сколько ни злобствовали меньшевики, эсеры и прочие бобровы, сколько ни издевались исподтишка над «выдумками Обуха», а авторитет его среди большинства коллег и рабочих все возрастал...

Медики-большевики, товарищи Обуха еще по подполью и октябрьским боям — Вейсброд, Волконская, Боголепова, Русаков, Величина и другие были мощной когортой в создании советской системы народного здравоохранения.

Но и тогда хватало равнодушных, лентяев, разболтанных, недисциплинированных людей.

Против таких Владимир Ильич выступал с суровой категоричностью и от всех требовал строжайшей дисциплины «вплоть до расстрела». А вражья сила, обыватели и разных мастей злопыхатели распускали слухи о кровожадности Ленина.

— Не слишком ли круто, Володя, «вплоть до расстрела»? — спросила как-то за обедом Надежда Константиновна.

— Что ты говоришь, Надя! — Ленин с шумом отодвинул стул, встал из-за стола и заходил вдоль комнаты. — Подумай, сейчас, когда на нас обрушились дво-

ряне, помещики, офицеры, купцы, фабриканты, заводчики, кулаки, интеллигенты-аристократы.

— Ты забыл еще попов, — улынулась Надежда Константиновна. — А суп твой между тем остыл.

— Да, и попы, — рассмеялся Ленин, усаживаясь за стол. — Так вот вся эта свора объединилась под знаменем крестового похода против Советской власти. А если еще прибавить голод, разруху, эпидемии и темноту «рассейскую», так понятно станет, что спасет нас сейчас только самодисциплина и дисциплина вплоть до драконовых мер. Я требовал и буду требовать беспощадно решительных мер для повышения самодисциплины сверху донизу — от рабочего у станка до народных комиссаров, до всех нас! Сейчас нельзя помочь делу даже самыми превосходными порывами, если не будет жестокой дисциплины. У нас много еще чинодралов, шкурников, подхалимов, губошлепов. Они портят дело не меньше врагов, если не больше...

— Ты забыл, Володя, к своим бранным словам прибавить еще горлопанов, бюрократов, спееедов и хвастунов. — Теперь уже Мария Ильинична тем же приемом разрядила возбужденное состояние брата.

Телефонный звонок прервал дружный смех за обеденным столом. Звонил Обух и в который уж раз пытался «выманить» Владимира Ильича отдохнуть, поехать за город на охоту.

— Поедьте в это воскресенье. Я вам такое озеро покажу! Там такие утки!..

— Спасибо, но и в это воскресенье не могу, голубчик. Не соблазняйте, змий-искуситель. Не могу, никак не могу, — отказывался Ленин. Однако ему очень хотелось поехать. Да и пора было действительно отдохнуть. Очень мучила бессонница и головные боли. Сказывалось сильное переутомление.

— Давайте недельки через полторы, тогда я выкрою денек, — предложил Ильич.

— Ну смотрите, слово, а то я буду жаловаться в Цема! — пригрозил Обух.

Настойчивость Владимира Александровича и большая усталость победили, и Владимир Ильич наконец «выкроил» денек.

И вот ранним августовским утром девятнадцатого года около станции Подсолнечное под Москвой, недалеко от озера Сенеж, узкой проселочной дорогой, бегущей по заливному лугу, шли два человека. У каждого было по отличной двустволке.

Владимир Александрович Обух вышагивал солидно, размашисто, словно аршином измеряя дорогу. Во втором охотнике, коренастом, среднего роста человеке, быстро и энергично шагавшем впереди, трудно было узнать Владимира Ильича. Он глубоко на лоб надвинул кепку, расстегнул синюю сатиновую косоворотку с белыми пуговицами. На плечи его был накинута довольно потертый черный пиджак, а брюки заправлены в высокие сапоги.

На этой невинной маскировке настоял Обух. Он хотел, чтобы Владимир Ильич ни в коем случае не был узнан и смог полноценно использовать день для отдыха. Глядя с машиной они оставили около станции.

Высоко над головой с присвистом звенели жаворонки. Вибрирующими, едва заметными точками висели они в безоблачном небе, словно маленькие камушки, заброшенные туда озорной рукой мальчишки.

Несмотря на середину августа, погода стояла под стать лучшим июльским дням. Ленин с наслаждением вдыхал целительный воздух. Все это богатство — воздух, солнце, превосходный русский пейзаж — Владимир Ильич впитывал, казалось, каждой клеткой своего существа. Наслаждение природой наполняло его радост-

ным чувством бытия. Обух же, отлично понимая это, так необходимое здоровью Ленина, его состояние, был просто счастлив, что ему вновь удалось «выманить» Ильича на «природную лону», как шутя он называл их загородные прогулки.

— Ну-с, Владимир Александрович, где ж ваше хваленое озеро? — спросил, быстро обернувшись, Ленин.

— А вот сейчас, минуем перелесок — оно и откроется во всей своей красе.

Вскоре действительно перед охотниками предстало зеркало большого озера в роскошной оправе зеленого леса. Ленин остановился. «Какое поразительное зрелище!» Обух осмотрелся, отыскал глазами крыши изб, деревню, куда им следовало идти за лодкой. Владимир Ильич увидел идущего навстречу крестьянина и быстро направился к нему.

Обух озорно улыбнулся и подумал: «Узнает этот мужик Ленина или нет».

Когда крестьянин поравнялся с ними, Владимир Ильич остановил его фразой:

— Послушайте, товарищ, где тут волисполком? Нам бы лодочку достать.

Крестьянин равнодушным взглядом окинул охотников — такие городские гости здесь не диво — и, обернувшись к деревне, указал:

— Вон, видишь, мил человек, церковь, а за ней большой поповский дом. Так вот в нем и есть теперь наш волисполком.

Ленин рассмеялся.

— И давно вы так расправились со своим попом?

— Почитай, с самого изначала Советской власти.

— Угу, ну что ж, вы, наверное, правильно поступили.

— А то как же, мил человек, аль не знаешь, что Ленин велел все в деревне бедноте отдать. Вот мы и взяли.

— Отлично. А ваша деревня бедняцкая?

— Знамо, бедняцкая, придется — погляди, какие избы-то у нас.

— А как сейчас, при Советской власти, не лучше стало? — осторожно спросил Ленин.

— Где же лучше? Ишь чего захотел, уж сразу и лучше. Нет, голодуем еще. Ведь Советской-то власти, гляди, только полтора годочка сравнялось, да еще войница эта проклятая все не кончается... а ты лучше... — с укоризной посмотрев на Ленина, закончил крестьянин.

— Да, да, ты прав, ну будь здоров, — приложив руку к козырьку кепки, сказал Ленин и стремительно зашагал к деревне. Обух едва поспевал за ним. Отойдя немного, Владимир Александрович почему-то оглянулся и увидел, что крестьянин стоит на том же месте и, заклонив ладонью глаза от солнца, улыбаясь, смотрит на быстро удаляющегося Ильича и покачивает головой.

«Наверное, узнал», — с теплым чувством подумал о крестьянине Обух.

Большой дом священника под железной крышей действительно резко выделялся рядом с низкими, подслеповатыми крестьянскими избами, крытыми дранкой, а больше соломой. Над широким резным крыльцом дома Ленин увидел маленькую, не очень грамотно написанную вывеску, извещающую о том, что здесь помещается волисполком.

В просторной комнате было пусто. Стояли только два канцелярских стола. На стене Ленин увидел прибитый семидюймовыми гвоздями плакат: «Ты записался добровольцем?» — спрашивал рабочий с плаката. И куда невозможно было скрыться от пронизывающего взгляда этого рабочего в буденовке, с винтовкой. Прямо, на стене против двери, между двумя окнами висел известный по тому времени и единственный портрет Ленина. За столом сидел лет тридцати человек в выцвет-

шей гимнастерке, удивительно чем-то напоминавший рабочего с плаката. Будто он только что сошел оттуда, небрежно бросив буденовку на стол, и занялся мирными делами. Человек, водя пальцем по листку, исписанному столбцами цифр, звонко шелкал на счетах. На вошедших он не обратил никакого внимания.

Владимир Ильич остановился прямо перед своим портретом и, выждав, пока человек кончил считать, обратился к нему:

— Здравствуйте, товарищ, скажите, как бы нам лодчку получить? Мы вот поохотиться приехали.

Председатель волисполкома равнодушно скользнул отсутствующим взглядом по лицам прибывших и крикнул куда-то в сени:

— Митяй, поди дай гражданам лодку! А за уключины и весла оставьте мне какой ни то документ, — уже строго сказал председатель. — А то намерен приезжали тут одни, так и не только уключины, а и лодку угнали. Добро-то ведь это не мое, — уже примиряюще закончил председатель, — а теперь, чай, государственное, то есть все наше, общественное.

— Совершенно правильно говорите, товарищ, — быстро и радостно ответил Ленин, сунул руку во внутренний карман пиджака, но тут вперед выступил Обух и протянул председателю свой документ депутата Моссовета.

Вооружившись веслами, охотники сели в большую четырехвесельную лодку, и Митяй крепким толчком отпихнул ее так далеко от берега, что две пары весел сразу глубоко ушли в воду. Сильными взмахами гребцы дружно и слаженно направили лодку к центру озера.

Они долго плыли молча. Оба целиком отделились от дышу. Дышалось легко и глубоко, сердца стучали сильными, ровными ударами.

Из прибрежных камышей вспорхнули три кряквы. Владимир Александрович легко вскинул ружье и, почти не целясь, дал подряд два выстрела. Сначала, кружась и извиваясь, упала на воду утка, следом за ней тяжело бухнул рядом селезень, блеснув на солнце ярко-зеленым опереньем. Третья утка скрылась за лесом.

Ленин пришел в восторг.

— Отличный дуплет! Да вы, батенька, первоклассный стрелок.

— Надо мной товарищи смеются, говорят: «Утки еще нет, а Обух ее уже убил», — словно извиняясь за то, что не Ленин, а он первый подстрелил птиц, сказал Обух. — У меня, Владимир Ильич, необычайно острое зрение. Я вижу так далеко и так четко, будто вот совсем рядом. Не глаза, а полевой бинокль. Я сам врач, а не понимаю, в чем тут дело. Это, видно, какая-то замечательная аномалия.

— Превосходно, замечательная аномалия, — повторил Ленин. — Проверим вашу аномалию. Слышите, звенит жаворонок? Отыщите его.

— Пожалуйста. — Обух положил весла, осторожно поднялся. Потом прислушался и, повернувшись вправо, высоко поднял голову.

— Представьте, нашел. Вон — черная точка над полем, видите? А вот и еще вторая, третья.

— Нет, ничего не вижу, не могу похвастать, — сказал Владимир Ильич, долго всматриваясь в направление, куда указал Обух. — Ну, а теперь поедem за вашей добычей. — И он повернул лодку к трепыхавшимся на воде подстреленным кряквам.

Обух ловко подцепил веслом утку, подогнал ее к борту лодки, схватил за нижнюю часть клюва и бросил на дно.

Солнце стояло уже почти в зените. Обух подумал, не становится ли слишком жарко Ильичу, не перебрал ли

он дозволенную ему дозу ультрафиолета, и предложил завернуть влево, причалить и побродить по лесу.

— Пожалуй, причалим, только, чур, уговор: прежде чем забираться в лес, выкупаемся.

— Здесь опасно, Владимир Ильич, мы не знаем места.

— А какое это имеет значение? Не водятся же здесь крокодилы?

— Нет, но могут быть омути.

— Омути хорошему пловцу не страшны. Да и вряд ли они здесь есть. Словом, вы как хотите, а я выкупаюсь непременно, — заявил Ленин.

— Ну что ж, давайте, только тоже, чур, уговор: далеко не заплывать.

— А это уж, батенька, кто как может, — хитро улыбнувшись, сказал Ленин и круто повернул лодку к берегу.

Обух тревожился не напрасно. Он знал, что Ильич — волжанин, плавал отлично, сам же он, грузный, страдающий сердечной астмой, плавал неважно.

Как только причалили и укрепили лодку, Владимир Ильич быстро разделся, прямо с лодки бросился в воду и поплыл, крикнув Обуху:

— Владимир Александрович, догоняйте!

Обух только гмыкнул, разделся и осторожно полез в воду. Берег обрывался круто, так что Владимир Александрович сразу погрузился в воду почти до плеч. Дно оказалось вязкое, илистое, стоять было неприятно. Он поплавал недалеко от берега, сильно разбрызгивая ногами воду, торопливо и часто перебирая руками. А Ленин между тем плыл уже далеко. Обуха это обеспокоило, и он стал следить за ним. Вдруг совсем потерял его из виду, испугался и, оттолкнув лодку, прыгнул в нее, едва не опрокинув, и отправился на поиски Ленина.

Когда Обух выехал из камышей, он увидел голову Ильича.

— Владимир Ильич, довольно, поворачивайте обратно! — крикнул он.

Ленин только помахал ему рукой и продолжал быстро удаляться.

— Товарищ Ленин, я, как врач, требую, чтобы вы немедленно возвращались, — строго и раздельно выговаривая слова, приказал Обух, сложив у рта руки рупором.

Только теперь Владимир Ильич повернул к берегу. Его очень рассмешила представшая перед ним картина: громоздкая раздетая фигура Обуха на лодке посреди озера.

— Вы, Владимир Александрович, не из общества ли спасения на водах?

Обух тоже рассмеялся и с укоризной сказал:

— Я же отвечаю за вас больше, чем головой. — И добавил: — Представляете, что мне скажут в ЦК, если я не привезу в Москву Председателя Совнаркома целым и невредимым?

— Да, ну-с, строгий доктор, вот мы с вами и поквитались. Вы отличный стрелок, а я неплохой пловец.

Они оделись, привязали лодку, вошли в лес и присели под ветвистой березой, рядом с высокой мацовой сосной. Береза по сравнению с ней казалась деревом-подростком. Ленин молча, прищурившись, смотрел на блестящую от солнца гладь озера.

— Владимир Александрович, а вы обратили внимание, с какой интонацией сказал этот мужик про Советскую власть? «Ей, чай, еще и полтора годочка не сравнялось», — процитировал он крестьянина.

— Да, как о своем ребенке сказал, — ответил Обух.

— Вот именно — о своем ребенке, — подчеркнуто повторил Владимир Ильич.

Откуда-то сверху вдруг упала сосновая шишка и, ударив Владимира Александровича по плечу, отскочила в сторону.

— Странно, — удивился он. — С березы и вдруг сосновая шишка. — Подняв голову, он увидел белку и рассмеялся. — Смотрите, Владимир Ильич, белка в нас швыряется шишками, видно, где-то близко на сосне у нее столовая.

— А ведь верно, вон она, озорница, поскакала.

Обух поднял шишку и кинул в белку.

— Не надо, давайте посмотрим, что она дальше станет делать.

А белка будто дразнила людей. Вильнув пушистым хвостом, она стремительно перебралась на соседнюю осинку, спряталась за ее трепещущей листвой и опять уронила, точно бросила, шишку. А может, эта шишка упала с сосны? Это очень рассмешило обоих. Теперь они не видели зверька. Тогда Ильич бросил шишку в направлении белки, чтобы обнаружить ее. Белка опять что-то уронила. На этот раз оказалась сыроежка с нежной розовой шляпкой. Ильич поднял ее и стал медленно счищать со шляпки розовую пленку, точно раздевая гриб. Белка исчезла.

— Скажите, Владимир Александрович, что, не уменьшилась эпидемия сыпняка в Москве? — спросил вдруг Ленин.

— Наоборот, Владимир Ильич, утешать не стану. В этом году новая огромная вспышка. Приведу только две цифры. С июня восемнадцатого года по городу было 5033 заболевания, а с июня нынешнего дошло до 59 779.

— Разительный скачок! Точно вы помните эти цифры?

— Абсолютно. Я недавно делал доклад на пленуме МК.

— Очевидно, много с фронтов привозят?

— Нет, больше мешочники награждают Москву вшами. Мы расставили кордоны на вокзалах. Всех мешочников с поезда прямо в баню, а потом уж домой.

— Очень правильно.

— Да, но сколько шума, визга. Не хотят идти, да и только. Боятся расстаться со своими мешками. Но ничего, красноармейцы, комсомольские бригады справляются.

Ильич помолчал, потом, задорно хлопнув себя по колену, резко поднялся, прошелся и, круто повернувшись к Обуху, сказал так, словно Владимир Александрович в чем-то ему возражал:

— А все-таки хоть и тиф, и фронты проклятушие, как сказал этот мужик, и мешочники, а много сделали мы за полгора-то годика Советской власти, а?

— Да, не мало, но если бы еще не саботажники да не эсеры с меньшевиками, успели бы гораздо больше. Жаль на них тратить время и энергию.

— А что ж вы хотите, дорогой Владимир Александрович? Нам приходится строить новое здание с тем людским материалом, который достался в наследство от царской России.

Обух ворчливо ответил:

— Плохое наследство.

— Ничего не напишешь. Другого-то нам история не уготовила. Я понимаю, это будет дьявольски трудно. На одних коммунистах мы далеко не уедем. С людьми надо работать в двух направлениях: с одними — не-исправимо-заядлыми бороться, и беспощадно. На других — действовать убеждением. За нас правильность наших идей и наша победа. Надо вырвать из-под враждебного влияния колеблющихся, максимально приветить лояльно настроенных, всех нужных России людей.

Ильич помолчал и мягко, почти мечтательно продолжал:

— Когда еще мы вырастим своих специалистов, свою интеллигенцию... Но мы вырастим ее. И какая это будет интеллигенция! — Потом тряхнул головой, как бы сбрасывая с себя мечтательность, и опять резко закончил:

— А пока надо переубеждать терпеливо, настойчиво переубеждать, даже порой черносотенца, если он уж очень нужный нам человек.

Обух подумал: «Как это правильно. Мне, например, непременно надо переубедить одного черносотенца, очень нужного академика, талантливого хирурга».

— А не пора ли нам, Владимир Александрович, перекусить? Как вы находите? — спросил Ильич и вытащил из ягдташа небольшой узелок, аккуратно завернутый в столовую салфетку.

— Это я всегда готов, — ответил Обух и тоже положил на траву сверток в салфетке.

— Посмотрим, что тут упаковала Маняша. — Ленин развернул сверток. В нем оказались два бутерброда из черного хлеба с селедочной икрой, небольшой кусок вареного мяса, два крохотных, на один укус, пирожка с капустой и четыре куска пиленого сахара. — Смотрите, какое богатство! Пожалуйста, угощайтесь.

— Прошу вас, — так же галантно пригласил Ленина Обух, разложив свое, как он сказал, «усиленное питание», в котором было немного черного хлеба, две вяленые воблы, кусок конской колбасы и тоже четыре куска сахара.

— Ого, вобла! Ее очень хорошо под пиво. Я в Лондоне любил выпить кружку пива, вот только такой таранки там не хватало.

— Пива предложить не могу, а вот горячего кирпич-

ного чая, пожалуйста, — сказал Обух, отвинчивая термос и разливая по кружкам чай.

— Это же превосходно — выпить горячего чая! — В жару надо пить именно горячее.

Аппетит у наших охотников был отличный, и они быстро уничтожили свою скромную еду. Ильич заставил Обуха непременно съесть бутерброд и пирожок, а сам с удовольствием расправился с воблой. Владимир Александрович, задумчиво допивая чай, по какой-то ассоциации вновь вернулся мыслью к саботажникам.

— Одного саботажника в октябрьские дни служащие больницы вывезли на тачке. Он был главврачом. Так вот просто посадили на тачку, вывезли за ворота, опрокинули тачку, легонько вытряхнули его и ушли.

— А вытряхнули все-таки легонько? — рассмеялся Ленин.

— Да, он отличный хирург, и все это знают. Но проучить злобствующую «черную сотню» надо было.

— Обратите внимание, как правильно поступают люди! — восхитился Ленин. — Видите, они отлично понимают, что кое-кто из этой «черной сотни» им в хозяйстве еще может пригодиться.

— Когда его вытряхнули, я смотрел из окна, он медленно поднялся, постоял, озираясь, и... что бы вы думали? Заплакал!

— Неужели? Неужели так-таки и заплакал?.. — Ленин вновь рассмеялся, потом серьезно добавил: — Вот они, хваленые герои!

— Да он именно от бессильной злобы и заплакал, однако больницу не оставил.

— Вот это очень важно, это главное. В нем победил человек, любящий свое дело. А это великая вещь!

— Мне он, — продолжал Обух, — потом заявил: «Вас, большевиков, — говорит, — всех надо на фонарных столбах перевешать».

— Пожалуй, маловато будет фонарных столбов-то, чтобы всех нас перевешать. А, как полагаете? — довольный, прищурился Ильич.

— Я примерно так ему и сказал. А он в ответ: «Ничего, — говорит, — в России не хватит, позаимствуем фонарей в Европе».

— Ага, понятно, очень понятно. Контрреволюция тогда уже, в начале восемнадцатого года, сговаривалась с Антантой задушить Советскую власть — это и есть «позаимствовать» у нее фонариков для нас.

— Да, он не скрывал свои настроения.

— Как сейчас этот злобствующий себя чувствует?

— Чувствует плохо, а работать стал хорошо. Человек он умный, скоро понял. Да и привязанность к больнице победила.

А между тем солнце перевалило уже на вторую половину неба, жара стала понемногу спадать. Обух предположил сесть в лодку и вновь поугасть уток — может, вылетит еще семейство. И семейство вылетело. Вслед за маткой вспорхнули три молоденькие кряквы. Ленин прицелился, ударил — мимо. Вторым выстрелом подбил молодую. Когда утки были совсем над головами охотников, два выстрела дал Обух и одновременно Ленин. Так они сбили еще матку и молодую. Обух ли подстрелил обеих, или одна досталась на долю Владимира Ильича, установить не удалось, но настроение у охотников стало отличное.

Бледное лицо Ленина порозовело. Обух заметил это и подумал: «Всего несколько часов мы за городом, а какое действие это оказало на Ильича. Как бы устроить так, чтобы он постоянно мог дышать таким воздухом?» А Ленин, будто прочтя мысли Обуха, глубоко втянул в себя воздух и сказал:

— Слышите, как пахнет свежестью здесь, на озере. Вот бы этой свежести захватить немного в Москву.

— Вам, Владимир Ильич, надо бы переселиться и на зиму в Горки, а Гиль будет каждое утро привозить вас в Кремль.

— А про бензин вы забыли, батенька? Где же взять столько бензина, чтобы катать меня каждый день в Горки и обратно?

— При всей нашей бедности на вас бензина хватит. Сохранение вашего здоровья — это, если хотите знать, здоровье советской России.

— Ну будет, будет вам... — Ленин поморщился и опять сделал глубокий вдох. — Я очень рад, что вы меня вытащили сюда сегодня, надышался на целую неделю, налюбовался на целую неделю. — Ленин посмотрел на гладь озера, на отражение деревьев в воде, на камыши и тихо словами Лермонтова сказал:

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой.

Так они медленно плыли, едва перебирая веслами, наслаждаясь природой, общением друг с другом, схожими мыслями, совпадающими эмоциями. Им было очень хорошо вдвоем. Но Обуху не давали покоя мысли о предстоящем завтра заседании в Мосздраве со страховиками. Опять придется давать бой, уж в который раз. Обух насутился и заерзал на лавке.

— Что с вами, Владимир Александрович, вы чем-то огорчены?

— Да все страховики, надоели хуже горькой редьки.

— Что еще за страховики? Они же кончились с приходом революции.

— В том-то и беда, что еще продолжают. До революции, как вы помните, больничные кассы играли положительную роль, объединяя рабочих. Теперь же — прямо гири на ногах. Засели в страховых организациях меньшевики и занимаются гнусной демагогией.

— На это они мастера. В чем же у вас со страховиками разногласия? — заинтересовался Ленин.

— Не хочется портить вам отдых, Владимир Ильич, потом как-нибудь расскажу.

— Нет, уж извольте говорить, раз начали. Мне это очень интересно.

— Деремся мы с ними в основном по двум линиям. Я считаю, что главное в нашей советской медицине не только лечение, но и профилактика.

— Это же так понятно, просто и верно, что и спорить тут не о чем. Не вижу предмета спора, — удивился Ленин.

— Однако убедить страховиков невозможно. Они твердят одно: «Главное — больницы, поликлиники, санатории», а остальное их не касается. О профилактике и слышать не хотят. Это, говорят, журавль в небе, пустые фантазии Обуха, а нам подавай хоть синицу, но в руки.

— Так, так... — задумчиво произнес Ленин. — Да это же возмутительная близорукость! Дальше своего носа ничего не видят. — Ленин помолчал. — А профилактика нам нужна не только для ликвидации физических болезней, но и для ликвидации болезней социальных, чтобы растить человека здорового и телом и духом. Здоровое общество должно быть всячески здоровым. Ну-с, а каков второй пункт ваших разногласий?

— Второй — так называемая «рабочая медицина» (отдельная организация для лечения только рабочих). «Наше дело лечить рабочий класс», — кричат страховики, а меня обвиняют в предательстве рабочего класса.

Ленин пришел в сильное возбуждение. Он бросил весла так, что они чуть не выскочили из уключин и плашмя шлепнулись на воду, окатив обоих серебристыми брызгами.

— Это черт знает что такое! Это же действительно гнусная демагогия, спекуляция на классовых чувствах

рабочих! Нам хорошо известны эти меньшевистские штучки, знаем, как они зарабатывали себе на подобном хвостизме политический капитал. — Ленин поднялся, но лодка покачнулась, и он снова сел. — Не сдавайтесь, Владимир Александрович, не сдавайтесь! Они хотят оторвать рабочих от остальных слоев населения. Эдак не долго превратиться в касту завоевателей. Получается своеобразный рабочий аристократизм.

Обух с не меньшим азартом, точно доказывал не Ленину, а ненавистным ему страховикам, сказал:

— Медицина должна быть единой. Нельзя ее кром-сать на рабочую, военную, крестьянскую. У тифозной виши нет классового подхода. Она не разбирает, кого кусает: рабочего или крестьянина, кулака или совслужащего.

Тени на воде удлинились. Обух казался гигантом, тень от Ильича тоже была раза в два больше его. Надо было возвращаться. Владимир Александрович спохватился первым.

— А не пора ли нам домой, Владимир Ильич? А то Гиль уж, наверное, заждался, беспокоится небось, завез, думает, Обух Ленина неведомо куда.

— В самом деле, уж вечерет. За Гиля не беспокойтесь, он на вас вполне надеется и доверяет вам меня. Он так однажды и заявил: «Могу вас вполне доверить Обуху и Вейсброду».

— Вот как? Очень приятно слышать это от вашего стража. Давайте повернем сейчас вправо и попадем прямо к причалу.

— Не вправо, а влево, — поправил Ильич. — Вон там, видите, за этим лесочком и будет деревня.

— Может, деревня-то и будет, да не та. Тут в округе не одна деревня.

— Да, но именно в этой мы взяли лодку, — сказал Ленин, налегая на весла.

— Ошибаетесь, Владимир Ильич, нам надо вправо,— возразил Обух, однако продолжал грести в направлении, указанном Лениным. Отъехав еще метров пятьдесят, Обух встал, огляделся и вновь предложил Ленину повернуть лодку в противоположную сторону, но тот упрямо продолжал грести влево. Отплыли еще немного. Потом Обух положил весла на борта лодки и комически поднял руки вверх.

— Я лас, Владимир Ильич. Больше не играю. Переубедить вас не могу, сдаюсь и складываю оружие.

Ленин сделал еще два-три взмаха и, смеясь, тоже сложил весла.

— Ну, упрямец, поедem вправо, вы победили.—Ильич погрозил Обуху пальцем.— Но смотрите, горе вам, если я окажусь прав!

Обух легко взмахнул веслами и круто направил лодку, куда предлагал.

— А что, если я окажусь неправым, вы об Обухе поставите вопрос на малом Совнаркоме или вынесете на большой?

Оба вновь заливисто рассмеялись. Может, странно, но у этих двух внешне таких разных людей смех был чем-то похож, какой-то общей интонацией. И когда они смеялись вместе, получался как бы стройный дуэт, точно они предварительно репетировали. Давно известно, что смех есть признак душевного здоровья. И эти два человека действительно обладали великолепным душевным здоровьем.

В их споре Обух оказался прав. Они быстро сдали лодку и отправились искать Гиля.

— Владимир Ильич, может, вновь поспорим, в какую сторону нам теперь идти — вправо или влево?

— А вы, однако, язва здешних мест, — засмеялся Ленин. Обух с тайным восторгом посмотрел на него.

Не успели они выйти за деревню, как увидели направляющуюся к ним машину. Гиль еще издали крикнул:

— А я уж хотел ехать на озеро, разыскивать вас!

— Знаете, Гиль, мы отлично поохотились, видите какая утка! — И Ленин потряс ягдташем.

— Я слышал, как вы стреляли.

Хоть августовский день и не короток, но наши охотники вернулись в Москву, когда почти стемнело. Подъехали к Троицким воротам Кремля. Ильич быстро вышел из машины, Обух сделал то же самое и, взяв ягдташ Ленина, засунул в него три утки, оставив себе двух.

— Позвольте, что вы делаете, это ваши трофеи, — запротестовал Ленин.

— Не мои, а наши, так что поделили по-братски.

— Получается не по-братски. — И Ленин стал вытаскивать из своего ягдташа крякву.

— Владимир Ильич, лучше не протестуйте. Из этого ничего не получится, я ведь тоже упрямый.

Обух вновь сунул утку в ягдташ Ильича. Молоденький красноармеец, стоявший у будки, вскинул на плечо винтовку и улыбнулся. Ленин заметил это и сделал шаг к нему.

— Подумайте, товарищ, что прикажете делать? Ведь мне с ним не справиться — вон он какой большой.

— Взять утку, Владимир Ильич, — посоветовал часовой.

— Ну, хорошо, хорошо. Придется пригласить вас, Владимир Александрович, на обед.

— Придется, — повторил красноармеец и вдруг засмеялся густым басом.

— А теперь, Гиль, отвезите, пожалуйста, Владимира Александровича домой. До свиданья. — И Ленин быстро пошел в Кремль.

Стало уже совсем темно, но редких подслеповатых фонарей еще не зажигали. «Берегут топливо», — подумал

Обух. Потом пришли другие мысли, и пока Гиль довез его до дома в Мертвый переулок, Владимира Александровича уже обступили большие и малые заботы завтрашнего дня.

Бой со страховиками

Бой со страховиками в Московском отделе здравоохранения пришлось выдержать очень сильный. Бывший меньшевик, он же бывший рабочий-наборщик, один из лидеров страховиков, вел себя прямо вызывающе. Развалясь в кресле и пощипывая жиденькую бороденку, он небрежно и зло бросал реплики, видимо полагая если не победить, то по меньшей мере помутить воду, позлить людей, сбить с верных позиций неустойчивых и позаигрывать с рабочими.

— Вы интеллигенты, и потому вам не дано понять, что главное — необходимо обеспечить врачеванием (он так и сказал «врачеванием») рабочих. А вы хотите за счет рабочих грошей развивать свою профилактику да лечить интеллигенцию и всяких там служащих. Не выйдет! Не дадим! — кидал он в зал злые слова, как комья холодной, липкой грязи.

Как и все, у кого не сильны аргументы, слабы позиции, соцстраховцы истошно кричали, перебивая друг друга.

— Засел тут Обух и распоряжается рабочими деньгами!

Обух покраснел, дернул левым плечом, уже было привстал, но сдержался. «Пусть сначала их разобьют сами рабочие». В его памяти вдруг отчетливо возник голос Ленина: «Не сдавайтесь, Владимир Александрович, не

сдавайтесь. Эдак не долго докатиться до рабочего аристократизма». — «Не сдамся, Владимир Ильич, не сдамся», — мысленно ответил Обух Ленину, почти спокойно налил себе стакан боржома, глотнул пару раз и сел в кресло.

— Мы требуем, — продолжали соцстраховцы, — чтобы в Мосздраве учредили отделение рабочей медицины. Мы посадим туда своих доверенных врачей, введем контроль, чтобы ни копейки не утекло в «чужие карманы»!

— Вы, товарищ Обух, делаете политическую ошибку, игнорируя рабочий класс! Вы коммунист, а против классового подхода! — крикнул кто-то из зала.

Обух вновь дернул плечом и на этот раз хотел возразить, но тут поднялся рабочий — депутат Моссовета от завода Гужона.

— Что же это получается? Выходит, что вы, товарищи страховики, защищаете нас, рабочих, от нас же самих? Ведь у нас диктатура пролетариата. А вы хотите отгородить нас, пролетариев, от нашей же пролетарской власти. Не пойму я, куда же вы гнете? Упаси нас боже от таких защитников...

— Это демагогия! — крикнул бывший наборщик.

— Я не знаю, что такое демагогия, только не раз уж слышал, что вы употребляете это мудреное слово всегда, когда вам нечем крыть. «Демагогия» у вас вроде цепной собаки, которую спускают, чтобы не дать другим говорить.

Хохот и аплодисменты прервали гужоновца. Когда Обух водворил тишину, слово попросила работница «Трехгорки». Женщина средних лет, громко топая полу-сапожками, подбитыми железными подковками, легко взбежала на трибуну и, поправив красный платок на голове, звонко крикнула:

— Не слушай их, товарищ Обух! Мы тебя в обиду не дадим. Ишь что выдумали: «Обух против рабочего клас-

са! Обух делает политическую ошибку»,—передразнила она страховика.

Снова зал грохнул хохотом. Обух смеялся до слез. Ткачиха, чтобы перекрыть хохот, крикнула лидеру страховиков:

— Не Обух барин, а ты вон развалился, как барин! Разве так сидят на собрании? — Лидер съежился и уничижающе зло посмотрел на работницу. А та наседала.

— Чего глядишь? Не испугалась я тебя. Владимир Александрович не раз бывал у нас на фабрике. А вот тебя, нашего «заступника», мы что-то не видели. Кто у нас открыл ночной санаторий? — Обух! Кто организовал здравячейки? — Обух! Кто постоянно советуется с нами? — Обух! А вы? Может, выгоду какую имеете, потому и горой за «рабочую медицину»? Ведь на фабриках и заводах пайки-то выдают поболе, чем в учреждениях. А?

Последний довод ткачихи совсем убил противников Обуха. В зале поднялся невообразимый шум. Когда все стихло, слово взял Владимир Александрович.

Он говорил спокойно, негромко, скупыми, короткими фразами. Говорил о том, что здоровье населения, и в первую очередь промышленных рабочих, есть то богатство страны, которое лежит в основе всего подъема народного хозяйства, расцвета производительных сил, а следовательно, и действительного укрепления Советской власти. Охрана здоровья рабочих — одна из первых задач и обязанностей пролетарского государства. И потому нельзя эту государственную задачу разрывать на клочки, растаскивать по разным ведомствам, а «рабочая медицина» в современных условиях советской России не только невыгодна, но и вредна для успешной организации охраны здоровья рабочего класса.

На этот раз Обух и его многочисленные сторонники отбили атаки. Но сколько еще впереди будет боев со всеми, кто против новых форм организации медицины!

Поездка на Павшинские дачи

Уходил в Лету героический девятнадцатый год.

Героически. Вряд ли даже это слово вполне определяет меру массового подвига народа новой России. Люди тогда горели ярким пламенем революции. Выражение «пламя революции» давно обветшало, потускнело и, к сожалению, мало кого теперь у нас волнует. А между тем именно оно как нельзя более точно определяло время и состояние людей. И сколько бы ни придумывали потом новых красивых слов, точнее, чем «пламя революции», никто не сказал. Ибо нет ничего сильнее и очистительнее огня, тем более того огня, в котором выковывалась и закалялась новая жизнь.

Итак, уходил в Лету героический девятнадцатый. Гражданская война медленно отступала. Но еще ой как трудно было в стране! Ленин работал на абсолютном пределе человеческих сил.

После покушения на Ильича Обуха никогда не покидала тревога за него. Он точно знал, насколько было опасно ранение, и понимал, что оно со временем может дать серьезные осложнения. Но никогда, ни разу Обух не дал почувствовать своей тревоги ни товарищам, ни близким Ильича и уж, разумеется, ему самому. Эта тревога притаилась и навсегда поселилась в его сердце. Особенно опасался Обух перенапряжения сил Ленина, его переутомления. И когда при встречах видел, что Ленин становится грустным, молчаливым, или, наоборот, слишком возбужденным, или бледным, более чем обычно, он обязательно незаметно и тактично придумывал способ отвлечь его шуткой, остротой, каким-нибудь забавным рассказом. Не реже двух-трех раз в неделю Владимир Александрович по «вертушке» звонил Ильичу, спрашивал

о его здоровье, а перед воскресеньем всякий раз неизменно предлагал какую-нибудь поездку за город. Давно уже он соблазнял Ленина съездить в Павшино, посмотреть открывающиеся там в конфискованных загородных особняках дома для отдыха товарищей, которые от усталости, недоедания, недосыпания буквально валились с ног.

Владимир Ильич очень обрадовался, узнав, что Московский Комитет партии и Мосздрав организуют такие дома, и хотел непременно поехать посмотреть. Он не раз обещал Обуху выкроить для такой поездки время.

Морозная и многоснежная зима в этом году совсем запорошила Москву. Порой даже по центральным улицам было трудно проехать на машине. Тем более в Павшино вовсе невозможно было пробраться. Но Обух нашел выход. В очередную субботу у Ленина вновь раздался звонок.

— Владимир Ильич, я опять буду вам надоедать.

— С чем сегодня будете надоедать?

— Хочу предложить вам завтра поехать в Павшино.

— А-а, знакомая песня, — попробовал пошутить Ленин.

— Да, знакомая, — строго, как врач, которого нельзя послушаться, повторил Обух. — Надо бросать все и хоть на один день совсем уходить от дел. Вы не имеете права...

— Знаю, дорогой Обух, знаю, но дела такие, что я не имею права от них уходить ни на один день. Не могу сейчас, не могу. Давайте в следующую субботу, — уже просительно предложил Ленин, а потом обрадованно вспомнил: — А на чем же мы поедем? Гиль говорит, что на машине туда ни за что не проехать.

— У меня же есть замечательная лошадь Летунья. Помните, я говорил вам о ней? Она быстро домчит нас туда. Какое удовольствие прокатиться по морозцу на санях!

— Нет, змий-искуситель, сейчас никак не могу, давайте через неделю.

— Но, Владимир Ильич, я сегодня еду. Мне непременно надо осмотреть павшинские дачи. А то придется лишний раз гонять Летунью по такому глубокому снегу.

— Хитрец! Нет, какой хитрец! — Обух в трубку услышал залиvistый смех Ленина. — Вы рассчитываете, что я пожалею вашу Летунью.

— Без всякой хитрости, мне действительно не хотелось бы ее гонять лишний раз.

— Хорошо, Владимир Александрович, обещаю позвонить вам на этой неделе. Можете отложить поездку на несколько дней?

— Ну хорошо, только на несколько дней.

— А теперь скажите, как у вас обстоят дела с дровами? Хватит в больницах до весны? Морозища-то лютые стоят.

— Все время подвозим, Владимир Ильич.

Точно через неделю, в воскресенье утром, когда Обух сел поработать над своей статьей о диспансеризации промышленных рабочих, раздался телефонный звонок.

— Отец, тебя, — передавая трубку Владимиру Александровичу, сказал Николай.

Звонили из Кремля.

— Вы как, смогли бы поехать в Новый год? — спросил Ленин.

— Конечно, Владимир Ильич.

— Вот и отлично. Забирайте всех Обухов и пожалуйте к нам полным семейством утром первого января. Отсюда и отправимся.

— Но на чем мы поедem? Вызвать Летунью?

— Не надо Летуньи. Берегите ее. А на чем поедem — секрет. Нам Гиль сделал сюрприз. Не скажу какой. Приедете — увидите.

Сюрприз был действительно интересный.

Гилья не оставляла мысль, как бы все-таки приспособить машину, чтобы на ней можно выезжать за город по снежной целине. Придумать он, конечно, ничего не смог, но очень обрадовался, когда случайно узнал, что в Питере есть трофейная немецкая автомашина на полозьях — зимний вездеход.

— Автосани? Это интересно. В Питере? Но нет, для меня одного гонять вас в Питер я вовсе не намерен, — отказал Ленин.

— Почему для вас одного? — нашелся Гиль. — В воскресенье поедете вы, а в остальные дни могут ездить другие товарищи. Да и мало ли на что может еще пригодиться такая машина.

— Ну что ж, убедили. Поезжайте, голубчик.

И вот громоздкая колымага на полозьях вместо передних колес — в Москве. Задние колеса заменяли гусеницы, как у трактора. Черная тупорылая машина производила мощное, но мрачное впечатление. На ходу же была быстра и казалась легкой.

Утром первого января Нового, 1920, года Обухи — Владимир Александрович с сыном Андреем поехали в Кремль. Варвара Петровна отказалась.

— Нет, нет, всем нам ехать неудобно. Нельзя злоупотреблять деликатностью людей. Нагрянем вдруг целой ротой Обухов. Да и в машине все не поместимся. Поезжайте вы с Андреем, а мы с Николаем останемся дома. Да я не совсем и здорова. Извинитесь за меня.

Так и порешили.

— Почему вас только двое? А где вторая половина Обухов? — вместо приветствия спросил Владимир Ильич, входя в прихожую.

— Варвара Петровна просила извинить, она не совсем здорова, а Николай рано утром ушел по каким-то срочным комсомольским делам, — смутившись, быстро проговорил Обух.

— Что с Варварой Петровной? Надеюсь, ничего серьезного?

— Нет, мать просто немного простыла, — ответил Андрей.

— Ага. За Николаем мы все же заедем. А вы раздевайтесь, молодой человек, — предложил Ленин.

У Андрея упало сердце. Он вовсе не предполагал, что здесь ему придется раздеваться, снимать свой дубленый полушубок. Под ним у него была сатиновая косоворотка без пояса, да к тому же еще сильно изношенная.

— Владимир Ильич, разрешите мне не раздеваться, — робко попросил Андрей, умоляюще взглянув на отца: выручай, мол.

— Нет, не разрешу, раздевайтесь, и немедленно, будем пить чай, — с шутиливой строгостью сказал Ильич, расстегивая полушубок Андрея.

Мария Ильинична и Надежда Константиновна старались получше накормить всех перед далеким путешествием. На столе появились бутерброды с колбасой, сыр и даже нечто из серой муки, отдаленно напоминающее пирожное.

Андрей с нескрываемым наслаждением съел пирожное.

— Ну-с, молодой человек, что же вы делаете сейчас? — спросил его Ленин.

— Я только что приехал с Урала. Ездил туда в комиссии ВСНХ под председательством товарища Чубаря.

— Так, так. И теперь будете продолжать эту работу?

— Пока да, но с осени меня отпустят учиться.

— Учиться — это отлично. Что же привлекает вас, не специальность ли отца?

— Нет, доктором я не буду. Раньше мечтал стать инженером, а потом потянуло на сельское хозяйство.

Ленина это удивило. Он проницательно взглянул сначала на Обуха, потом перевел взгляд на его сына.

— Что значит потянуло к делу, которого вы не знаете? Вы же типичный горожанин. Сначала попробуйте узнать, что такое сельское хозяйство, чтобы избрать дело жизни наверняка.

— Он уже пробовал, Владимир Ильич, — вмешался в разговор Обух. — Весною в восемнадцатом году попробовал. У меня было небольшое имение в Витебской губернии — наследство матери. Еще в августе семнадцатого года я созвал крестьян и предложил им освободить наконец меня от этого наследства, организовать на его базе сельскохозяйственную артель и вести хозяйство на общественных началах. Так мужики, представьте, отказались.

— Не совсем понимаю, — удивился Ленин.

— Дело в том, что там меня знают с детства. Я рос вместе с ними, потом туда меня высылали под надзор полиции, крестьяне не раз помогали мне прятать политических. Ну, а когда я бывал там, то, конечно, постоянно лечил всех в округе. «Не возьмем, — говорят, — Владимир Александрович, у тебя землю», да и только.

— Очень интересно! Так и не взяли?

— Нет. Тогда вместо себя я послал Андрея. Надо же было что-то делать с этим «помещичьим» хозяйством. Так вот мой первенец поехал и здорово расправился с отцовским наследством.

— Молодец! Расскажите же, как это отцу не удалось, а вам удалось? Как вы, молодой «помещик», распорядились отцовским наследством?

— А я организовал там при волисполкоме партийную ячейку, — сказал Андрей. — Крестьяне же знают, что отец, а теперь и я большевики. Значит, ничего другого мы им предложить не можем. Сначала в ячейку записалось немного, а потом пришли и все самые близкие отцу крестьяне. Его друзья детства. А раз вошли в ячейку, значит, надо сообща и за землю браться. Правда, нелегко

было, но всё же организовали сельскохозяйственную артель.

— Очень хорошо! — пришел в восторг Ленин. — Вот так и действуют в массе наши товарищи, потому что находятся в постоянной гуще жизни. В этом наша сила!

Последнюю фразу Ленин употреблял часто, когда речь шла о народных массах и их творчестве.

— Очень люблю я глушь свибловскую! — сказал Обух. — Какие там леса, золотые восходы на озере! А охота, рыбная ловля, купанье чего стоят! Вот бы вам, Владимир Ильич в эту глушь недельки на две.

— А что ж вы думаете? — вопросительно взглянув на Надежду Константиновну, сказал Ленин. — Махнем как-нибудь, Надя, сам «помещик» приглашает.

— Я с удовольствием, ты знаешь, — отозвалась Надежда Константиновна.

— Ловлю вас на слове, Владимир Ильич, и уж теперь не отстану.

— Ну, ну, посмотрим, посмотрим, — сказал, улыбнувшись, Ленин и обратился к Андрею: — Значит, именно после организации крестьян в артель вас и потянуло к сельскому хозяйству? Так я вас понял?

— Да, Владимир Ильич. Собственно, деревню-то я знал и до этого, по тому же самому Свибло. А вот вплотную с сельским хозяйством столкнулся только при организации артели и понял две вещи: во-первых, уж очень я люблю деревню, и, во-вторых, без знания сельского хозяйства теперь туда соваться — курам на смех. Вот и решил махнуть в Петровскую академию.

— Махайте, Андрюша, отлично решили. — Владимир Ильич ласково посмотрел на Андрея. — Нам надо много, очень много образованных людей.

— А я, Владимир Ильич, между прочим, недавно слышал такие рассуждения, — заметил Обух. — «Зачем нам учиться? Знания были у врагов, а победили-то мы».

Обух вдруг увидел, как в гневе сверкнули глаза Ленина, и пожалел, что сунулся сейчас с этой дурацкой фразой.

— Это же чистейший фатализм! Выходит, что нас «кривая истории» вывезла самотеком. — Ленин встал из-за стола, прошелся по комнате.

— Победили мы в жестокой классовой драке. История только создала нам подходящие условия, а мы их правильно и вовремя увидели и умело использовали.

— Володя, пора ехать, времени уже много, — осторожно сказала Надежда Константиновна. — Пошли одеваться. Нас ждет Гиль.

— Да, да, Надя, пора одеваться, — сразу резко переключил себя Ленин и первым направился в прихожую. — Пошли, товарищи.

В автосани с Гилем сели Ленин, Обух, Надежда Константиновна и Андрей. На второй машине устроились Мария Ильинична, Дмитрий Ильич и Николай, за которым заехали по пути.

По широкому Петроградскому (ныне Ленинградскому) шоссе автоколымага на полозьях неслась быстро, веером разбрасывая по сторонам снежную пыль, а за ней, едва поспевая, мчалась тоже довольно громоздкая, но роскошная по тем временам черная английская машина «роллс-ройс».

Люди на тротуарах останавливались и дивились на такое не виданное в Москве зрелище. Вряд ли кто догадался, что это едет Ленин со своими друзьями. Вот уже миновали Яр, Петровский дворец, Ходынку.

— Какое удовольствие так быстро мчаться! Дух захватывает! — сказал Обух.

— А какой же русский не любит быстрой езды? — словами Гоголя отозвался Ленин.

Машины уже миновали Покровское-Стрешнево, промчались по сосновому бору и юркнули вниз с покатою

горы. Перед деревней Иваньково на крутом повороте автосани лыжами врезались в глубокий сугроб и остановились. Задняя машина едва не наскочила на них. Не успели седыки сообразить, что произошло, как Ленин, схватив деревянную лопату на дне машины, легким движением выскочил из нее в сугроб и начал сгребать с полозьев снег. Гиль вылез и попытался взять у Ленина лопату, но тот запротестовал:

— Не дам, Гиль, берите вторую.

— А ну-ка, Андрей, Николай, — отдал Обух команду сыновьям, — отобрать у Владимира Ильича лопату, живо!

Ребята мигом встали по обеим сторонам Ленина, словно арестовали его. Всем было весело смотреть на такую картину: два молодых, здоровых парня стоят в позах солдат на карауле, а посреди — пленник — Ленин. Одна рука его поднята вверх, в другой он держит лопату.

— Покоряюсь насилию, — с сожалением сказал Ильич и передал лопату Николаю.

Автосани вызволили наконец из снежного плена, и все уселись на места. Мотор фыркнул, машина рывком тронулась с места, вторая — за ней вслед, и они понеслись дальше по деревне Иваньково мимо особняка «Чайка» на так называемую Грековскую дачу, которая была уже более или менее оборудована под будущий дом отдыха и имела даже кое-кого из медицинского персонала.

Особняк «Чайка» был назван так в честь мхатовско-чеховской «Чайки» ее бывшим владельцем талантливым актером и режиссером МХАТа Василием Васильевичем Лужским.

Двухэтажный белый, с большими крыльями-верандами дом этот сам походил на летящую чайку. На фоне яркого голубого неба он чем-то напоминал и быстро

несущийся корабль с белыми парусами. Одноэтажная приземистая Грековская дача рядом с «Чайкой» казалась захудалой плебейкой, но была более удобна, уютна и уже оборудована под жилье. Отдыхающих еще не было, и потому первыми в этой роли оказались семьи Ленина и Обуха.

Гостей здесь встретили радостным беспокойством: «Чем же накормить? Ведь ничего еще не заготовлено. Не согреть ли чайку?»

— Не волнуйтесь, товарищи, мы оказались предусмотрительными и привезли еду с собой, — успокоила сестру-хозяйку Мария Ильинична, выкладывая свертки с бутербродами. Все уселись за стол. Застольца получилась дружная и веселая. Вскоре на столе уютно зашумел самовар. Владимир Александрович насмешил всех забавными историями из своей врачебной практики, рассказал о даче «Осинка», которую предстояло сегодня осмотреть. Дачу эту конфисковали у двух братьев — богатых московских купцов.

— «Осинкой» дачу называли мы, — закончил рассказ Обух. В ней полукругом выдается над входом часть второго этажа, точно осиное гнездо. Да вы сами увидите, мы скоро пойдем ее осмотрим.

— Так отправимся сейчас, — предложил Ленин, вставая из-за стола.

Решено было на осмотр идти только мужчинам, так как женщинам будет трудно пробираться по узким, занесенным снегом тропинкам. Пошли Ленин, Дмитрий Ильич и Обух с сыновьями в сопровождении нескольких сотрудников будущих домов отдыха.

Чтобы попасть на «Осинку», следовало пройти леском. Ленин обратил внимание товарищей на одну небольшую елку.

— Надо бы такую увезти в Москву и устроить новогоднюю елку для кремлевских ребят. Вы мне потом

дайте топорик, я срублю ее, — попросил Ленин заведующего домами.

— Это мы вам организуем, Владимир Ильич, обязательно.

Миновали лесок. Теперь надо было спуститься в довольно глубокий овраг, пройти по узким мосткам, переброшенным через речушку Химку, и подняться вверх по такой же узкой тропке. Шли гуськом. Ленин впереди. Он быстро и решительно направился к мосткам.

— Осторожно, Владимир Ильич, осторожно! — крикнул Обух. — Кладка там очень узкая, обледенелая, не поскользнитесь!

Но Ленин уже ничего не слышал. Он быстро, почти бегом спустился вниз и только ступил на жухлые мостки, как действительно поскользнулся, сорвался и одной ногой по колено погрузился в заснеженную речушку. Все бросились к Ленину. Первым подоспел Обух, схватил его под мышки и поставил на другую сторону мостков.

Только теперь Владимир Александрович перевел дыхание и понял, как испугался, как у него спазм схватил горло. Чтобы скрыть волнение, он заворчал:

— Ну вас, Владимир Ильич, никакого сладу с вами нет!

— Не сердитесь, пожалуйста, — извинительно попросил Ленин, — а с вами разве такого никогда не случалось?

— Со мной случалось, но с вами такого не должно случаться никогда, — совсем уже в другой тональности ответил Обух. Он что-то шепнул сыновьям, и они, обогнав всех, побежали вперед. Когда подошли к даче, Владимир Ильич остановился и с интересом посмотрел на нее.

— Как любопытно она построена, замысловато, но красиво. Удачно вы назвали ее. Получилась точная алле-

горя. Здесь, наверное, действительно было настоящее осиное гнездо.

В обширной столовой «Осинки», куда вошли Обух и Ленин, у камина возились Николай и Андрей. Дрова никак не хотели разгораться. Для Владимира Ильича достали валенки, он переобулся, сел в глубокое кресло у камина, укрыв ноги пледом.

Камин между тем разгорелся.

На фоне пылающего огня в камине Обух увидел четкий профиль Ленина. И Владимиру Александровичу вдруг показалось, что это плакат — будто невидимый художник на фоне яркого пламени, как на живых кумачовых флагах, выпукло нарисовал крупным планом голову Ленина. Обух внимательно еще раз взглянул на Ильича и заметил, что он задремал.

— Тише, товарищи, — шепнул он и глазами указал на Ленина. В столовой стало тихо-тихо. Только самовар едва тянул свою монотонную мелодию.

Обух любил Ленина глубоко, той редкой любовью, какой сильный любит сильного. Любил, как истинный талант любит гения, как человек большой души может любить человека души великой.

Владимир Александрович посмотрел на задремавшего Ильича, и вдруг его посетила странная мысль: «Вот если бы человеческое сердце и сосуды можно было заменять. Сколько людей, если бы потребовалось, с радостью отдали бы Ильичу свои сердца! Нет, сердце Ленина заменять нельзя, — возразил себе Обух, — это было бы уже не ленинское сердце, и кто его знает, как бы оно повело себя в ленинской оболочке? Какая ерунда лезет в голову», — оборвал он себя и, наклонившись к Андрею, шепнул ему, указав глазами на Ленина:

— Посмотри, какой у него рельеф лба и как энергично закручено ухо.

Владимир Ильич дремал не более десяти — пятнад-

цати минут, а когда проснулся, сразу все пришло в движение, точно в сказке, где добрая фея мановением руки пробуждает к жизни заколдованное царство.

Пошли осматривать дачу. Владимир Ильич во всех подробностях хотел знать, насколько удобно будет здесь отдыхать товарищам. Тепло и не сыро ли в комнатах, можно ли в них работать за письменным столом, оборудована ли библиотека, кухня, налажено ли медицинское обслуживание и нужна ли его помощь в чем-нибудь. Все понравилось Ленину, только бедноватой показалась библиотека. Когда возвращались с «Осинки» на Грековскую дачу, Владимир Ильич вспомнил про елку для кремлевских ребят и попросил топор. Но елка для него уже была приготовлена, и двое местных парней поставили перед ним роскошную, серебристую красавицу. Ленин остановился и в ужасе всплеснул руками.

— Товарищи, что же вы наделали! Да знаете ли вы, какую елку загубили? Она же декоративная, с дачной усадьбы, специально посажена, чтобы украшать жизнь людей. А вы...

Парни были совсем убиты. Они так старались. Выбрали самую красивую, ветвистую для Ильича, а получилось вот что.

— Ну теперь уж ничего не попишешь. Давайте-ка ее сюда, — вывел парней из парализовавшего их смущения Ленин и, приняв елку на свое плечо, быстро пошел вниз, к мосткам. Стало уже темнеть. Обух вновь послал сыновей к Ильичу. Они нагнали его, и серебристая елка перекочевала на плечо Андрея.

Хотя и стемнело, но теперь уже все благополучно перебрались через мостки и вскоре, рассевшись по машинам, пустились в обратный путь. Елку Гиль взгромоздил на крышу автосаней.

В Москве, прощаясь с Обухами, Ленин, пожав руку Андрею, сказал:

— А вы хорошо, Андрюша, надумали — поступить в Петровскую академию. Нам очень нужны будут специалисты в деревне.

В наступившем двадцатом году Андрей и пошел учиться в Петровскую академию.

Со времени первого посещения Лениным павшинских дач этот «куст» особняков с такими разными названиями — «Чайка», «Осинка», «Розовая», «Голубь», «Ватрушка» и Грековская — на долгие годы стал местом отдыха партийных и советских работников.

У «хозяина» павшинских дач — Владимира Александровича на «Осинке» была постоянная комната. К тому времени начал он сильно прихварывать. Сердечная астма, гипертония, одышка настоятельно требовали пребывания на воздухе. А работать он продолжал все с тем же напряжением.

Для снабжения продуктами дач и больниц в Павшине Обух организовал совхоз с большим молочным и огородным хозяйством, за которым он и Варвара Петровна постоянно присматривали сами. Владимира Александровича все до мелочей интересовало в совхозе. Он обходил поля, скотные дворы, вникал во все детали хозяйства и говорил: «Я люблю три вещи: революцию, медицину и сельское хозяйство, хотя последним никогда специально не занимался».

В Павшино зимой и летом на воскресенье приезжали члены Центрального и Московского комитетов партии, наркомы, моссоветовцы, люди литературы, искусства.

Не раз здесь бывали Дзержинский, Фрунзе, Тухачевский, Бубнов, Швердин — прокурор, Каменский, Боша, Вейсброд. Читали здесь свои стихи Маяковский, Демьян Бедный, Безыменский.

Вернемся, однако, к 1920 году. Сильное потрясение пришлось пережить Владимиру Александровичу и Варваре Петровне в этом году.

В то страшное воскресенье 4 июня Варвара Петровна с Андреем была на «Осинке». Владимир Александрович отдыхал дома в своем кабинете. Николай с товарищем в столовой чистил пистолет.

Выстрел грохнул неожиданно и гулко. Владимир Александрович вздрогнул, потом вскочил и побежал в столовую.

Николай лежал в кресле с запрокинутой головой. Владимир Александрович закрыл глаза и замер в дверях не в силах двинуться. Потом подошел к сыну, наклонился, взял его руку, приподнял голову. Понял — смерть наступила мгновенно. Товарищ стоял ошеломленный. Так же молча Обух подошел к телефону, набрал номер зала заседаний малого Совнаркома и попросил позвать к аппарату Семашко.

В это воскресенье, Обух знал, решался на малом Совнаркоме вопрос о дотации на санатории.

— Николай Александрович, — хрипло произнес Обух, — у меня сейчас... Приезжайте ко мне немедленно...

— Что случилось, Владимир Александрович?

— У меня сейчас, — опять начал ту же фразу Обух, — сейчас нечаянно убит сын... младший... Николай...

Семашко попросил отложить его вопрос на Совнарком и поехал к Обухам.

Картина его глазам предстала очень печальная. Сын — молодой человек — лежал бездыханный, а у его изголовья в глубоком горе сидел стареющий отец.

Решили, что за Варварой Петровной на «Осинку» поедет Николай Александрович.

— Вот за вами приехал, — поздоровавшись, сказал Варваре Петровне Семашко.

— Что-нибудь страшное? — испуганно спросила Варвара Петровна.

— Да.

— Владимир Александрович?

— Нет. Садитесь, пожалуйста, в машину.

По дороге Николай Александрович рассказал, что и как произошло.

Варвара Петровна проплакала всю ночь. Не могла она взглянуть на сына. Не могла видеть его ушедшим из жизни.

Всю ночь просидели товарищи с Владимиром Александровичем в столовой около Николая, Отец, наоборот, не мог отойти от сына ни на минуту.

На следующий день Боша, большой друг семьи Обухов, почти насильно усадил Владимира Александровича и Варвару Петровну в машину и увез их за город на Воробьевы (ныне Ленинские) горы. Там провели они полдня, не сказав друг другу ни слова. Угнетенное состояние долго не покидало родителей.

На четвертый день Владимир Александрович вышел на работу. Он был в полном оцепенении. Медленно отпускал его душу спазм, порожденный тягчайшей потерей.

О несчастье, постигшем семью Обухов, Владимир Ильич узнал сразу, и на следующий день Владимир Александрович получил от Ленина такое письмо.

«5 июня 20 года

Дорогой Владимир Александрович! Только что узнал от Мариц Ильиничны о кончине Вашего сына. Нас обоих весть об этом, как громом, поразила! Должно быть, болезнью сердца. Позвольте мне и за себя, и за Надежду Константиновну, и за Марию Ильиничну крепко, крепко пожалть руки Вам и Вашей жене, с которой мне, к сожалению, не довелось познакомиться. Надо побольше твердости, чтобы при чертовской переутомленности от непо-

мерной работы вы оба могли перенести этот удар. А перенести надо, ибо работников очень уж мало. Еще раз: крепко, крепко жму руки!

Весь Ваш Ленин».

Только кончилась гражданская война, как на страну обрушились новые потрясения. 28 февраля вспыхнул кронштадтский мятеж. Последняя отчаянная попытка белогвардейцев, эсеров и меньшевиков задуть Советы. Она не принесла победы ее «вдохновителям», но унесла из жизни немало отличных людей нашей партии и комсомола.

Второе потрясение пришло летом. Начавшая к середине года утихать эпидемия сыпняка с осени вспыхнула опять с невероятной силой, порожденная теперь новой бедой. В Поволжье и на Северном Кавказе в 15 губерниях, как чудовищный смерч, уничтожила все посевы, травы, а значит, и скот страшной силы засуха. 22 миллиона людей были обречены на смертельный голод.

В Москву хлынул поток голодающих. Все вокзалы были переполнены оборванными, опухшими от голода, пораженными тифом людьми.

На беженцах кишели вши. Кучи тряпья из мешков, котомок, кошелок своеобразными «клумбами» возвышались в огромных залах вокзалов. Вокруг этих «клумб» веерами лежали мечущиеся в тифозном бреду люди. Рядом с больной матерью лежал без сознания сынишка. Недалеко от нее у остывшего уже трупа другой матери ребенок пытался сосать ее грудь, оглашая высокие своды вокзала голодным визгом.

Этот ужас народного бедствия Обух встретил во всеоружии. Снова заработал антитифозный штаб Мосздрава. «Эй, товарищ, не медли долго! Кавказ голодает, голодает Волга», — призывал Маяковский через «Окна

РОСТА». Обух призывал свой актив не стихами. Он, как всегда, кликнул клич по фабрикам и заводам: «Все на борьбу с тифом», «Организуйте бригады помощи Мосздраву!». И все бригады работниц, рабфаковцев, комсомольцев принялись разгружать вокзалы и, отделяя живых от мертвых, больных от здоровых, детей от взрослых, на специальных трамваях, подаваемых к вокзалам, развозили всех по указанным Мосздравом адресам в больницы, изоляторы, приемники, детские учреждения.

Однако никакие бедствия, временные трудности, дела чрезвычайной срочности не прерывали методической работы Обуха над главным — над введением новой системы и организации народного здравоохранения.

Еще в конце восемнадцатого года Владимир Александрович при всех тогдашних невзгодах сумел открыть на «Трехгорке» первый в стране детский тубдиспансер. Его совершенно лишили сна чудовищные условия жизни рабочих в «прохоровских казармах». Вслед за детским диспансером там же Мосздрав открыл сначала ночной санаторий, потом диетическую столовую. Санаторию сразу присвоили имя Обуха.

Так год за годом все больше и больше стали открываться во всех районах Москвы диспансеры, диетстоловые, молочные детские кухни и другие профилактические учреждения. Владимир Александрович далеко смотрел вперед и своим противникам говорил:

— Да поймите же наконец, что Советская власть — это такое государство, где весь трудовой народ должен быть здоров. Ведь мы, коммунисты, построим социализм. При социализме все люди должны стать гармонично развитыми, красивыми и здоровыми. Вот поэтому наша медицина уже сейчас обязана готовить здоровое поколение. Для этого нам и нужна профилактика и диспансеризация.

Отличнейший человеческий экземпляр

В конце мая 1922 года Владимир Ильич серьезно заболел. Болезнь подкрадывалась к нему исподволь. Несмотря на все предостережения, случилось то, чего так опасался Обух. От переутомления, перенапряжения произошел инсульт.

Врачи категорически запретили кому бы то ни было посещать Ленина. Прописан был полный покой, систематическое лечение. Обух и Вейсброд постоянно бывали в Горках до тех пор, пока Ильичу не стало совсем хорошо, пока окончательно не миновала опасность.

В сентябре Владимир Александрович созвал областной актив здравячеек, чтобы послушать доклады с мест. Он хотел из первоисточников знать, что делается по здравоохранению и санитарному просвещению на предприятиях, в учреждениях, школах.

Зал был переполнен. Собрались сюда не только представители здравячеек, но и врачи, и руководители профсоюзов. Владимир Александрович был еще в своем кабинете, мысленно просматривал доклад, с которым ему предстояло сейчас выступить. Он вышел из-за стола и зашагал по кабинету, пересекая его по диагонали. Кабинет большой. На рабочем столе справа портрет Ленина.

Елена Соломоновна Брауде — секретарь Обуха — уже два раза заглядывала в кабинет. Пора начинать, а Владимир Александрович все ходит и ходит. «Подожду еще немного», — решила она, как всегда, боясь прерывать его раздумье. Она не разрешала ни себе, ни другим нарушать уединение Владимира Александровича, когда он работал над своими научными статьями или

готовился к докладу. Недоброжелатели и чинуши ворчали, говорили, что Обух только сидит в кабинете, ничего не делает. Елена Соломоновна резко обрывала таких.

— Да Владимир Александрович за час делает больше, чем вы за неделю. Он, сидя в кабинете, знает в десять раз больше, что делается на местах, чем другие, бегая без толку целыми днями. — И это была истинная правда.

Елена Соломоновна снова приоткрыла дверь кабинета, молча показав Владимиру Александровичу на часы на своей руке, пошла в зал. Обух улыбнулся и последовал за ней.

Приветственным жестом он поздоровался с аудиторией и, встав за столом президиума, спросил:

— Ну, товарищи, кто сегодня будет у нас председательствовать?

Из зала понеслись предложения, выкрики. Каждая здравячейка называла своего кандидата.

— А может, попросим сегодня товарища Самсонову с «Красной Розы», — предложил Владимир Александрович, указав на молодую работницу, сидевшую в первом ряду.

— Ой, что вы, Владимир Александрович, я не сумею, — вспыхнула девушка.

— Отлично сумеете. Знаю, как вы у себя на фабрике все делаете. Не возражаете против товарища Самсоновой? — обратился Обух в зал.

И пришлось ткачихе с «Красной Розы» Ольге Самсоновой занять председательское место. Обух вручил ей звонок, блокнот и карандаш, сам сел рядом.

— Вы командуйте, а я буду помогать. Вот повестка дня. Мое небольшое вступление и доклады с мест.

Оля объявила повестку дня. Владимир Александрович вышел вперед и стал рассказывать собравшимся о

том, сколько уже открыто в Москве диспансеров, диет-столовых, молочных кухонь, женских консультаций и как они работают. Говорил о большой помощи Мосздраву санячек. Эпидемии сейчас пошли на спад. В этом немало потрудились санячейки. Нарисовал картину недалекого будущего народного здравоохранения.

— Ну, а теперь самое главное, зачем мы сегодня собрались, — послушаем вас.

— Начинаем доклады с мест. Кто первый? — спросила Самсонова.

— Давай хоть я! — привстав, крикнула из конца зала пожилая работница. Ее с трудом вытащили в президиум. Никак не хотела. Обух подал ей руку. Войдя на трибуну, она начала так:

— Пока я буду живая, никогда не брошу работу в здравячейке. Для детей наших буду строить новую жизнь. — После этой патетической фразы, вызвавшей аплодисменты, она нарисовала страшную картину жизни рабочих в казармах их фабрики в Серпухове. — Одни тараканы, клопы да мыши замучили нас. Нынче летом мы выселили всех, как цыган, на улицу, благо погода стояла хорошая, запечатали в казармах окна, двери, щели и напустили туда такой отравы, что через неделю ни одной твари живой не осталось. Верите ли, метлами их выметали и жгли. А потом мы закопали все помойки, зловонные ямы засыпали, деревянные настилы сделали на улицах. Теперь не по грязи ходим, а цветы нюхаем — ребятишки их на бывших помойках насадили. Жизнь-то красивее стала.

Последняя фраза серпуховской ткачихи радостной болью отозвалась в сердце Владимира Александровича: «Вот оно — пришло и постепенно входит в быт рабочих людей: «красивее стали жить», — мысленно повторил он.

Поились похвалы в адрес Мосздрава и Обуха. Председательствовавшая не могла справиться с шумев-

шим залом. Обух дернул плечом, встал и водворил тишину одной фразой: «Не туда адресуетесь, товарищи. Вот кто привел нас к сегодняшним дням». — И он указал на портрет Ленина.

— Как сейчас здоровье Ильича? — крикнули из зала, и все зашумели снова. Когда Владимир Александрович рассказал о состоянии здоровья Ленина, о том, что ему уже разрешено немного заниматься делами, серпуховская ткачиха попросила:

— Передайте Ильичу, что стали мы теперь чище, красивее жить.

— Товарищ Обух, а теперь дай я скажу, — подняла руку пожилая женщина с озорным блеском в узких щелках выцветших синих глаз.

— Пожалуйста, только про работу на своей фабрике говорите.

— Хорошо, а можно я смешное расскажу? — спросила с места работница. — Про ребятишек наших.

— Ну что ж, смешное — это всегда хорошо, а если про ребятишек, так еще лучше, пожалуйста, ваше слово, Акулина Матвеевна, — разрешил Обух.

— Они, ребятишки-то, как приходят теперь из школы, так все форточки сразу настезь. Дождь ли, снег ли — им нипочем. Такие сквозняки гуляют по казармам — любо-дорого. Ведь и правда, у нас дышать-то бывало совсем нечем, особенно в кухнях, душина такая, что бабы без памяти валились. И пошла у нас теперь война с ребятишками. Матери, а особенно бабки закрывают фортки, а ребята открывают и стоят около них, как солдаты на часах, и нипочем не дают закрывать, кричат: «Так нас в школе учат, вам же лучше будет». А еще вздумали: есть из отдельных тарелок — подавай каждому свою. «Ишь баре какие отыскались!» — сердятся матери, а они опять свое: «Так нас в школе учат». Да еще примутся целые лекции читать: зачем надо фортки от-

крывать, почему вредно из одних тарелок есть да одним полотенцем утираться. И смех и грех!

— Это хороший смех, Акулина Матвеевна, и никакого греха! — веселым восклицанием закончил выступление работницы Обух.

Потом говорили рабочие с завода «Динамо», с Гужона, работницы из Орехова, из Павлова-Посада. На заводе «Серп и молот» целые цеха отработывали специальные часы, чтобы собрать средства на открытие своего ночного санатория. «Ведь государству-то трудно, на всех пока не хватает, так вот мы на свои заработанные денешки откроем у себя санаторий».

— А мы всем цехом дали зарок не пить, — заявили рабочие с другого завода.

— И держитесь? — спросил Обух.

— Держимся, Владимир Александрович, уж третий месяц держимся.

— А мы дали подписку бросить курить, тоже всем цехом, и тоже держимся, — сказал молодой парень с видом победителя.

— А мы из своей больницы попа прогнали! — крикнула девушка в цветастом платке, задорно и кокетливо взглянув на парня.

— Это очень интересно, а ну-ка расскажите, — попросил Обух.

— Тут уж мы, комсомольцы, воюем. Не вдруг у нас, конечно, все получилось. Сначала вместе с врачами задумали убрать из палат всех богов — иконы, значит. А больные не хотят, не позволяют, да и все тут. Тогда на обман пошли, решили устроить будто главную санитарную уборку всей больницы. Вынесут больных из одной палаты, мы ее вымоем, иконы вон и туда помещают других больных, а в их палату, уже тоже вымытую и без икон, поселяют этих. Вот так все и очистили. Теперь больницы наши, мы тут господа, а господа нам не надо.

Потом запретили в больницы и попам ходить. Они, конечно, за денежки делают отпущение грехов. А мы им: «Ступайте отсюда, святые батьки, нечего нас хоронить раньше времени».

Обух, приехав на следующий день в Горки, как и обещал рабочим, рассказал Ленину о собрании актива здравячеек. Владимиру Ильичу особенно понравилось, как комсомольцы воевали с попами и рассказ ткачихи о красивой жизни.

Во главе Института бактериологии имени Мечникова в Москве на Покровке в те годы стоял крупный профессор Коршун — фигура мировой известности. Он был поглощен своей бактериологией и не очень понимал, что происходит вокруг. Реакционно настроенный, он начисто не принял революцию, считая, что она погубит Россию. Однако не эмигрировал. Несколько раз выезжал за границу, но всегда возвращался и продолжал работать.

Летом двадцать первого года в деревнях начался большой падеж скота. Это была явная диверсия. Дзержинский позвонил Обуху.

— Владимир Александрович, как вы считаете — в этом вредительстве с падежом скота не мог ли участвовать профессор-бактериолог? Мы хотим его временно изолировать.

— Никуда от вас профессор не денется, — сказал Обух. — Вредить он не станет. Он любит Россию, а деревня — это Россия в его представлении. Так что, Феликс Эдмундович, не советую отрывать его от работы. У него сейчас горячая пора.

И другой, подобный этому разговор произошел у Дзержинского с Обухом. В Петрограде арестован был знаменитый хирург-уролог лейб-медик Федоров. Когда его привезли в Москву, Дзержинский позвонил Обуху.

— Знаете такого? — спросил он.

— Конечно, у него мировое имя, — отозвался Обух. — А что, и его собираетесь изолировать?

— Да он уже арестован. Сидит тут, в Москве. Ну как, Владимир Александрович, поверим и Федорову?

На этот раз Обух помолчал, потом ответил:

— Поверим, Феликс Эдмундович. Думаю, что не ошибемся. Я знаю этих одержимых наукой. Они люди с флюсом. Раздуло их на одну сторону. В остальном — слепы. Оставьте его в покое. Он будет под нашим неусыпным оком.

— Значит, освобождаем!

Когда Дзержинский приехал в Горки, Владимир Ильич очень обрадовался.

— Наконец-то, а то Вейсброд и Обух меня держат в строгой изоляции.

— Вас-то они правильно держат в изоляции, — усмехнулся Дзержинский, — а вот двух черносотенцев Обух, наоборот, посоветовал в свое время не изолировать. И я выпустил их. И правильно сделал.

Когда Дзержинский рассказал Ленину о своем разговоре с Обухом по поводу Федорова и Коршуна, Ленин очень тепло улыбнулся и воскликнул:

— Entre nous. А ведь отличный человеческий экземпляр этот наш доктор Обух!

Наконец-то! Торжественные речи, взаимные поздравления, щелканье фотоаппаратов позади. Давнишняя идея Обуха осуществлена.

В июне 1923 года, в пятую годовщину советского здравоохранения, был открыт Институт по изучению профессиональных болезней. Институту присвоено имя его создателя — В. А. Обуха. Это был первый в мире такого рода институт.

Владимир Александрович давно уже присматривал помещение для своего будущего детища и остановился на небольшой, как ее раньше называли, евангелической больнице на Воронцовом поле. Отвели для института сначала только несколько кабинетов и стали принимать рабочих с разными профессиональными заболеваниями.

В институт устремились молодые медики, энтузиасты нового: «какая захватывающая идея — охрана здоровья рабочих!»! До революции не мог даже возникнуть такой вопрос, а теперь специальный институт! Здесь подобрались блестящие медицинские работники, потому что шли сюда одержимые идеей.

У миловидной, лет пятидесяти женщины в белом халате молодым огнем зажигаются глаза, когда она вспоминает начало своего медицинского пути. Сейчас, в 1966 году, она зав. клиникой института — профессор Ада Марковна Рашевская. Пришла сюда сразу после студенческой скамьи.

— Тогда все было нипочем, — вспоминает Ада Марковна. — Вставала я в пять часов утра и шагала пешком чуть ли не через всю Москву на завод, в горячий цех исследовать условия труда и их влияние на рабочих. Затем по окончании смены мчалась в институт, чтобы подытожить наблюдения. Домой добиралась не раньше десяти часов вечера.

Но все равно, — улыбнувшись, закончила Ада Марковна, — если бы я вернулась к тому возрасту, то снова пришла бы только сюда.

Постепенно институт стал одним из самых передовых медицинских учреждений Москвы. Крупные специалисты, горячая молодежь, хорошая по тому времени оснащенность сделали институт центром медицинской научной мысли, поставленной на службу освобождения трудовых людей от профессиональных болезней.

В институте шли постоянные научные споры, люди

делились опытом, находками, новыми мыслями. В спорах научные работники призывали на помощь самих рабочих. Исследуя их профессиональные заболевания и ища методы избавления от них, врачи использовали производственный опыт лечащихся. Так начинала постепенно осуществляться еще одна идея Обуха — «синтез труда и науки», как назвал это явление Владимир Александрович. А затем, как цепная реакция, последовал синтез уже медицины и техники. Немало технических усовершенствований для гигиены труда было разработано институтом в содружестве с инженерами и техниками.

Наступило время, когда под руководством института начались ежегодные медицинские осмотры всех промышленных рабочих для раннего распознавания симптомов различных общих и профзаболеваний и своевременного воздействия на них и на окружающую среду — труд и быт.

Много проблем поднял и решил институт по изучению профессиональных болезней за сорок с лишним лет своего существования. Сейчас у нас в стране подобных институтов уже двенадцать.

Глубоко несправедливо поступили те, которые позволили лишить институт имени его создателя—В. А. Обуха. И совсем уже непонятно, почему до сих пор эта несправедливость не исправлена.

Ушел вождь. Ушел гений

Крутых январских морозов в тот год советские люди не забудут никогда!

Владимиру Александровичу позвонили из Горок. Просили немедленно приехать. Ленину стало очень плохо.

По отполированной полозьями и крепким морозом дороге машина скользила бесшумно.

— Голубчик, нельзя ли быстрее? — уже в который раз просил шофера Обух, не отрывая глаз от тяжелой луковицы часов, лежащих на его ладони.

— Понимаю, Владимир Александрович, но это предел.

— Бывают обстоятельства, когда человек обязан преодолеть предел, когда не должно быть предела. Понимаете?

— Понимаю, попробую, — ответил шофер и перешел грань. Под кузовом что-то крякнуло. Обуха сначала колыхнуло из стороны в сторону, потом подбросило так, что он теменем ударился о потолок кабины, и машина стала.

Пока шофер исправлял поломку, совершилась трагедия всемирно-исторического значения — остановилось сердце Ленина.

Когда Обух вошел в комнату, где лежал Владимир Ильич, часы на инкрустированном золотом столике показывали ровно семь. Он опоздал на десять минут.

Прошло десять минут, как остановилось сердце, которое вмещало в себя беспредельную любовь к трудовому люду и испепеляющую ненависть к его врагам. Остановилось сердце непобедимого в своей великой правде человека, всего себя до последней кровинки отдавшего борьбе за эту правду.

В большом доме все замерло, остановилось вместе с остановившимся сердцем Ленина. Только небольшие настольные часы в бронзовой оправе ритмичными ударами неумолимо отсчитывали секунды. Партия Ленина и обновленная Россия остались без своего гениального вождя.

Мысль Владимира Александровича работала четко, собранно. «Наступило то неотвратимое, — думал он, —

чего не могли победить ни наука, ни титаническая воля Ленина... Какое счастье было знать этого человека... Да, а где же Надежда Константиновна и Мария Ильинична? — Он оглянулся и не увидел их. — Надо пойти к ним».

Они сидели в соседней комнате рядом в уголке дивана. Мария Ильинична в своих руках держала руку Надежды Константиновны. Обух подошел и молча пожал им обеим руки.

Прошел час. Уже были отданы нужные распоряжения, написано медицинское заключение, составлен последний информационный бюллетень для печати. Все делалось быстро, но тихо и почти молча. А каждому хотелось кричать, кричать на весь мир о чьей-то чудовищной несправедливости, о несовершенстве людских познаний, о бессилии человеческого разума спасти гения.

Владимир Александрович позвонил в Москву — домой, потом подошел к Надежде Константиновне и Марии Ильиничне, сидевшим теперь у кровати Ленина, и опустился рядом на стул. «Что им сказать? Обычные слова утешения здесь не нужны». И он сказал то, что сейчас думал и чувствовал сам:

— Его постигла только физическая смерть. А ведь он не умер. Он не может умереть. Он бессмертен.

Сказано это было тихо, без пафоса, словно поставлен точный диагноз.

Мария Ильинична благодарно провела ладонью по руке Владимира Александровича. Надежда Константиновна подняла на него сухие, полные безысходной тоски глаза и в знак согласия едва приметно качнула головой.

— Кровеносные сосуды не могли выдержать того нечеловеческого напряжения, с которым Владимир Ильич жил и работал, — продолжал Обух. — А ведь иначе он не мог. Иначе он не был бы Лениным. Потому и болел

он последние годы неизлечимо. Мы, врачи, знали это и, сколько было возможно, отдаляли конец.

— Да, да... отдаляли конец, — повторила Мария Ильинична.

Все первые, самые трудные, дни и в Горках, а затем и в Доме союзов Владимир Александрович старался быть рядом с Надеждой Константиновной и Марией Ильиничной. Он очень тревожился за них, хотя держались они исключительно мужественно и внешне были спокойны. «Тем труднее им, — думал Обух. — Может не выдержат сердце». В те минуты, когда обе они из зала от Ильича уходили в соседнюю комнату, чтобы ненадолго присесть, Владимир Александрович непременно предлагал выпить подкрепляющего сердце лекарства.

— Спасибо, вот так вы и Ильичу всегда предлагали, — возвращая мензурку Обуху, сказала Мария Ильинична. — Помните, только вам удавалось уговорить его принять лекарство? Он ведь всегда твердил: «Организм сам должен справиться». А вы ему: «Правильно, но зачем же ехать на телеге, когда есть машина».

Кто-то распахнул дверь, и в комнату ворвались звуки траурной музыки. Но вот дверь стали медленно закрывать, и мелодия шопеновского марша начала постепенно отдаляться, точно ее смекшировали. Владимир Александрович налил в мензурку свежего лекарства и подал Надежде Константиновне. Она машинально взяла ее, но пить не стала, поставила на край стола. Владимир Александрович повторил свою просьбу.

— Надежда Константиновна, вам нужны силы, давайте подкрепим их. — Он снова протянул ей мензурку.

Приняв лекарство, Надежда Константиновна грустно улыбнулась и, как бы продолжая начатый Марией Ильиничной разговор, сказала:

— Ильич удивительно тонко чувствовал юмор. И юмором его можно было легко покорить. Помните,

когда он опять заупряился, вы ему возразили: «Надо же помогать природе. Мы, цивилизованные люди, теперь даже передельваем ее». — И тогда он сразу беспрекословно выпил лекарство. Помните?

...А люди в зале идут и идут вот уже пятые сутки. Стало почти привычным непрерывное шуршание ног медленно текущих по залу людей.

Текли. А стужа над землею
Такая лютая была,
Как будто он унес с собою
Частицу нашего тепла.

Боевой натиск на старый быт

Развитие советской медицины, организация новых форм здравоохранения, широкое санитарное просвещение требовали все больше и больше врачей самых разных специальностей. В Москве же врачей было в 1924 году немногим больше пятисот. И тем не менее уже год работал Научно-исследовательский институт профзаболеваний, уже на многих предприятиях открылись профилактории, туберкулезные, венерические диспансеры, работали детские и женские консультации. И уже задумал Владимир Александрович провести в Москве и диспансеризацию промышленных рабочих, и уже накануне открытия был Институт санитарного просвещения. Но трудно, ой как трудно было все это обеспечить врачами. А ведь надо! Не свертывать же, а расширять следует здравоохранение. Где же взять врачей? Как повысить квалификацию молодых? Вот тогда Обух и организовал во всех московских больницах ассистентуру, чтобы выпускники медфаков могли пройти хо-

рошую практику у талантливых мастеров медицины. Тогда же он попросил помочь ему и Московский Комитет партии.

— Давайте через ЦК затребуем в распоряжение Москвы несколько нынче кончивших медфаки врачей-коммунистов. Много мне надо докторов разных специальностей, да еще бы хоть парочку докторов — хороших организаторов.

Среди присланных молодых врачей был энергичный терапевт Д. Г. Оппенгейм. Когда он явился в Московский Комитет партии, ему там сказали:

— Очень хорошо, товарищ, врачи нам нужны. Но у нас тут есть главный по медицинским делам — Владимир Александрович Обух. Идите к нему в Мосздрав.

Оппенгейм вошел в большой кабинет.

— Прошу, — пригласил его Владимир Александрович, движением руки указав на кресло и принимая направление из ЦК. Оппенгейм почему-то оробел и осторожно присел.

— А вы о Лесгафте что-нибудь слышали? — вдруг спросил Обух, посмотрев на молодого доктора строго, как экзаменатор. Оппенгейм не слышал о Лесгафте, очень смутился и отрицательно покачал головой.

Обух с досадой взглянул на Оппенгейма и, резко дернув центральный ящик стола, вынул небольшую книжку.

— Нате вот, почитайте. А про диспансеризацию слышали что-нибудь?

— Да, как же, как же, слышал, — ответил Оппенгейм. — Нам ее Соловьев Зиновий Петрович читал.

— Ну, что ж он вам читал?

Оппенгейм рассказал.

— Так, так, правильно. Теперь отправляйтесь в Хамовники. Будете заведовать там райздравотделом. Готовьтесь, скоро начнем диспансеризацию рабочих.

К середине 1926 года в Москве под диспансерное наблюдение было взято 250 тысяч рабочих на 553 промышленных предприятиях, не считая диспансерной работы в детских и женских консультациях и в тубдиспансерах.

Еще в 1923 году Владимир Александрович утверждал, что всех людей, и в первую очередь рабочих, надо брать на диспансерный учет, а жизнь и быт их изменять, изменять внешнюю среду так, чтобы обеспечить всем здоровье и долголетие. На учет надо брать в первую очередь «наше будущее»: детей ясельных, детсадовских, школьников, подростков на производстве, «фабзайчат» и беременных женщин.

Санитарное просвещение — один из неперенных элементов поднятия общей культуры народа. Вот почему Обух постарался как можно раньше открыть Институт санитарного просвещения. Вот почему в Мосздраве почти с начала его организации по инициативе и под редакцией Обуха стало выходить много популярных изданий. Массовый журнал «За новый быт», брошюры на самые разнообразные темы: «Оздоровление труда и революция быта», «Здравоохранение и производительность труда», «Хирургическая патология грузчиков», «Отравление светильным газом». Такая литература расширяет массам путь к санитарному просвещению, а оно помогает оздоравливать труд и быт. Владимир Александрович не только редактировал, но и сам много писал, особенно по теоретическим и организационным вопросам.

Так Владимир Александрович вот уже восьмой год в труднейших условиях руководит Московским областным отделом здравоохранения. Экспериментируя, борясь, иногда ошибаясь в мелочах, но всегда впереди видя целое, главное, не ожидая славы, не ища тем более ни материальных, ни каких-либо иных выгод для себя, он

вместе с коллективом медиков, с помощью рабочей общественности создавал и укреплял народное здравоохранение.

Малоподвижный, страдающий тяжелой формой астмы, Обух все реже стал выезжать на места, однако, обладая исключительной интуицией, знал точно и абсолютно все и обо всех. По жесту, взгляду, интонации голоса, по двум-трем словам мог представить и понять суть дела, события, задачу.

— Ведь вроде только философствует, сидя в своем кабинете, а все знает и ни один принципиальный вопрос не упустит, — с удивлением говорили о нем.

Владимир Александрович делал доклады и отчеты на пленумах Моссовета, на заседаниях Московского Комитета партии и теоретические рефераты в обществе «Ленинизм в медицине».

Обладая феноменальной памятью, он наизусть, как стихи, читал массу цифр, легко на память цитировал Маркса и Ленина, Гиппократ, Боткина, Лесгафта, Пушкина и Некрасова, приводя примеры из истории и литературы. Его доклады были полны философских размышлений, но непременно в сочетании с практическими делами, с очередными задачами Мосздрава.

К выступлениям он готовился долго и тщательно и всякий раз волновался, как новичок. Он готовился, когда ехал в машине, когда пешком возвращался домой, когда бессонными ночами шагал по кабинету и думал, думал. Подойдет к столу, что-то наскоро запишет и снова зашагает. И так до зари.

А здоровье с годами все уходит и уходит. Уже почти непрерывно стала мучить бессонница и головные боли. Все чаще гипертонические кризы укладывали Владимира Александровича в постель. Самсонова борода его поредела, взлохматилась, от седины казалась серой. Теперь он стал очень грузный, с постоянной одышкой.

Все труднее стало Обуху с его легко возбудимой нервной системой выдерживать натиски противников. Он наговаривал им резких слов и уезжал на «Осинку». Начинался очередной тяжелый гипертонический криз... Тогда на помощь устремлялись друзья. Владимир Николаевич Розанов делал ему кровопускание, а Борис Соломонович Вейсброд, расхаживая по комнате, убеждал друга не волноваться по пустякам, сам между тем волнуясь гораздо больше. Затем он прописывал больному строгий режим, атофан и диету: апельсины на обед, мандарины на ужин. Владимир Александрович добродушно посмеивался над такой диетой и с возмущением рассказывал, как эти спорщики — дилетанты опять довели его до тяжелого криза.

— Нет, решительно нам надо выдумать против дураков какую-нибудь вакцину, ну какой-нибудь антидуризм, что ли, прививать его всем недоумкам в обязательном порядке, как оспу.

— Вы слишком растрчиваетесь на них, Обущец. Зачем столько темперамента! — уговаривал друга Вейсброд.

Диспансеризация давным-давно так утвердилась в нашей жизни, так вошла даже в наш быт, что ее теперь принимают естественно и просто, как, допустим, бесплатное лечение или обучение. А ведь в те годы, о которых ведем мы рассказ, — это примерно первое десятилетие Советской власти — предложение Обуха ввести диспансеризацию рабочих, даже только промышленных, вызвало у многих резкое недоверие, порой прямое непонимание, злую критику и протесты. И пришлось Владимиру Александровичу и его сторонникам вести долгую трудную борьбу. Не одного тяжелого приступа гипертонии стоило ему введение диспансеризации.

Владимир Александрович много и охотно выступал с научными статьями в печати и с лекциями и докладами, собиравшими обычно медиков, философов, рабочую общественность.

Поднявшись после очередного приступа болезни, Владимир Александрович вскоре выступил с докладом о работе Института профболезней в Москве и области.

Доклад изобилует интереснейшими фактами, глубоким анализом собранных материалов.

Много раз доклад прерывался и аплодисментами, и злыми репликами, выкриками. Абсолютно убежденный в правильности своих позиций, Владимир Александрович спокойно и даже с улыбкой, но с большой страстностью точными аргументами, казалось, легко, без всяких усилий разбивал своих оппонентов одного за другим.

Владимир Александрович кончил доклад и прошел к столу президиума. С третьего ряда зала поднялся известный в Москве врач-страховик Матвей Кривов. Он до сих пор не перестал еще злопыхать на все начинания Мосздрави и, где только возможно, показывал несогласие с Обухом.

— Вы вместе с вашим институтом занимаетесь не делом, а только видимостью дела, — зло забасил он. — Вместо активного вмешательства в оздоровление внешней среды, условий труда и быта, о которых кричите на всех перекрестках, вы проводите лишь формальный учет здоровья рабочих, составляете всякого рода санитарные журналы да санитарное описание предприятий. Это, правда, эффектно, но от возрастающего количества ваших списков заболеваемость рабочих не падает.

Владимир Александрович всегда отвечал на все вопросы и реплики сразу, по ходу действия. Вот и сейчас он не пошел на трибуну, не развернул тезисов своего доклада, а только дернул левым плечом и обратился к Кривову:

— Ну что ж, уважаемый коллега, ехидства в вашей реплике больше чем достаточно, а правды ни на грош. Вам-то, такому солидному врачу, следовало бы хоть изредка заглядывать в нашу медицинскую периодическую печать. Если бы вы не сочли за труд хоть раз в месяц раскрывать такие издания Мосздрава, как «Еженедельник МЗО», или массовый журнал «За новый быт», или «Московский медицинский журнал», вы бы очень легко опровергли себя. Там систематически освещаются вопросы диспансеризации и приводятся цифры, именно подтверждающие наше активное вмешательство в условия труда и быта рабочих, и довольно результативное вмешательство, доложу я вам.

Вы слышали, уважаемый коллега, о такой организации рабочих, как КОТИБы? — спросил не без озорства Обух.—Нет? Так я вам популярно объясню. КОТИБы— это рабочие комиссии по оздоровлению труда и быта. Это вот и есть одна из форм борьбы за здоровье трудящихся силами самих трудящихся. А без широкого участия масс я не мыслю себе советского здравоохранения. Так вот, КОТИБы вместе с врачами распределяют фонды лечебных мероприятий, таких, как спецлечение, путевки в санатории и дома отдыха, в ночные санатории, в диетстоловые. Они занимаются и трудоустройством рабочих согласно состоянию их здоровья, и переселением их в лучшие жилища. Что же это все только писанина, по-вашему?

— Владимир Александрович! — крикнул кто-то из зала.— А доктор Кривов все знает, нечего ему доказывать, только вчера мы были у него по всем этим делам.

Кривов оглянулся на голос и заерзал на стуле, а Обух продолжал:

— Я, товарищи, назову только две цифры в доказательство того, как сказался наш «формальный учет» на

здоровье и работоспособности рабочих. Возьму только количество отпусков по болезни. — И Обух на память прочел: — В июне прошлого года было таких отпусков 241 739 по Москве, а в июне нынешнего — только 194 000. Ну-с, вот вам и формальный учет здоровья рабочих. Надеюсь, удовлетворены? — Потом, обратившись уже ко всей аудитории, Владимир Александрович с большим подъемом закончил: — Отличная организация КОТИБы! Они помогают делать культурную революцию, которую завещал нам завершить товарищ Ленин. Как и всякая революция, она требует решительного натиска и строжайшей дисциплины. И мы никому не позволим нарушать эту дисциплину рассуждениями о том, нужна или не нужна диспансеризация. Надо общими усилиями бороться за новый быт, его культуру, а не тянуть нас вспять! — Призывным лозунгом Владимир Александрович бросил в зал: — Пусть же натиск на старый быт будет подобен революционному наступлению. На развалинах старого будем дружно строить наш новый быт!

Долго не смолкали аплодисменты. Многие стоя радостно аплодировали и докладчику, и делу, за которое он стоит так крепко, и культурной революции, завещанной Лениным.

Противники Обуха, однако, не успокоились. Не удалось одному разбить его со стороны практической деятельности — другой решил ударить с теоретически философских позиций.

— Прошу слова! — С первого ряда поднялся молодой, лет тридцати, человек в расстегнутой сатиновой косоротке, со взъерошенной головой, в очках. Он быстро взбежал на трибуну и обратился в зал:

— Я долго не задержу вашего внимания, товарищи, скажу только, что руководство института профболезней и прежде всего сам товарищ Обух стоят на позиции механистического материализма. Для них, — он ткнул

пальцем в Обуха, — рабочий является пассивным элементом, как бы придатком машины, а не активным строителем социалистического общества — хозяином машины. Хозяином, а не придатком! — повторил молодой человек и стал быстро, скороговоркой один за другим нанизывать факты, якобы доказывающие, насколько рабочий в институте является лишь пассивным исполнителем воли «лжеученых». Потом он так же стремительно сбежал с трибуны, будто сам испугался того, что наговорил.

— Сокрушительно правдиво! Сокрушительно! Убили меня наповал! — сквозь смех выговорил Владимир Александрович.

Молодой человек оглянулся.

— Что вы смеетесь?

— А как же не смеяться, когда вы говорите чушь, вздор и ерунду!

— Ах так, тогда я ухожу!

— Нет уж, молодой человек, будьте добры выслушать ответ. А то получается не очень честно.

Оратор сначала вздернул очки, потом подтянул на коленях брюки и сел.

— Так вот, — начал Обух, — прежде всего позвольте заметить, что фразерство и демагогия никогда не решали дела в пользу дела. А теперь скажите мне, пожалуйста, откуда вы добыли такую ересь? Хотя вы и учились в Институте красной профессуры, но я не думаю, чтобы это весьма уважаемое учреждение могло внушить вам нечто подобное. С какого потолка вы взяли, что руководящие товарищи в Институте профболезней механисты?

— Так вы же все лесгафтинцы, а Лесгафт был механистом.

— Ах, вот оно что! А что-нибудь и когда-нибудь вы читали о Лесгафте сами или пользуетесь пересказом из

десятих уст? Знаете ли вы, что историческая роль Петра Францевича Лесгафта — это мост между лучшими завоеваниями монизма века минувшего и стихийным стремлением к материализму века нынешнего? «Медицина, — говорит Фейербах, — это мать материализма». Так вот, я не боюсь сказать, что именно Лесгафт, когда я был его учеником, первый приучил меня мыслить материалистически.

Он решительно отвергал идеалистические и метафизические направления в различных областях биологии, анатомии, антропологии. Его труды до сих пор сохраняют свое научное и практическое значение. Да, труды Лесгафта помогают научным сотрудникам нашего института в своих работах обосновывать влияние окружающей среды на жизнедеятельность организма, что очень важно при изучении профессиональных заболеваний.

А вот на Западе некоторые «ученые» договорились до чудовищного абсурда. По их теориям, только «рок» наследственности и прирожденной конституции предопределяет заболеваемость.

А знаете ли вы, что Петр Францевич был одним из самых прогрессивных людей своей среды и своего времени? Он организовал вольную школу и курсы для рабочих. На его квартире в 1905 году в Питере заседал первый Совет рабочих депутатов. Он хранил не легальную литературу, прятал политических, наконец, на его курсах Владимир Ильич Ленин вел свой кружок пропагандистов. — Последний аргумент Обух выговорил особо четко и выразительно, чем совсем уничтожил своего противника. — А вы пытаетесь несколькими безграмотными фразами зачеркнуть имя одного из крупных переломных ученых России! Эх, вы!

После такой беспощадной расправы с горе-теоретиком сегодня уже больше никто не решался выступить с

очередными «разоблачениями» Обуха. Зато его сторонники в своих выступлениях могучей стеной фактов и примеров, утверждающих новое в советской медицине, заслонили своего вожака от всех нападков.

Подобные доклады Владимира Александровича обычно имели большой успех и были отличной школой, как медицинской, так и политической.

Еще поборемся, еще поживем!

Все было торжественно, очень взволнованно и радостно, но почему-то чуть-чуть грустно и неловко. Так бывает всегда, когда о хорошем человеке произносят при нем разные хвалебные слова, да еще с трибуны юбилейного собрания.

«Двадцатипятилетие политической и врачебной деятельности В. А. Обуха не является его личным или семейным праздником, а праздником всей нашей советской общественности, той общественности, которой В. А. Обух посвятил всю свою жизнь». Так писала «Правда» в те дни.

Двадцать пять лет бурного кипения сердца и разума! Двадцать пять лет упорной борьбы за здоровье человека! Двадцать пять лет огромного труда ради тебя, ЧЕЛОВЕК.

Юбиляр сидел на самом почетном месте президиума, смотрел в зал и видел много дорогих ему лиц, тех, кого любил сам и знал, что любят и ценят его; видел и тех, кто активно, действительно не любил его, как не любил все советское, видел равнодушных — этих он не считал за людей, видел и тех, кто подхалимски пел ему дифирамбы.

Вот только что с трибуны сошел один из таких его недругов. А ведь он «воскурял» здесь фимиам, который, впрочем, больше отдавал ладаном.

Теперь говорит всеми уважаемый патологоанатом Пал Палыч. Много лет они знают и взаимно уважают друг друга. «Постарел Пал Палыч, а все такой же оптимист и остряк».

Тишину зала расколол смех и всплеск аплодисментов. Владимир Александрович даже вздрогнул от неожиданности. «Видно, что-то очень смешное сказал Пал Палыч. Жаль, что я прослушал. Вон сидит Андрей с матерью, и оба смеются».

Взгляд Владимира Александровича остановился на блестящей лысине. Казалось, даже люстра отражалась в ней, такая она была холеная, точно отполированная. Он перевел взгляд на лицо и узнал Боброва. Собственно, по лысине он догадался, кто ее обладатель. Бобров тоже хохотал. Но вот взгляды их встретились. Бобров сразу оборвал смех, прочтя в глазах Обуха удивление. «Почему вы здесь?», — будто спросил Владимир Александрович и улыбнулся. «Этот печальник за рабочий класс хотел открыть при нэпе свою собственную лечебницу», — вспомнил Обух. Ну и досталось тогда ему.

Председательствует на юбилейном торжестве Борис Соломонович Вейсброд. Когда он водворил тишину, на трибуну вошла делегация арматурного завода, и старый рабочий торжественно положил перед Владимиром Александровичем тяжелый арматурный кран.

— Это вам, дорогой товарищ Обух, наш подарок в память о том, как в восемнадцатом году мы вместе помогали Мосздраву восстанавливать водоснабжение больниц и бань.

Владимир Александрович не успевал благодарить за все адреса, подарки и подношения и очень волновался. Вот делегация завода «Коса». На отполированной фане-

ре она преподнесла юбиляру блестящую, очевидно, только что на совесть отбитую на заводе косу. Такие подарки были ему особо милы. Они постоянно будут напоминать ему о простых, душевных людях.

А вот и еще подарок. Работницы фабрики «Красная Роза» преподнесли ему чайный сервиз.

— Мы знаем, Владимир Александрович, — вы любите пить чай. Пожалуйста, пейте на здоровье!

— «Достоинство человека определяется его поступками» — так говорят французы, а я скажу по-русски: большое вам спасибо, дорогой Владимир Александрович, за все содеянное вами, — сказал тот самый фтизиатр, которого так упорно в восемнадцатом году Обух уговаривал прекратить саботаж и вернуться работать в больницу, низко в пояс поклонился юбиляру и трижды облобызал его.

— Без товарища Обуха мы, рабочие, не представляем себе Мосздрави, — это говорит товарищ Михайлов, слесарь с завода Ильича. — Я, как депутат Моссовета, должен сказать, что под его руководством работа по улучшению жизни пролетариев проделана огромная. Только за время диспансеризации из подвалов переселено в квартиры буржуев 35 тысяч рабочих семейств. Вот это дело!

Последняя фраза утонула в аплодисментах, и Обух не расслышал ее. Он увидел в дальнем ряду женделегатку Евдокию Степановну Евсееву. Ее ласковые глаза смотрят с любовью, кажется, на весь мир. Владимир Александрович вспомнил, как она на заседании секции Мосздрави просто и естественно сказала: «Меня на фабрике прозвали мухой. «Ты, — говорят, — Дуська, прилипчивая, как муха, ни днем, ни ночью от тебя покоя нет». — «И не дам, — говорю, — пока у всех не будут форточки, пока все не привыкнут чисто да опрятно жить».

А с трибуны говорят и говорят.

— О профилактике как об основном методе советского здравоохранения одним из первых после Октября сказал товарищ Обух.

— Товарищ Обух — это философ-мыслитель на посту Мосздрава.

— Товарищ Обух — основоположник и идеолог единой медицины, вдохновитель нового здравоохранения.

— Товарищ Обух организовал тридцать тысяч человек — актив Мосздрава.

— Товарищ Обух всегда вел твердую ленинскую линию в теории и в практике медицины и народного здравоохранения.

Пройдет не больше года после этого юбилея, и в октябре 1927 года секция здравоохранения Моссовета с полной убежденностью запишет и такие слова в адрес Владимира Александровича: «Успешному проведению в жизнь нового курса в медицине в нашей красной Москве мы в значительной степени обязаны тому, что он проводился под опытным руководством старого большевика-ленинца В. А. Обу́ха».

С трибуны говорят и говорят, а в зале рядом с Варварой Петровной и Андреем сидит «герцог Ришелье» — Швердин. Он улыбается и подмигивает юбиляру: мол, знай наших. Обух ответно улыбается ему.

По традиции, установившейся с первых лет революции, приветствовать юбиляра пришли дети. Под звуки горна, возвестившего о ребячьем нашествии, они дружно протопали, неся впереди известный уже в Москве плакат с написанным на нем обращением к юбиляру: «Эй, дядя Обух, даешь диспансеризацию всех школьников!» Владимир Александрович далеко не сентиментален, но детвора растрогала его.

Следующие выступления он уже не мог воспринимать целиком. До сознания доходили только отдельные

фразы. Вот называют цифры как итог его большой работы. Это те цифры, которые он сам приводил, докладывая о работе Мосздрави пленуму Моссовета, Московскому Комитету партии.

Не будем лицемерить, юбиляру, конечно, приятно и радостно, что о нем говорят так искренне.

«Ну что ж, если отжать все красивые слова, разные филиппики, официальные адреса и оставить только сухой перечень сделанного, какой же получится итог? — думает Владимир Александрович. — А пожалуй, двадцать пять лет и впрямь прожито не зря. Да, сделано немало, а впереди работы еще гигантски много! Работы и борьбы, жесточайшей борьбы! Ну что ж, давно сказано, что жизнь есть борьба. А я люблю эту жизнь-борьбу. Значит, еще поборемся, значит, еще проживем!»

СОДЕРЖАНИЕ

В расцвете лет	11
Озорной мальчишка Володька и резвая де- вочка Варя	22
Чтобы всем людям было хорошо	32
«Политически неблагонадежный»	43
«Помещики»	51
На подступах к революции	56
Революция началась!	68
Последний, решительный.	79
С большевиками или против них?	89
Ай да доктор!	97
Чудовищное преступление	113
На озере Сенеж	122
Бой со страховиками	144
Поездка на Павшинские дачи	147
Отличнейший человеческий экземпляр	165
Ушел вождь. Ушел гений	173
Боевой натиск на старый быт	177
Еще поборемся, еще поживем!	187

Лаговская Евгения Александровна

РАДИ ТЕБЯ, ЧЕЛОВЕК

М. «Московский рабочий». 1967.
192с. 3КП1(092)

Редактор *Г. Белых*
Художественный редактор *И. Терехина*
Художник *Н. Симагин*
Техн. редактор *Л. Маракасова*

Издательство «Московский рабочий»,
Москва, пр. Владимирова, 6.

Л89562. Подписано к печати 7/III-1967 г.
Формат бумаги 70×108¹/₃₂. Бум. л. 3.0.
Печ. л. 8.4. Уч.-изд. л. 8.45. Тираж 15 000.
Тем. план 1966 г. № 245. Цена 28 коп.
Зак. 1049.

Типография изд-ва «Московский рабочий»,
Москва, Петровка, 17.

Цена 28 коп.

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ 1967

